

**Н. А. КОСТКО
И. Ф. ПЕЧЕРКИНА
А. А. ПОПКОВА**

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
УМНОГО ГОРОДА:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Н. А. КОСТКО, И. Ф. ПЕЧЕРКИНА, А. А. ПОПКОВА

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УМНОГО ГОРОДА:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография

Тюмень
ТюмГУ-Press
2024

УДК 316.34/35+338.2
ББК С546.21-26+У050.23
К723

Авторы:

Н. А. Костко — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей и экономической социологии Финансово-экономического института Тюменского государственного университета (гл. 1, § 1–2; гл. 2, § 1–3; гл. 3, § 1–2)

И. Ф. Печеркина — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса Финансово-экономического института Тюменского государственного университета (гл. 1, § 3; гл. 2, § 2–3; гл. 3, § 1–2)

А. А. Попкова — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Института сервиса и отраслевого управления Тюменского индустриального университета (гл. 2, § 3; гл. 3, § 1–2)

Рецензенты:

М. М. Акулич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей и экономической социологии Финансово-экономического института Тюменского государственного университета

Л. Л. Мехришвили — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук и технологий Института сервиса и отраслевого управления Тюменского индустриального университета

Костко, Н. А.

К723

Социальное пространство умного города : опыт социологического исследования : монография / Н. А. Костко, И. Ф. Печеркина, А. А. Попкова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. — 280 с. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-400-01809-1

В монографии отражены современные концепции управления городами. Дан развернутый обзор зарубежных исследований относительно вхождения таких населенных пунктов в информационный тип общества, что позволяет сформировать целостное представление о мировых тенденциях развития их как социально-экономических систем, городского сообщества. На примере изучения шести городов тюменского региона показаны особенности социального контекста, которые требуют своего учета в практике управления, в том числе и при реализации концепции «умный город». Особенностью данной работы является демонстрация стратегий, тактик и методов проведения социологических исследований с учетом современных отечественных и зарубежных подходов, что составляет основу профессиональных навыков не только социологов, но и иных специалистов социально-гуманитарного знания.

Адресована бакалаврам, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется вопросами развития города.

УДК 316.34/35+338.2
ББК С546.21-26+У050.23

Данная работа явилась результатом исследования в рамках гранта РФФИ, научный проект № 20-011-00305 «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования».

ISBN 978-5-400-01809-1

© Тюменский государственный университет, 2024
© Костко Н. А., Печеркина И. Ф., Попкова А. А., 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Управление развитием города: современные подходы, стратегии и модели	8
§ 1. Новые подходы в управлении развитием города: сущность, факторы влияния, концепции	8
Список литературы	44
§ 2. Концепция «умный город»: природа, эволюция, модели реализации.....	54
Список литературы	75
§ 3. Горожане и их отношение к реализации концепции «умный город»	82
Глава 2. Социальное пространство города как базовый элемент в системе концепции «умный город» и модели ее реализации	106
§ 1. Социальное пространство как сложная социальная система города.....	106
Список литературы	128
§ 2. Соразмерность идентичности и успешность реализации концепции «умный город»	135
Список литературы	166
§ 3. Субъектность горожан как элемент современного управления развитием города	171
Список литературы	205
Глава 3. Прогнозно-нормативная модель реализации концепции «умный город»	211
§ 1. Институциональный и субъективный параметры будущего городов.....	211
Список литературы	229
§ 2. Экспертное сообщество о городе, его развитии и концепции «умный город»	231
Список литературы	249

ПРИЛОЖЕНИЯ	252
Приложение 1. Методика социологического исследования и описание выборки	252
Приложение 2. Приложение к § 3 главы 1	264
Приложение 3. Приложение к § 2 главы 2	274

ВВЕДЕНИЕ

Почему нам надо знать о состоянии и учитывать в практике управления городским развитием именно социальное пространство города? Потому что люди, обладающие определенным человеческим потенциалом и капиталом, набором социальных качеств и характеристик, определяющие сущность социального действия, его направленность, ценности и результативность, в том числе и в экономической сфере, выступают одновременно главной целью и инструментом развития, а антропоцентрический подход становится основным в управлении. Потому что социальное пространство — это пространственно-временная концентрация взаимодействующих материально-вещественных и не материальных элементов общества, в границах которой действуют или бездействуют индивиды, обеспечиваются воспроизводственные процессы, процессы развития, формируются новые качества личности, общества, экономики, государства, цивилизации. Наконец, знание о состоянии социального пространства позволяет отслеживать, улавливать происходящие в обществе изменения, их противоречивость и конфликтность, что само по себе должно быть предметом пристального внимания управленческих структур города.

Практика социального проектирования управления развитием города предполагает необходимость разработки показателей и индикаторов, характеризующих состояние социального пространства города. Социальное пространство, его структура, функции, элементы, связи, — это такой же сложный феномен, как город. Сложность предмета обусловила необходимость выбора наиболее значимых показателей. В качестве таковых пред-

лагаются использовать: идентичность, социальную активность, ценности и нормы горожан, характер проявления которых дает нам интегральное представление о социальном пространстве города.

Цель нашей монографии совпадает с целью, которая была заявлена в рамках гранта, а именно: разработка методологии обоснования включения в практику управления развитием городов социального пространства как показателя его системного, комплексного, устойчивого развития при формировании модели «умный город».

Задачи исследования включают в себя:

- обзор современных концепций и моделей управления городами;

- характеристику современных моделей реализации концепции «умный город»;

- обоснование авторской модели реализации концепции «умный город»;

- теоретико-методологическое обоснование возможности и необходимости использования в практике управления развитием города показателей состояния социального пространства как социального параметра в достижении целей модели «умный город»;

- обоснование показателей социального пространства города как целевых ориентиров управления развитием города в рамках модели «умный город»;

- разработка комплекса индикаторов, характеризующих показатели социального пространства города как управленческих маркеров, и инструментария их оценки;

- апробация инструментария оценки индикаторов, характеризующих показатели социального пространства города для целей управления развитием города;

- разработка и обоснование механизма включения показателей социального пространства города в практику (систему) управления развитием умного города;

— разработка и обоснование прогнозно-нормативной модели социального пространства города второго эшелона (речь идет об областных центрах и центрах притяжения ресурсов).

Структура монографии включает в себя статьи как законченный труд, как результат по достижению поставленных задач.

ГЛАВА 1. УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ГОРОДА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ, СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ

§ 1. Новые подходы в управлении развитием города: сущность, факторы влияния, концепции

В нескольких параграфах монографии представлены теоретические положения об основных понятиях заявленной темы. Данный параграф имеет теоретический вклад и основан на контекстуализации путем установления диалога между литературой о современном городе, факторах влияния на него, а именно цифровизации и урбанизации; концепциях современного урбанизма, моделях управления и представлений о современном муниципализме и её систематизации. В качестве информационной базы теоретической рефлексии выступили результаты анализа статей и монографий, опубликованных за последние 10 лет в журналах издательств Sage, Springer, Elsevier и др. Для отбора работ отечественных исследований использовались ведущие отечественные журналы, которые индексируются в базах данных Web of Science Core Collection и Russian Science Citation Index (RSCI).

Для понимания природы и характера социального пространства умного города применяется метод декомпозиции, позволяющий сфокусировать внимание на каждом структурном элементе понятий заявленной темы в отдельности и через призму их отношений и взаимодействий. Кроме того, для комплексного и системного раскрытия темы принят тезис о необходимости применения разных научных школ, макро- и микросоциологических подходов и междисциплинарности [18, с. 61, 71]. Для обо-

значения характеристик и свойств современного управления городами нельзя обойти стороной анализ базового понятия, а именно то, что представляет собой современный город. Описывая город как исследовательский объект, мы исходим из того, что это особое пространство порой взаимоисключающих процессов и явлений общественной жизни. Здесь проявляются и действуют концентрация и дисперсия, объединение и разъединение, динамизм и устойчивость, хаотичность и системность отношений акторов, субъектов, групп и сообществ. Их эмерджентная совокупность обеспечивает своеобразие и неповторимость каждого города. «Город — это сосредоточение взаимоисключающих проекций, тенденций, форм и т. д., что делает его уникальным, неспецифичным, многогранным явлением не просто социальной жизни его горожан, сообществ, а базовым элементом цивилизации, скрепом разрозненного и атомического мира» [24, с. 65]. Отсюда признание роли города как привилегированного места для человеческой жизни [81, с. 469]. Привилегированность городов признается на уровне международных организаций, научного сообщества [30]. По мнению исследователей, города являются идеальными системами, где, с одной стороны, возможно примирение некоторых противоречий всех глобализированных обществ. С другой стороны, локальный уровень управления позволяет точно, адресно и с большей эффективностью решать общегородские проблемы и снижать степень разрушительного воздействия внешних неблагоприятных факторов [55, с. 2]. Сохраняется роль города как локомотива развития экономики: «в настоящее время города признаются в качестве фундаментальной, если не единственной, экономической машиной, способной обеспечить воспроизводство капитала» [78, с. 1]; как лаборатории изменений, пространства возможностей [87]; как важной локации для осуществления гражданства в повседневной жизни [92, с. 29].

Нельзя не отметить различие в определении подходов, которые систематизируют научные взгляды на природу и характер

понятия «город». Классификация подходов и их развитие отражены в работах отечественных исследователей Зборовского Г. Е., Волосниковой Е. А., Пирогова С. В., Трубиной Е. Г. [7; 15; 36; 41] и ряда других авторов. Для целей исследования города принимается выделение научных подходов (натурализм, структурализм, конструктивизм, феноменология) Пирогова С. В. [36, с. 116].

Концепция социальной системы с функциональными элементами «адаптация–цель–интеграция–латентность» Т. Парсонса [35] актуальна и определяет методологическое основание исследования города как социальной системы. Как рабочие приняты дополняющие схему Т. Парсонса идеи М. Арчер [3] и П. Донати [13] о роли и значении отношений, которые действуют между уровнями и элементами социальной системы [27].

Среди научных парадигм, доступных в настоящее время для интерпретации и анализа разнообразия и взаимозависимости городских явлений, парадигма сложности, по-видимому, предлагает наибольшие гарантии актуальности и комплексности. В рамках данной парадигмы город есть открытая система, взаимодействующая с другими подсистемами [60; 82]. Город — это сложная социальная система [20, с. 7]. При принятии системного подхода к определению природы города, он рассматривается как сложная социальная, замкнутая, но не закрытая система (согласно идеям Н. Лумана) [26] со своим набором элементов, отношений и взаимодействий, целей, управленческих моделей развития, где каждый из элементов системы обозначает свои функциональные, статусные, ресурсные координаты с демонстрацией отношений, связей. Наличие у города подобных характеристик и свойств не устанавливает конфронтационные отношения с характеристиками и свойствами систем более высокого порядка, например региона или государства. Действительно, они могут различаться, и данное положение определяет необхо-

димось поиска и нахождения точек пересечения, сопряжения и компромиссов между системами разного уровня посредством управления.

Мощнейшим фактором влияния на города является переход к цифровизации всех сфер жизни общества [46] и собственно мировые и страновые урбанизационные процессы.

Детализация исследования города как системы предполагает его рассмотрение в рамках системно-процессуального подхода, ориентированного на определение взаимных влияний между элементами системы и между системой и ее компонентами. Для целей управления значение приобретает знание о структуре системы, что представляют собой части системы и как они взаимодействуют; другими словами, знать элементы и законы, которые регулируют ее интеграцию, без которых (элементов, законов и интеграции) нельзя было бы даже думать о системе. Речь идет о системно-функциональной структуре города [81, с. 462]. Обращение к системно-функциональной концепции города позволяет построить модель его исследования, сочетая характеристики отдельных частей системы с характеристиками всей системы через поиск взаимосвязей между ними. Каждый элемент системы обладает своим набором характеристик, параметров и свойств, изучение которых предполагает использование разных научных подходов.

Описание города в категориях индустриального и постиндустриального подхода сегодня уже недостаточно [54, с.199]. В настоящее время акцент делается на динамичности города, его включенности в информационный тип общества [41], что отражено в рамках критической урбанистической теории [33; 73] и критической социальной теории.

Город — это динамичная система, что определяется сложностью, специфичностью структурных элементов, отношений, возникающих между ними внутри, с внешней средой. Дина-

мичность города развивается как нелинейная система, т. е. как сложная [1, с. 165]. Можно с уверенностью сказать, что такой характер города повлияет на его управление. Данное свойство сложных социальных систем предполагает необходимость учета в управлении как типичных характеристик города, так и особенных, возникающих как рефлексия на внешнее влияние. Последнее в большей степени зависит от особенностей системы и её элементов. Отсюда делается вывод о невозможности использования стандартизированных моделей и методов управления без принятия свойств, контекста, параметров каждого конкретного города. Динамическая сложность города предполагает набор переменных, которые характеризуют ее и отличают его от индустриального и постиндустриального типов.

Согласно ряду авторов, «динамическая сложность, характеризующая город, в основном зависит от трех основных переменных: уровней иерархии; типа и качества отношений; количества элементов» [81, с. 463]. В другой работе данных авторов предлагается четвертая переменная — скорости и законы изменений [62, с. 268]. Например, любой город территориально зонирован (причем зонирование городу было присуще всегда, во все времена) на центр и периферийные районы, которые отличаются друг от друга социальным составом населения, насыщенностью объектами инфраструктуры, местами приложения труда и отдыха и т. д., что уже само по себе создает некую иерархичность, специфику отношений (внутри и за пределами сообщества), разность показателей адаптации к изменениям и т. д. В свою очередь, это, безусловно, предполагает как минимум внимания со стороны органов городского управления. Качество управления, его результативность вступает в зависимость от четкости выстраивания отношений между уровнями и элементами города. Прежде всего речь идет о выстраивании отношений между основными субъектами города, а именно: горожанами, бизнесом и властью, для решения го-

родских проблем и достижения целей развития каждого субъекта и города в целом. Отношения между элементами системы разнородны и многовариантны, и замеры на определение их качества могут быть самыми разными. Особое значение уделяется качеству социальных отношений и параметрам их оценивания. Социальные показатели в своем основании характеризуют отношения, связи и взаимодействия между субъектами города, которые эффективны, если выстроены в системе координат доверия, солидарности, ответственности, готовности принимать нестандартные решения, учитывать последствия влияния от управленческих действий на все элементы системы и т. д. [11].

Согласно реляционному подходу город является реляционным продуктом, а также продуктом совместного производства [53]. Город предстает как концентрированное выражение субъектных отношений и связей в границах множественных пространств и временных параметров.

Кроме того, не стоит забывать и о теории хаоса, согласно которой даже простые детерминированные системы демонстрируют алеаторное (случайное) поведение, данный принцип действия ещё более очевиден для сложной системы, коей является город.

«Теория хаоса. Детерминированные системы, даже очень простые, состоящие из нескольких элементов, могут демонстрировать “алеаторное” поведение. Этот алеаторный характер является неотъемлемым качеством самой системы и не зависит от типа или объема доступной информации. Первое понимание случайности принадлежит Анри Пуанкаре (1903), который заметил, что в системе могут возникать “случайные” феномены» [62, с. 261].

Решение многих городских проблем, как не покажется странным, присутствует в практике и теории управления, которые требуют своего исполнения. К таковым относится необходи-

мость соблюдения алгоритма управленческого действия, а именно диагностирование, прогнозирование, проектирование, программирование, планирование, экспертиза, принятие управленческого действия. В реальности соблюдение алгоритма происходит только тогда, когда ситуация выходит из-под контроля. Пример, начальный этап реализации проекта реновации в Москве, когда не были учтены возможные реакции населения на проводимые меры по повышению качества жизни и комфорта среды для москвичей.

Основной вывод, который напрашивается из анализа позиций системно-процессуального подхода к городам, лежит в плоскости самого подхода: это соблюдение системности и комплексности в управлении развитием города с учетом его специфики, контекста и особенностей каждого элемента, отношений взаимодействия между субъектами и влияния как внутренних, так и внешних факторов на системные элементы, систему в целом.

В рамках феноменологической традиции и теории жизненного мира, повседневности, города трудно принять как системы [2; 5]. Тем не менее повседневность проявляется «через потребляемые вещи и людей, вовлеченных в практики их использования, через незначительные повторяющиеся обыденные детали» [5; 41, с. 20], тогда эта повторяемость позволяет сформировать системную, объемную картину города.

Полагаем, что выбор только одного из научных подходов в изучении города сужает исследовательское поле, сокращает охват параметров, характеризующих современный, социально сложный объект как город.

Итак, для более точного анализа городских процессов и явлений не обойтись без характеристики общих тенденций развития современного общества. Современное общество определяется как информационное. При этом понимаем, что сущность данного понятия в полной мере не определена [44]. Тем не ме-

нее видимыми проявлениями современности можно назвать глобализацию, изменение роли информации и ее трансформацию в продукт, объективное основание развития в совокупности с цифровизацией как инструмента действенности.

Новые тенденции напрямую характеризуют общество как социально сложное, что получило свое название в терминах *текущего* [2], *ускоряющегося, индивидуализирующегося* [4], *неопределенного* [12] общества.

Все характеристики отражают сложность происходящего, сложность вызовов с которыми столкнулось современное общество. Города оказались в эпицентре трансформаций, подчас одновременно демонстрируя множественность реакций и новообразований, подталкивающих к новому витку изменений и новому качественному состоянию общества в целом. Отсюда живейший интерес к поиску адекватного ответа, моделей и механизмов встраивания в текущий бешеными темпами процесс современной жизни. Неудивительно, что ведущие исследователи отдают приоритет в решении указанных проблем управлению [9]. Говоря образно, управление становится единственным хрупким веслом, посредством которого современное общество в состоянии если не выплыть, то хотя бы удержаться в бурном потоке современности. Отсюда рост исследовательского внимания к тому, что происходит в городах, увеличение предложения идей, концепций, подходов по управлению городами как сложными социальными системами. Согласимся с тезисом ряда авторов о том, что «местное (городское) измерение в смысле локальных вызовов и потребностей является столь же значительным, как и глобальное, если не более» [47, с. 115].

Подходы к определению типа общества и его характеристик разные, однако практически все авторы указывают на такие факторы как: *цифровизация, урбанизация и увеличение значения роли управления в современном обществе.*

Принимается тезис о том, что цифровизация как процесс характеризуется изменениями в области науки и технологий: «цифровизация — замена аналоговых (физических) систем сбора и обработки данных технологическими системами, которые генерируют, передают и обрабатывают цифровой сигнал о своем состоянии. В широком смысле — процесс переноса в цифровую среду функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями» [32, с. 12]. Кроме того, широта охвата цифровых процессов затрагивает практически все социальные институты [42].

По мнению экспертов, современное благополучие, экономический рост зависят от степени цифровизации, от знания, навыков и инфраструктуры, необходимых для разработки и применения цифровых технологий [50, с. 15]. Цифровая революция формирует новый прогресс, новые знания, новое гиперсвязанное общество, выстроенное на Интернете вещей (IoT), больших данных, технологиях искусственного интеллекта и городской аналитике, что позволяет городам двигаться вперед более системным и умным способом [80, с. 41]. Влияние цифровизации выходит за узкие рамки производственной экономической деятельности, оказывая влияние на все стороны жизни общества и, конечно же, на территориальные аспекты [81, с. 461]. Города становятся центром данной трансформации как фабрики новых цифровых продуктов, способов их потребления и последующего масштабирования. В структуре города есть специализированные подсистемы/элементы, напрямую включенные в процессы цифровизации. Одной из таких подсистем города является цифровая инфраструктура в виде цифровых продуктов, технологий, а именно, ИКТ (информационно-коммуникационные технологии), ИИ (искусственный интеллект), BD (большие данные) и т. д. Эти элементы преобразовывают город, и он предстает как более интеллектуальный, отзывчивый, эффективный, инновационный, демократичный, безопасный и устойчивый

в результате его «смартификации» [90]. Большие данные приобрели ценность для долгосрочной городской политики и планирования [74]. Информационные технологии влияют и на социальные аспекты жизни, способствуя повышению эффективности в наращивании социального капитала через онлайн-гражданское участие; прививая чувство доверия и уверенности в правительстве и системе правосудия [64, с. 7]. Усиливается роль цифровизации и цифровых технологий в создании условий для более эффективного и альтернативного метода социальной координации [79]. Важной составляющей цифровизации является формирование обратной связи между акторами, которые включены в отношения, формирующиеся посредством новых видов деятельности, вызванных цифровизацией и использованием больших данных [79]. Например, цифровые платформы для умного города, на данный момент их 47, а всего сквозных программных продуктов 93, вендоров 72 [98]. Особое значение цифровые платформы приобретают для граждан, где они могут получить необходимую им информацию о городе, своем районе проживания, состоянии дома и инфраструктуры, обозначить проблему, предложить ее решение, найти, убедить и привлечь союзников, включиться в процесс управления городом. Таким образом проявить, заявить о своей субъектности как горожанина.

Критики же обозначают проблему принудительной цифровизации [25, с. 42], что негативно сказывается на уровне доверия и солидарности в обществе.

В целом цифровые инновации дают привилегии людям и местам с «правильным сочетанием» навыков и технологий и ставят в невыгодное положение тех, кто их не имеет, делая неравномерное региональное развитие одной из самых насущных политических проблем, стоящих перед промышленно развитыми экономиками XXI века [50, с. 15]. Помимо территориального неравенства усиливается и социальное, даже в высоко развитых

государствах [96]. На сегодня пока не подкреплено какими-либо четкими показателями и данными утверждение, что использование цифровых средств в обществе позволило реально улучшить условия жизни в городах мира [55]. Большие надежды возлагались на вклад цифровых технологий, в частности использование больших данных, в достижении эффективности, нового качественного состояния в управлении, ориентированного на население за счет более точного определения предпочтений граждан [70]. Исследования в этом направлении еще только предстоят.

На сегодня выделяют целый ряд проблем использования больших данных для повышения эффективности государственной/муниципальной политики, управления в общем и их влияния на ежедневную жизнь горожан. Появился термин: *«датуфикация повседневной жизни»* [75], который вобрал в себя совокупность проблем, с которыми сталкиваются люди при расширении и проникновении цифровых новаций в их повседневность. Анализ публикаций в специализированном журнале *Big Data & Society* за 2019–2020 гг., позволил выделить следующие проблемы использования больших данных: *«дефицит доверия к данным»* [69]; при наличии большого объема данных трудно вычленивать недостоверную информацию, происходит *манипуляция данными* [58]; *модерация контента* [65]; *объем данных может быть предвзятым и проблематичным; большие данные могут быть не репрезентативными для всего населения; когда анализ данных передается корпорациям, политические решения могут формироваться под влиянием определенного типа идеологии* [75]; *много критических вопросов, связанных с управлением инфраструктурой данных, включая конфиденциальность, безопасность и интеллектуальную собственность* [70, с. 9]. Социальная проблематика использования больших данных в топе дебатов. Речь идет о тех людях, что не включены в процессы цифровизации, чьи голоса, интересы и потребности не измеряются большими данными [21, с. 121].

В целом можно сказать, что анализ публикаций подтвердил амбивалентность характеристик, которые следуют из влияния на город цифровых инноваций, что усиливает сложность города как социальной системы и управления его развитием. Цифровые технологии не могут рассматриваться в качестве цели развития, а только лишь как часть инструментария по достижению горизонтов будущего. Особого внимания заслуживают проблемы социальных экстерналий, вызванных влиянием цифровых технологий на повседневную жизнь горожан.

Важнейшим фактором влияния на города является урбанизация, которая как закономерный процесс воздействует на все иные общественные явления. Роль урбанизации велика, так как это «процесс, который превращает общество и пространство практически в планетарную сеть» [71]. Анри Лефевр еще в 70-е годы прошлого столетия назвал «городскую революцию» ведущей характеристикой современного мира [51, с. 199]. XXI век называют веком городов, в недрах которых зарождаются современные риски и вызовы, требующие новые знания и технологии, новые ресурсы и видение для их преодоления и достижения лучшего будущего [60, с. 267].

Урбанизация разворачивается в соответствии с различными процессами и в разное время, в глобальном и локальном контексте [88]. Локальный контекст урбанизации напрямую связан с теми явлениями, что происходят в конкретном месте с учетом специфики и особенностей территории. Это проявляется во всех сферах жизни, в частности в том, как формируется, трансформируется и влияет искусственная среда городов на естественную природу, на человека как неотъемлемую часть экосферы земли. Кроме того, урбанизация ускоряется [60, с. 267–273], что сказывается как на росте городов, причем увеличивается количество городов миллионников, так и количестве горожан по всему миру.

Данные ООН о росте городского населения

	2010	2015	2021
Темп прироста населения (средне-годовой %)	1.2	1.2	1,1
Городское население (% от общей численности населения)	51,7	53,9	55,7
Темп прироста городского населения (среднегодовой %)	2.2	2	...

Источник: [94].

По данным ООН, в период с 2020 по 2070 г. число городов в странах с низким уровнем дохода увеличится на 76%, в странах с высоким уровнем дохода и доходом ниже среднего — примерно на 20%, а в странах с доходом выше среднего — на 6% [94, с. 32].

Можно привести много цифровых данных, которые характеризуют урбанизационные изменения, но значимым все же остается проблема формирования, распространения и дифференциации городского образа жизни, который напрямую связан с его носителем и генератором, а именно горожанином. «Урбанизм, по достопамятному слову Л. Вирта, стал особым “образом жизни”» [19; 41].

В настоящее время урбанизм рассматривается как важный фактор современного развития, который отличается от периода индустриального общества. На этапе фордистско-кейнсианской фазы капитализма процессы урбанизации рассматривались как следствие действия более фундаментальных сил, таких как индустриализация, классовая борьба и государственное регулирование [51, с. 199]. В настоящее время процессы урбанизации не столько следствие, сколько непосредственный фактор влияния на все стороны общественной жизни. Исследователи подчеркивают связь между человеческим благополучием и урбанизацией [93, с. 210]. Как следствие, взрывной рост предложения

идей, концепций адаптации к новым условиям и формам урбанизационных процессов. Градостроители увидели в новом и разумном урбанизме концептуализацию параметров, обеспечивающих баланс между искусственной и естественной природой, некое приближение к реализации идей ноосферы В. И. Вернадского.

Таблица 2

Принципы нового и разумного урбанизма

Принципы нового урбанизма	Принципы «разумного» урбанизма Кристофера Чарльза
— 10-минутная пешеходная доступность до бытовых и социальных объектов — развитая уличная сеть из иерархии узких улиц, бульваров и аллей — многофункциональность и разнообразие — разнотипная застройка — традиционная структура района — увеличение плотности застройки — зеленый транспорт — экоустойчивость	— баланс с природой — баланс с традициями — соответствующие технологии — дружелюбность — эффективность — человеческий масштаб — система возможностей — региональная интеграция — сбалансированное движение — институциональная целостность

Составлено по работам [37; 28].

Социальные критики не столь позитивно оценивают концепцию «Нового урбанизма». «Новый урбанизм», возникнув в 1980-х годах в США, по мнению А. Ваноло, был направлен на решение городских проблем, на улучшение городской среды и качества жизни. Для достижения данных целей управленческие действия властей имели ярко выраженную социальную направленность и воплощались посредством привлечения горожан через поощрение коллективистских идей. Экономические меры были сориентированы на ограничение расширения городов, потребления земли и иных ресурсов. Наиболее интеллекту-

альным результатом нового урбанизма является идея разумного роста, более компактного, менее жадного и потребляющего меньше земли [цит. по 59].

«Неолиберальный урбанизм» — «политэкономическое направление, которое постулирует преимущество рыночных интенций городских элит в развитии городских территорий по отношению к публичным интересам горожан. Речь идет о капитализации городского пространства» [38, с. 13]. Данное направление урбанизма обоснованно подвергается критике и даже выражается в конкретных действиях, в виде движения муниципального социализма [73, с. 1374]. Одним из способов капитализации городского пространства называют цифровые технологии, проникающие в повседневную жизнь [79], трансформирующие ее, подталкивающие к заданному варианту выбора действий и предпочтений. Неолиберальный урбанизм является очень восприимчивой средой для внедрения цифровой инфраструктуры и алгоритмического управления в пространство города, воспринимаемых как панацея для решения современных городских проблем. На деле же идет процесс колонизации социальных отношений и деятельности во все расширяющихся областях [63].

Кооперативный урбанизм опирается на исследования повседневной городской жизни. Его основные принципы:

— городское планирование и развитие должны стремиться к минимизации неравенства методами управления и отдавать приоритет потребностям обездоленных, а не росту и конкуренции, особое внимание уделяется структуре пространства. Политика изменения пространства может напрямую признать и исправить городское неравенство;

— проявление агонизма, принятие различия и протеста как естественных компонентов справедливого общества и здоровой демократии, узаконивание и повышение ценности различий;

— государство / местные органы власти должны поощрять действия коллективного экспериментирования в производстве городского пространства как «общественного достояния» [71].

Позволим себе несколько критических замечаний в отношении реализации принципов кооперативного урбанизма. Неясным остается содержание политики изменения пространства, каковы его ресурсы, инструменты и технологии в условиях приоритета разнообразия жизни и интересов горожан. Насколько для нашей страны необходим агонистический/протестный город, где компромисс не рассматривается в качестве способа решения городских проблем. Каков механизм встраивания различий, разнородных интересов в практику управления городом. Все эти вопросы важны и пока не разрешимы даже в теории.

Концепция «прогрессивного урбанизма» или «прогрессивного города» — это, скорее, политический проект, и он включен в повестку как неолиберальной, так и левой городской политики. По мнению исследователей, отличает либеральную позицию от более радикальной левой/прогрессивной позиции то, что последняя должна устранять исторические системные корни сохраняющегося неравенства, оказывать прямую поддержку тем, кто наиболее уязвим в доминирующих системах неравенства, и расширять государственные инвестиции в социальное обеспечение и физическую инфраструктуру [86, с. 1376]. Концепция «прогрессивного урбанизма» включает три составляющих измерения, которые, как считается, формируют его политический масштаб и потенциал: местничество, городские движения и муниципальное управление [49, с. 45]; и, по мнению авторов, представляет собой: *«политические проекты, направленные на повышение социальной справедливости, гражданственности и демократии по отношению к муниципальному или местному управлению и жилым пространствам, местам и процессам городской жизни»* [49, с. 46]. Содержание и формы этих трех компонентов «прогрессивного урбанизма» не однозначны и, ско-

рее, носят прожекторский характер. Тем не менее обозначение данных базовых компонентов как целевых ориентиров управления можно рассматривать как положительное. В рамках концепции дается определение прогрессивного города как места, где справедливость достигается за счет политики перераспределения, политики разработанной, реализованной и оцененной государственными/муниципальными учреждениями в тесном сотрудничестве с различными жителями и их организациями [73, с. 1377]. Данное определение города напрямую соотносится с теорией права на город. Анализ исследований по концепции «прогрессивного урбанизма» [49] позволяет выделить ряд положительных аспектов, которые могут быть использованы и в отечественной практике управления развитием городами. Это утверждение доказывает возможность реализации принципов концепции не только в крупнейших, столичных городах, но и средних и малых, что весьма существенно, если принять к сведению тот факт, что большая часть городов РФ относится именно к этому типу. Концепция не нацелена на слом старой городской системы, ее основных подсистем — речь идет о продвижении вперед, сдвиге, достижении целей, направленных на минимизацию глубоких, застарелых городских проблем. Для этого управленческие и политические акценты смещаются в сторону учета местной специфики, использования местного активизма и ресурсов муниципального управления.

Анализ литературы не позволил четко разграничить понятия умного и интеллектуального урбанизма в силу их общей технико-технологической основы как способа активизации всех видов ресурсов и капиталов, в том числе человеческих, для решения проблем развития города, городских сообществ, с одной стороны. С другой — те же основания вызывают к жизни комплекс социальных проблем и рисков. Современный город, его сущностные характеристики рассматриваются как объект отражения современных общественных мировых процессов, фокус урбанистических процессов, локомотив современного экономи-

ческого развития, центр инноваций и т. д. Такая концентрация процессов в городах не может не сказаться на городе, на том, что в нем происходит в условиях нового типа общества. Доминантной характеристикой и свойством этого нового типа общества является знание, интеллект, человеческий капитал. Усиливается обратное влияние города как ретранслятора, регулятора и усилителя происходящего, где характеристики информационного типа общества приобретают продуктивные и технологичные формы и содержание. Обоснованным видится возникновение идеи интеллектуального урбанизма «на пересечении представлений о будущем городских мест, новых технологий и инфраструктуры» [77, с. 2105].

При этом интеллектуальный урбанизм — это отклик на происходящие изменения, это выражение запроса на адаптацию к этим изменениям с учетом накопленного знания, условий, ресурсов современного общества для минимизации негативных последствий, возникающих вследствие общемировых трансформаций, которые затрагивают все стороны жизни. Интеллектуальный урбанизм есть выражение перехода от традиционной логики к интеллектуальной, сопровождающийся новыми ожиданиями в отношении гибкости сети, реагирования на спрос, экологически чистого роста, новых услуг и подключенных сообществ [77, с. 2107].

Полагаем, что переход к интеллектуальному урбанизму не может носить стандартизированный характер. В силу того что города как сложные социальные системы не являются пассивным фоном, они по-своему и по-разному усложняют, развивают, разрушают и транслируют общественные процессы и явления, сопротивляются им. Для каждого города внедрение принципов умного/интеллектуального урбанизма требует учета его специфики, особенностей. Цели реализации умного/интеллектуального урбанизма не столь однозначны, на что указывают ряд авторов. «Внедрение умного урбанизма — это, по сути, политическое мероприятие. Умный урбанизм действует, руко-

водствуясь стратегическими, экономическими интересами и повседневными социальными практиками, чтобы облегчить внедрение конкретных способов контроля и регулирования во все более фрагментированных городах и неравноправных обществах» [77, с. 2112]. Умный урбанизм проявляется как новый способ планирования и управления городами, действенный императив технического прогресса для решения проблем XX века [74]. Одновременно ярлык «умного урбанизма» подвел к необходимости определения интеллектуального управления. Принимается тезис о том, что «интеллектуальное управление — это высокоинтеллектуальная система, которая перестраивает существующие административные практики и процедуры с четкими целями и совместным руководством в сочетании с интеллектуальными технологиями и социальными сетями» [80, с. 50]. Применение интеллектуального/умного управления требует от субъектов управления задействовать три вида навыков. Технологические навыки относятся к технологиям, планированию и управлению для предотвращения возникающих проблем. Навыки сообщества включают различные группы заинтересованных сторон и защиту интересов, коалиции, мобилизацию, переговоры и маркетинг. Навыки работы с данными делают упор на их открытость и совместный анализ [59]. Технологическая составляющая навыков для управленческих действий имеет ведущее значение. Социальные параметры, обеспечивающие взаимодействие между субъектами города определены как базовые для современного управления городами.

Развитие технократического подхода к управлению развитием городов, ставка на технологии как цели и одновременно как способа решения городских проблем трансформировались в идеи платформенного урбанизма. Платформенный урбанизм — это эволюция умного города, состоящего из новых социотехнических комплексов с поддержкой цифровых технологий, которые обеспечивают новые формы социального, эконо-

мического и политического посредничества [53]. Исследователи отмечают эволюцию умного урбанизма в сторону того, что было названо платформенным урбанизмом, и как концепция, и как практика платформенный урбанизм генеалогически уходит своими корнями в быстрое и многогранное появление «умного города» [53, с. 1563].

Большинство концепций урбанизма раскрывают одну из сторон состояния, проблематики, роли или функций современного города, что позволяет рассматривать эти идеи в качестве рабочих при определении параметров развития уже конкретного города.

Краткий обзор факторов влияния на город, теоретических концептов, обосновывающих трансформационные изменения в его границах, показывает сложность объекта управленческого воздействия. Сложность города, его способность рефлексии на глобальные вызовы во многом послужили обоснованием для экспериментирования с новыми моделями управления, политики, планирования и т. д. [56]. Экспериментирование само по себе является формой управления [87, с. 2272]. Многие исследователи рассматривают города в качестве площадок для технических и политических экспериментов, полагая, что с помощью теоретических конструктов (и не только) могут быть протестированы и внедрены альтернативные модели управления городской средой для создания устойчивых пространств. Город является идеальной лабораторией. Город как социальная система помимо сложности и динамизма обладает свойствами генеративности (генерирует не только проблемы, но и способы их решения), рефлексии, гибкости и адаптивности. Недавние исследования показывают, что во всем мире искусственная среда все чаще используется в качестве лаборатории, в которой политики имеют возможность тестировать в контролируемых условиях новые типы управления и городскую инфраструктуру [57]. Считается, что экспериментальное может проложить путь

для нового типа социально-пространственной реальности [71, с. 393]. Важным в таком подходе к управлению городом является не столько экспериментирование с пространством, сколько попытка найти модели управления, минимизирующие социальные проблемы современного общества. В литературе по городским экспериментам за последнее десятилетие подчеркивалось, что города — это места городских технических, политических, социальных экспериментов, сосредоточенных на широком круге вопросов: от устойчивости до изменения климата, энергетических переходов, экспериментального моделирования и цифровых технологий [53, с. 1563]. Современные способы реформирования городов направлены на тестирование новых технико-социальных подходов к управлению городскими процессами [53, с. 1563–1564].

Город, городское общество подвержены стремительным преобразованиям, подчас являясь их инициаторами. Эти изменения во всех сферах жизни, в планировании и управлении развитием города иногда рассматриваются как эксперименты, и тогда современный город синонимичен экспериментальному городу. В теории управления городами представлено одно из направлений, которое получило название «городские живые лаборатории». Данное направление встроено в концепцию устойчивого развития и рассматривается как способ решать городские проблемы в условиях неопределенности, фрагментарности ресурсов и средств для успешного развития городов [52]. В нашей стране примером реализации программы городских живых лабораторий можно назвать г. Томск [99].

В Европе накоплен опыт по реализации городских живых лабораторий, в рамках которого выделяются «три «идеальных»» типа — стратегический, гражданский и органический. Формы лабораторий имеют четыре варианта: пробный, анклавный, демонстрационный и платформенный [52, с. 318]. Проектам «лабораторий городской жизни» отводилась роль маяка, экспериментальной площадки, где апробировались концепции устой-

чивого развития и умного города. Акцент делался на проверку действенности общих для всех лабораторий параметров: географическая встроенность в конкретный городской контекст; явная функция обучения; участие и вовлечение пользователей; альтернативные способы лидерства и участия, чем в традиционных проектах частного сектора или в процессах городского планирования; намерение провести оценку и постоянное улучшение [52, с. 319]. Опыт работы европейских живых лабораторий применим в части возможности апробации и демонстрации на небольших городских площадках результатов и проблематики внедрения сложных моделей управления городом. Экспериментирование, а точнее социальное проектирование как элемент алгоритма управленческого действия, рассматривается в качестве составляющей успешного управления развитием города.

Города — это сложные, социальные, динамичные системы, которые подвержены многочисленным факторам влияния как извне (со стороны более высокоуровневых систем), так и изнутри, поскольку производят собственную сложность, изменения, бифуркации и т. д. Сила воздействия различных факторов на город и изменения в нем чрезвычайно ускоряются, масштабируются, варьируются, что требует от города как системы — а собственно и по отношению к каждому элементу, подсистеме, субъекту — гибкости, адаптивности, экспериментаторства/новаций. То есть эти обеспечивающие устойчивость развития характеристики как минимум необходимы, как максимум обязательны как для горожан, так и для всех элементов городской системы, в том числе управления. Возникает вопрос (практический и академический), насколько субъекты города обладают этими свойствами, как они проявляются и при каких условиях. Возможно, этим можно объяснить желание представить или видеть город как экспериментальную площадку, где апробируются новые модели управления, готовность населения и других субъектов к принятию этих изменений. Потребностью

в экспериментальных, гибких и открытых процессах управления [87, с. 2276] можно объяснить интерес к идеям городских лабораторий, вовлечения и участия населения в управлении, поиска адекватных концепций и моделей их реализации. В условиях усложняющегося и быстро меняющегося мира принятие простых управленческих решений и стандартный способ мышления, укоренившийся в сознании и практике управления, должны измениться [21, с. 120]. Многие исследователи утверждают, что воспроизведение существующих траекторий политики, типовых моделей, форм и способов управления крайне нежелательна [87].

Исследование городского управления сопряжено с темами о политической власти, бюджете и финансировании, многоуровневости и иерархии, участии и подотчетности, стратегическом планировании и институциональных изменениях. В настоящее время довольно сложно выделить концептуальные основания для определения природы и сущности городского управления. Во многом данное положение вещей в науке о городском управлении связано как с сложностью объекта исследования, так и с теми изменениями, которые он претерпевает. Существует множество исследований городов, политики и инноваций в управлении, и тем не менее, по мнению экспертов, перейти от них к объединяющей теории управления развитием города непросто [56]. В одной из работ уже был представлен анализ подходов к определению сущности современного управления [24].

Полагаем, что выделение трех подходов носит условный, академический характер, в то время как в практике управления развитием городами нужен системный и комплексный подход.

Оптимальным для целей развития городов является гибридизация всех трех подходов для решения сложных городских задач и проблем. Ресурсный [14] подход позволяет обозначить материально-вещественные параметры, необходимые для развития города. Отсутствие ресурсов развития остается основной проблемой для управления современными городами [50]. Нель-

зя не признать, что популярность концепции «умного города» во многом объясняется тем, что такой город сам по себе рассматривается как ресурс [89], как новый вид конкурентного преимущества в борьбе за новые ресурсы, в том числе за все виды человеческого капитала. Нехватка традиционных ресурсов, их истощение подвигли к обращению внимания на нематериальные [29].

Объектный подход [16] фокус управленческого действия направил на человека не просто как на ресурс, а как на цель в социологическом понимании этого тезиса, что согласуется с концепцией «умного управления», с акцентуацией на социальные факторы городского развития [39], что, в свою очередь, соотносится с концепцией многоуровневого управления в Европе [66].

Субъектный [8] позволяет выделить заинтересованных, принимающих и действующих лиц. «В настоящее время в рамках постнеклассических теорий социальное управление определяется как полисубъектное, где возникает новый тип отношений “субъект — саморазвивающаяся полисубъектная среда”... Ярким примером постнеклассической трактовки социального управления является социально-ориентированное управление, в основе которого заложен фундаментальный принцип межсубъектного взаимодействия, декларирующий необходимость активного включения отдельных индивидов, различных социальных групп и общностей в управленческий процесс для наиболее полного и всестороннего учета их потребностей и интересов» [11, с. 591].

В качестве рабочего принимается тезис о том, что городское управление выстраивает между субъектами города отношения и взаимодействия, а также условия и правила, которые их обрамляют [56].

Процессуальный аспект управления включает в себя алгоритм принятия решений, технолого-организационные аспекты. Классический алгоритм управленческого действия сочетает в себе диагностирование, прогнозирование, проектирование,

программирование, принятие решений. Сегодня предлагается расширить набор управленческих параметров за счет действий, которые были озвучены в рамках концепции «устойчивого развития»: включение, согласование и ориентация. Инклюзивность относится к демократическим, плюралистическим подходам к принятию решений; согласование ведет к последовательности изменений политики на всех уровнях управления и масштабах реализации; и управленческие цели сориентированы на снижение углеродного следа как в механизмах принятия решений, так и в инфраструктурных вмешательствах, отходя от существующей практики и наследия ископаемого топлива [87, с. 2275]. Данный подход актуален и для российской действительности с учетом более корректных взглядов к определению значения и роли ископаемого топлива в современной экономике, чтобы не перейти к радикальной зеленой повестке. Все три аспекта в совокупности и по отдельности применимы на каждом этапе управленческого действия. Кроме того, включение и согласование обеспечивают институционализацию действий субъектов города по управлению, функция ориентации соотносится с определением управленческого целеполагания, презентации цели, горизонта, образа будущего развития. К тому же действенность указанных параметров напрямую связана с установлением в городе, и в частности в рамках системы управления, отношений взаимодействия между основными субъектами. В каждом городе присутствуют относительно автономные субъекты, которые имеют свои цели, ограниченные ресурсы и заинтересованность в отношениях. Для достижения целей общего развития требуются механизмы, позволяющие установить взаимодействие. Возникает вопрос о том, что может послужить основанием для установления связности между субъектами города. По мнению ряда исследователей к таковым относится «совместное производство знаний в качестве процесса привлечения, облегчения и реализации местных и глобальных значений городской жизнестойкости и устойчивости» [60, с. 271].

Данное утверждение согласуется с тезисом о роли университетов как конкурентном преимуществе городов и как организации, городском субъекте, который способен взять на себя роль экспертной, согласительной, информационной площадки продвижения нового взгляда на функцию университетов в системе управления развитием города.

В зарубежной литературе о государственном/муниципальном управлении (между данными понятиями не ставится знак равенства, но возможность совместного рассмотрения принципов основана на том, что эти два вида управления характеризуются параметрами власти, публичной власти) выделяется три режима управления через обозначение их форм и содержания. Эти режимы отличает способ проведения контроля, принципы установления стимулов, правила разрешения конфликтов. Правила и нормы, определяемые как формальные и неформальные институты, ограничивают и делают возможным взаимодействие, имеют разную логику действия. Для иерархического режима управления значимыми являются механизмы контроля и способов взаимодействия «управляющий» и «управляемый».

Режим совместного управления построен на логике сотрудничества и координации, основанными на взаимности и социальном капитале [61]; учитывается ресурсное участие негосударственных субъектов в многосторонних структурах и конфликтных, неоднозначных городских процессах [50]; потенциал совместного управления для реализации социальной устойчивости заключается в возможности совместными усилиями создать конкретные условия, которые могут способствовать развитию человеческих способностей [72].

Для режима самоуправления логика сфокусирована на ответственности и самоуважении внутри организации, а также и отдельного человека. Данные режимы управления представляют идеальный тип, а на практике происходит их гибридизация и пересечение. Выделение трех режимов управления касается форм

и способов установления между основными субъектами (власть, бизнес, элементы гражданского общества) взаимодействия и отношений. В настоящее время акцент перенесен на новую организующую логику управления. В основу положен дизайн/проект, который представляет собой управленческий конструкт для направления индивидуального взаимодействия косвенным образом, влияет на архитектуру выбора, вызывает, а не предписывает поведение [67, с. 49]. С развитием цифровизации алгоритмы встроены в ИКТ и действуют на основе больших данных и искусственного интеллекта. Целью алгоритмического управления (algorithmic governance) является необходимость объективирования растущего многообразия набора городских явлений и процессов, чтобы ими можно было лучше управлять [90]. Концепция «алгоритмического регулирования/управления» (регулирование и управление не тождественные понятия) как способа социальной координации и контроля, сформулированная Йенгом в 2017 г. [95], проникает в сферу как государственного, так и муниципального управления. Исследователи алгоритмического управления выделяют две аналитические конструкции, которые выступают основанием для понимания сути данного вида управления [67, с. 47]. С одной стороны, технологии принимаются в качестве ведущего инструмента упорядочивания, стандартизации управления посредством алгоритмов, вводимых в сферу предоставления услуг и управления. При этом помним фразу о первом законе Мелвина Кранцбергера: «технология не хороша, не плоха и не нейтральна» [17, с. 76–80], как закон отношений между обществом и технологиями. С другой — те же алгоритмы, сформированные с помощью современных ИКТ, позволяют увеличить количество и достичь качественного изменения в практике участия населения в управлении, которое использует для этого различные платформы и каналы взаимодействия. Классический пример применения алгоритмов еще до активного внедрения в управление ИКТ — это «лежачий полицейский», водитель сокращает скорость движения автомобиля не потому, что его ош-

трафуют (действие иерархического управления), а потому что это действие, заданное алгоритмом, меняющее структуру принятия решения водителем. «Лежачий полицейский» — это пример материального дизайна. Алгоритмическое управление происходит за счет (пере-)проектирования структуры выбора акторов, а не за счет соблюдения законов, общих интересов и идентичности или личных интересов и самоконтроля. С первой частью тезиса о перепроектировании выбора актором можно согласиться, и то с оговоркой о необходимости четкого обозначения целей, способов и инструментария управленческого действия. Отсыл же к необязательности исполнения законов, общих интересов и идентичности и т. д. сводит алгоритмический подход в управлении к простейшей манипуляции управленческими структурами городским сообществом.

К набору инструментов управления, основанного на дизайне/проекте, относятся техники подталкивания в виде «неформальных» или «экспериментальных» инструментов для достижения желаемых целей с использованием идей социальной психологии для воздействия на поведение «управляемых» без их участия [68]. Сюда же относятся меры преодоления когнитивных предубеждений [45, с. 128]. В случае если алгоритмы рассматриваются как инструменты управления (и не исследуется вопрос регулирования/управления алгоритмами), то авторы выделяют три проблемы, которые создают для управления алгоритмические системы. Это дискриминация, искажение информации и «эхо-камеры», которые возможны при автоматизированном принятии решений; непрозрачность принятия решений; сомнения в нейтральности алгоритмических систем, возникающие вследствие опосредованного взаимодействия власти и общества через «большие данные», программные инструменты и алгоритмы [67, с. 48]. Более того, алгоритмические системы являются более эмерджентными и поливалентными, чем предыдущие медиатехнологии, и в результате ограниченное понимание алгоритмических систем специалистами может

препятствовать эффективной разработке политики [96] и не только в сфере предоставления услуг, но и в области расширения возможностей вовлечения и участия населения в управлении развитием городов посредством различных информационных сетей, каналов, платформ.

Дискуссия о современных конструктах управления городами невозможна без учета административного и правового статуса городов. В нашей стране города — это муниципальные образования, входящие в систему местного самоуправления. Система местного самоуправления есть организационно-правовая форма публичной власти на местном уровне. В основании системы местного самоуправления в нашей стране закреплены субъект-субъектные отношения, когда горожане не могут выступать в качестве объекта управления со стороны органов власти. Горожане, городское сообщество являются субъектами отношений с другими субъектами города (власть, бизнес и др.). Данный принцип как ведущий закреплен в теории социального управления [10; 34] и в федеральном законодательстве и конституции страны. Это общие рамки функционирования городов в едином правовом поле государства. Эти рамки не статичны, они изменяются, как изменяются города. Отсюда поиск новых форм, содержания, технологий управления, которые находят свое отражение как на практике (регулярное внесение и дополнение в нормативные документы, которые касаются функционирования системы местного самоуправления), так и в теории. Акцент сделаем на зарубежном опыте теоретизирования по данному вопросу. Ярким примером теоретических изысканий является теория муниципализма. На сегодня речь идет о новом муниципализме, который связывают с проектами развития Барселоны с 2014 г. — *Barcelona en Comú*. Почти десять лет длится проект, в него вносятся изменения, переосмысливается опыт муниципальных реформ, однако отмечается сохранение терминологической многозначности понятия «новый муниципализм». До сих пор не определен его парадигматический

статус. Пестрый географический и политический охват «нового муниципализма» делает его метакатегорией, сопротивляющейся «прямой концептуализации» [91, с. 325]. На данный момент, исследователями выделено 14 терминов муниципализма, которые отнесены к новому [84]. Новый муниципализм в силу своего радикализма, острой рефлексивности на происходящие трансформации в городской жизни и, главное, имеющегося опыта реализации не может не вызвать исследовательского интереса. При этом для себя ставится вопрос о том, насколько данный подход в управлении значим и востребован для нашей действительности. Резкое неприятие вызывает радикальный муниципализм, который в конечном счете направлен на слом государства и близок к идеям анархизма.

Принципы радикального муниципализма: радикальность, а не поступательность изменений; приверженность «префигуративной» природе радикальной трансформации, то есть «предвосхищение или представление чего-то, что произойдет в будущем», через создание «путей перехода» к альтернативному будущему; отказ от государственно-центризма в пользу муниципальных властей; направление экономического развития через негосударственные городские сети опорных институтов и кооперативов; или создание автономных федераций городских собраний вместо государства [84; 91].

Последователи «нового»/«платформенного» муниципализма смягчают позицию относительно государства и не отказываются от сотрудничества и взаимодействия, но продолжают видеть в государстве даже не оппонента, а врага, которого необходимо лишить привилегий и дезагрегировать как концептуально, так и на практике, сосредоточив внимание на тех аспектах, которые можно использовать, взломать и рекомбинировать в новые институциональные формы и процессы, для усиления влияния местных органов власти [85, с. 2136; 87]. Участие граждан в управлении не есть процесс совместных и консолидированных управленческих действий, а вытеснение старых струк-

тур новыми, основанными на прямом участии горожан в собраниях. Собрание является основным организационным элементом в структуре муниципального управления. Уже было сказано, что в терминологическое поле муниципализма входит более 14 понятий, среди которых выделяется «прагматический» муниципализм, сфокусированный на необходимости выстраивания отношений, механизмов взаимодействия между субъектами города [48].

В чем привлекательность нового муниципализма? Ответ дают исследователи, указывая не столько на концептуальность, сколько на процесс, на поиск нестандартных решений в рамках нестандартных проблем. Ряд ученых принимают новый муниципализм как общественное движение, идеологически вобравшее в себя идеи муниципального социализма и анархизма XIX–XX веков [87, с. 273]. Значимым в новом муниципализме является стремление к формированию отношений, близости к другим людям, местам и экологии, а также превращение этих близостей в *социальные* [84]. Авторы обращают внимание, что речь идет не об организации и создании условий для участия граждан в управлении, а скорее о внедрении новых форм принятия решений и культивировании новых субъектностей, которые углубляют демократию во всех сферах и на всех уровнях общества [84]. Что настораживает относительно идей нового муниципализма? Попытка разрушить связи между государством и муниципалитетом, подрыв государственно-центризма, разгосударствление, что нарушает принципы функционирования города как сложной социальной системы, действующей через множество связей и отношений с иными социальными системами (будь то города, регионы или государство в целом). В России есть опыт перевода части функций государства на региональный уровень под лозунгом «возьмите столько суверенитета, сколько сможете», который имел печальные последствия, вряд ли муниципалитеты будут более устойчивы и жизнеспособны для такой миссии. Кроме того, модель местного самоуправления в стране

до введения Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» была сориентирована на расширение количества муниципальных образований с широким спектром полномочий, в большей своей части не обеспеченных необходимыми ресурсами для их исполнения. Необходимые ресурсы для развития муниципального образования исчисляются не только объемом финансовых средств, доходной части бюджета. Это, прежде всего, ресурсы организационно-управленческие, интеллектуальные, инфраструктурные и т. д. Огромное значение в достижении целей развития муниципального образования имеет готовность субъектов решать проблемы и реализовывать намеченные планы. Даже постановка цели, видение горизонтов будущего развития требует усилий и вышеуказанных ресурсов, которых у муниципалитетов не хватает в полном объеме. В Европе для преодоления муниципальных проблем предлагается вводить принципы и модели сетевого управления, установления и выстраивания прямых связей и взаимодействий с другими муниципалитетами, в том числе международными и надгосударственными (как например, ЕС) структурами [83]. Тот же посыл отхода от взаимодействия с государством, только более завуалированный. В условиях конкуренции за ресурсы (а она будет усиливаться в силу их истощения и нехватки), тем более для решения крупномасштабных, энергоемких и технологически сложных проектов, объединения усилий, пусть даже стабильных и конкурентоспособных муниципальных образований без участия государства будет недостаточно. Кроме того, расширение участия населения в управлении без синхронизации целей, ресурсов и способов решения проблем видится как перевод ответственности на граждан за риски в условиях турбулентности [83].

Понимая весь разброс мнений о сущности города, их анализ позволил сформировать рабочее определение в его социологиче-

ском понимании о том, что «город — это сложная, замкнутая на себя социальная система, где одновременно происходят процессы генерации, концентрации, развития, распада и инновации материально-вещественных и нематериальных элементов воспроизводства жизнедеятельности человека в условиях перманентного риска, конфликтов, столкновения интересов и трансформационных изменений общества» [22, с. 54].

Анализ стратегий развития многих муниципальных образований России показал, что они ставят во главу угла развитие человека, человеческого капитала и в качестве базового основания достижения поставленных целей опираются на необходимость интенсивного развития экономики, эффективности использования материально-вещественных ресурсов общества. Но их не хватает, что естественно приводит к мысли о необходимости использования иных ресурсов развития, желательно неисчерпаемого и возобновляемого характера, а именно ресурса активности населения. Хотелось бы сразу уточнить, что речь не идет об использовании и применении методов и управленческих инструментов мобилизационного характера, напротив, поиск ведется в плоскости повседневных практик, мотивационно осознанных действий индивидов, которые не отделяют развитие и благополучие общества, региона, города, территории от своего собственного. В настоящее время много говорится о значении человеческого капитала как ресурса развития как человека, так и страны в целом. Однако стоит обратить внимание на его направленность и действенность, считать которые можно только через учет развитости социальных качеств человека, его локальной идентичности, социальных норм как регуляторов отношений, где активная позиция граждан приобретает значимый и результирующий характер. Такая постановка вопроса предопределила необходимость поиска иных оснований развития муниципалитетов, где человеческий капитал, это не пассивный результат, абстрактный продукт высокого уровня качества жизни, саморазвития индивида, а активный элемент развития общества.

Развитие муниципального образования зависит от многих составляющих, но определяющими являются два аспекта. Во-первых, речь идет о способности системы управления создать условия, обеспечивающие активацию всех внутренних ресурсов как общего, так и специфического характера. Во-вторых, к особым ресурсам развития отнесено население не просто как трудовой ресурс (что безусловно важно и первостепенно), но как активный субъект, осознанно и целенаправленно включенный в управление муниципалитетом.

Основными субъектами развития муниципального образования являются: система управления, местные сообщества, активная часть горожан.

Спецификой современного состояния и тенденций развития является признание активности населения в виде ресурса поступательного, устойчивого развития, необходимости перевода ее из разрушительного в созидательный инструмент. И этот ресурс, и инструмент одновременно должны быть использованы в практике муниципального управления. «Системные, организационно-упорядоченные отношения взаимодействия между населением, его активной частью и властными структурами позволяют не только синхронизировать и скоординировать цели развития, определить приоритеты и возможные пути решения, но и перейти от пассивных форм управления к конструктивистским. Следовательно, нужны условия как для проявления активности, так и условия, и механизмы перевода этой активности в плоскость принятия конкретных управленческих решений, посредством технологий, инструментов, организационных процессов» [23, с. 63].

На местном уровне, несмотря на наличие законодательно закрепленных форм вовлечения населения в местное самоуправление, муниципальные органы неактивно используют ресурсы жителей для решения стратегических задач управления и развития территорий. Не отлажена система взаимодействия административной команды муниципалитета и населения. Анализ обще-

ственных практик показывает, что это провоцирует реализацию стихийной самодеятельной активности жителей с целью решения локальных проблем и улучшения условий проживания на конкретной территории. Социальная активность населения реализуется в решении хозяйственно-бытовых, культурных, образовательных, социальных вопросах, вопросах предпринимательских инициатив в муниципальных образованиях.

Соответственно возникает необходимость изменения принципов взаимодействия между населением и органами власти. Традиционно органы власти привлекают активную часть населения к решению разного рода проблем, ставя цели, задачи, определяя методы и механизмы их достижения и выполнения. Практика показывает, что этого недостаточно, индивид, группы, сообщества не мотивированы к действию. Результатом является апатия, нежелание участвовать в общественных делах, вплоть до скрытого саботажа. Возможно, необходимо поменять вектор работы муниципалитетов, не предлагать и не призывать, а выступить в качестве административного ресурса достижения целей, решения проблем, которые ставят сами граждане. Население видится как истинный, а не мнимый заказчик, эксперт, контролер и активный соисполнитель социальных услуг на своей территории.

Максимой для современного управления стал тезис о значении, необходимости, формировании и развитии условий для участия населения в управлении городом. Организация участия горожан в управлении в настоящее время не может рассматриваться как конфликт с другими субъектами города (власть, бизнес и т. д.), это характеристика и основание для современного типа и моделей управления. Проблема заключается в определении целей, ресурсов, механизмов по их синхронизации между всеми заинтересованными сторонами.

Выделим ключевые принципы управления городами: системность; контекстуальность; многообразие и многовариантность; институциональный изоморфизм; субъектность как режим совместного управления; доверие; subsidiarность; соли-

дарность; принятие регенеративной перспективы, в которой город и его составные части необходимо понимать как взаимозависимые системные элементы.

Разнообразие концепций свидетельствует о многогранности города как сложной, динамичной социальной системы. Будущее городов многовекторно, но тенденции таковы, что развитие — это сочетание как общего (тенденции, факторы влияния), так и особенного, что присуще каждому городу. Можно предположить, что в каждом населенном пункте в той или иной мере будут реализовываться идеи как концепции устойчивого развития, зеленого, умного, интеллектуального города. Масштаб формы и содержания влияния набора этих концепций (возможно, и других) будет зависеть от объемов наличествующих мягких оснований города, то есть его специфики, концентрированным выражением которой является его социальное пространство. Город — это сложная, замкнутая, динамичная социальная система. Определение системности города дополняется характеристикой о том, что это не жесткая система. Данное утверждение соотносено с динамизмом изменений. Жесткая система не жизнеспособна в условиях кризисов, флуктуаций, мир-системных трансформаций. Мягкая система более адаптивна к изменениям разной силы под влиянием внутренних и внешних факторов. Отсюда применение термина не жесткой системы как перспективной ориентации на устойчивое, эволюционное, поступательное развитие, без радикализма разрушения и с необходимостью сохранения своей аутентичности, а не отсталости. Конструкция социальной системы Т. Парсонса и предложенная им функциональность элементов, а именно адаптация–цель–интеграция–латентность, применима не только к городам, но и к системе и алгоритму управления. Методологический подход М. Арчер и П. Донати о значении и роли отношений, которые складываются между акторами и субъектами города, усиливает вышеизложенную аргументацию относительно характеристик города как сложной социальной системы.

Необходимость создания целевых ориентиров управления, витрин успешной реализации концепции видится одним из условий эффективности вводимых в городах инноваций. Трансляция результативности реализации городских проектов государством, обмен опытом между муниципалитетами повышает скорость и масштаб распространения инноваций в городах их включенности в цифровые трансформации. Аргументируется это тем, что города склонны искать решения и имитировать успешные примеры (т. е. проявлять миметический изоморфизм). Аналогично стандарты и взгляды, установленные городами-первопроходцами, также могут влиять на других членов, заставляя их следовать сходной инновационной культуре. Возможность простого калькирования опыта снимается необходимостью учета контекста, который присущ каждому городу. Начальное проявление контекста города происходит через различие социальной структуры, интересов горожан и городских сообществ.

Список литературы

1. Алебастрова, А. А. «Другой» в жизненном пространстве города / А. А. Алебастрова. — Текст : непосредственный // Вестник томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2013. — № 2 (22). — С. 162–167.
2. Амин, Э. Внятность современного города / Э. Амин, Н. Трифт. — Текст : электронный // Логос. — 2002. — № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html>
3. Арчер, М. Реализм и морфогенез / М. Арчер. — Текст : непосредственный // Социологический журнал. — 1994. — № 4. — С. 50–68.
4. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — Москва : Логос, 2005. — 390 с. — Текст : непосредственный.
5. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс. — Текст : непосредственный // Со-

циологос. Вып. 1. Общество и сферы смысла / сост. В. В. Винокуров, А. Ф. Филиппов. — Москва : Прогресс, 1991. — С. 39–50.

6. Веселова, А. О. (2018) Перспективы создания «умных городов» в России : систематизация проблем и направлений их решения / А. О. Веселова, А. Н. Хацкелевич, Л. С. Ежова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» Perm University Herald. Economy. — 2018. — Т. 13, № 1. — С. 75–89.

7. Волосникова, Е. А. Эволюция социологических взглядов на город в рамках классической метапарадигмы / Е. А. Волосникова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2012. — № 1 (17). — С. 107–113.

8. Воробьева, О. В. Умный горожанин в умном городе : обзор подходов в России и за рубежом / О. В. Воробьева, Е. А. Манжула, А. В. Яшина. — Текст : электронный // International Journal of Open Information Technologies. — 2019. — № 5. — С. 59–66. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umnyu-gorozhanin-v-umnom-gorode-obzor-podhodov-v-rossii-i-za-rubezhom>

9. Гидденс, Э. Девять тезисов о будущем социологии / Э. Гидденс. — Текст : непосредственный // THESIS. 1993. Вып. 1. — С. 57–82.

10. Гладышев, А. Г. Актуальные проблемы социального управления : материалы круглого стола / А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев [и др.] ; под ред. В. Н. Иванова, Ж. Т. Тощенко. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2004. — № 11. — С. 34–42.

11. Городские миры России и Китая : модернизация и ее влияние : монография / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. — Москва: Издательство «Новый Хронограф», 2023. — 720 с. — Текст : непосредственный.

12. Доклад о человеческом развитии за 2021–2022 гг. «Времена неопределенности, неустроенные жизни : наше будущее в меняющемся мире». ПРООН, 2023. — С. 320. — Текст : непосредственный.

13. Донати, П. Реляционная теория общества : Социальная жизнь с точки зрения критического реализма / П. Донати ; сост. Е. А. Кострова. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2019. — 312 с. — Текст : непосредственный.

14. Дроздова, Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей / Ю. А. Дроздова. — Текст : непосредственный //

Вестник Института социологии. — 2019. — Т. 10, № 1. — С. 82–103.

15. Зборовский, Г. Е. Теоретическая социология XX — начала XXI века / Г. Е. Зборовский. — Екатеринбург : Издательство Гуманитарного университета, 2007. — Текст : непосредственный.

16. Иванов, О. И. Социальное пространство как объект научно-го изучения и управляемой трансформации / О. И. Иванов. — Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. — Т. XVI, № 2 (67). — С. 49–64.

17. Кастельс, М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — Москва : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с. — Текст : непосредственный.

18. Кирдина, С. Г. Междисциплинарные исследования в экономике и социологии : проблемы методологии. — Текст : непосредственный / С. Г. Кирдина // Общественные науки и современность. — 2014. — № 5. — С. 60–75.

19. Кларк, Д. Б. Потребление и город, современность и постсовременность / Д. Б. Кларк. — Текст : непосредственный // Логос. — 2002. — № 3–4.

20. Князева, Е. Системный подход как основа стратегического управления / Князева Е. — Текст : непосредственный // Форсайт. 2020. — Т. 14, № 4. — С. 6–8. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.6.8

21. Койл, Д. Как общество может добиться прогресса в нестабильные времена? Проблема принимает новые формы, требуя новых аналитических инструментов. Доклад о человеческом развитии за 2021–2022 гг. «Времена неопределенности, неустроенные жизни: наше будущее в меняющемся мире» / Д. Койл. — ПРООН 2023. — С. 320.

22. Костко, Н. А. Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта / Н. А. Костко. — Текст : непосредственный // Siberian Socium. — 2021. — Т. 5, № 3 (17). — С. 52–68.

23. Костко, Н. А. Социальная активность горожан как ресурс в управлении развитием города / Н. А. Костко. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2016. — Т. 2, № 1. — С. 56–74.

24. Костко, Н. А. Теоретические основания исследования социального пространства города / Н. А. Костко. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2021. — Т. 7, № 2

(26). — С. 65–88. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-65-88

25. Костоломова, М. В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия / М. В. Костоломова. — Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 41–53.

26. Луман, Н. Теория общества / Н. Луман. — Текст : непосредственный // Теория общества. — Москва : «КАНАО-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999.

27. Маркина, И. В. Реляционная социология Пьерпаоло Донати / И. В. Маркина. — Текст : непосредственный // Научный результат. Серия: Социология и управление. — 2015. — №3. — С. 43–54. DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-43-54

28. Мельникова, В. М. Принципы разумного урбанизма как концептуальная основа зарубежного градостроительства / В. М. Мельникова, Н. А. Масталерж. — Текст : электронный // Градостроительство и архитектура. — 2011. — № 1. — С. 32–37. — URL: <https://journals.eco-vector.com/2542-0151/article/view/53917>

29. Морозова, Е. В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семененко. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 3. — С. 56–77.

30. Новая программа развития городов. 20 октября 2016 г. // Конференция Организации Объединенных Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), г. Кито, 2016. — Нью-Йорк, 2017. — 74 с. — Текст : непосредственный.

31. Мунен, Т. Глобальные города и национальные государства : новый курс на партнерство в 21 веке / Т. Мунен, Г. Кларк. — Москва : Московский урбанистический форум, 2014. — Текст : непосредственный.

32. Новая технологическая революция : вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. — Москва, 2017. — 136 с. — Текст : непосредственный.

33. Оводова, С. Н. Война сообществ : репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе / С. Н. Оводова, А. Ю. Жигунов. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 4 (18). — С. 112–127. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127

34. Основы социального управления / А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев [и др.]. — Москва : Высшая школа, 2001. — Текст : непосредственный.

35. Парсонс, Т. Социальные системы (статья из международной энциклопедии социальных наук) / Т. Парсонс ; пер. с англ. В. Г. Николаева. — Текст : непосредственный // Личность. Культура. Общество. — 2003. — Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). — С. 169-203.

36. Пирогов, С. В. Концептуальные модели управления развитием города / С. В. Пирогов. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. — 2012.— №1 (17). — С. 114-128.

37. Положихина, М. А. Изменение организации государственного управления при переходе к информационному обществу / М. А. Положихина — Текст : непосредственный // Экономические и социальные проблемы России. — 2015. — № 2. — 158 с.

38. Ремизов, А. Н. Устойчивые принципы нового урбанизма / А. Н. Ремизов. — Текст : непосредственный // Градостроительство. — 2010. — № 5. — С. 89-94.

39. Социальное пространство большого города : монография / под ред. Г. В. Еремичевой ; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН. — Санкт-Петербург : СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, 2018. — 392 с. — Текст : непосредственный.

40. Тихонов, А. В. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей / А. В. Тихонов, В. С. Богданов. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2020.— № 1. — С. 74- 81.

41. Трубина, Е. Видимое и невидимое в повседневности городов / Е. Трубина. — Текст : непосредственный // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). — Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. — 312 с. — С. 17-44.

42. Трубина, Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е. Г. Трубина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — Текст : непосредственный.

43. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13-30 апр. 2021 г. / Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. Веселитская, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.] ; науч. ред. Л. М. Гохберг, П. Б. Рудник, К. О. Вишневский, Т. С. Зинина. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. — 239 с.

44. Эдельман, О. Город чьей-то мечты / О. Эдельман. Текст : электронный // Логос. — 2002. — № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/eidel.html> (дата обращения: 30.03.2023).

45. Энке Б. Когнитивная неопределенность. Доклад о человеческом развитии за 2021-2022 гг. «Времена неопределенности, неустойчивые жизни: наше будущее в меняющемся мире». ПРООН 2023. — 320 с. — С. 120–129.

46. Яницкий, О.Н. Урбанизация XXI века : некоторые вопросы теории / О. Н. Яницкий. Текст : электронный // Официальный портал ФНИСЦ РАН. — 2020. — 13 с. — URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7708>

47. Angelidoua, M. An empirical investigation of social innovation initiatives for sustainable urban development / M. Angelidoua, A. Psaltoglou. — Text : direct // Sustainable Cities and Society journal. — 2017. — Т. 33. — P. 113–125. DOI: 10.1016/j.scs.2017.05.016.

48. Barnett, N. Guest editors' introduction: the power of now. Reimagining the future of local government through studies of 'actually existing' practice / N. Barnett, S. Griggs, H. Sullivan. — Text : direct // Local Government Studies. — 2020. — 46:4. — P. 505–523. DOI: 10.1080/03003930.2020.1783251

49. Beveridge, R. Progressive Urbanism in Small Towns: The Contingencies of Governing From the Left / R. Beveridge, M. Naumann. — Text : direct // Urban Affairs Review. — 2023. — Vol. 59 (1). — P. 43–72. DOI: 10.1177/10780874211055834

50. Bramwell, A. Innovation and the “Ordinary” City? Urban Policy Making in a Digital Age / A. Bramwell. — Text : direct // American Political Science Association. — 2020. — January. — P. 15–19.

51. Brenner, N. What is critical urban theory? / N. Brenner. — Text : direct // City. 2009. Vol. 13. Nos. 2–3. June–September. — P. 198–207. DOI: 10.1080/13604810902996466

52. Bulkeley, H. Urban living labs: governing urban sustainability transitions / H. Bulkeley, L. Coenen, N. Frantzeskaki, C. Hartmann, A. Kronsell, L. Mai [et al.]. — Text : direct // Current Opinion in Environmental Sustainability. — 2016. — 22. — P. 13–17.

53. Caprotti, F. Platform urbanism and the Chinese smart city: the co-production and territorialisation of Hangzhou City Brain / F. Caprotti, D. Liu. — Text : electronic // GeoJournal. — 2022. — 87. — P. 1559–1573. <https://doi.org/10.1007/s10708-020-10320-2>

54. Castells, M. The Power of Identity. Second edition With a new preface / M. Castells. — Oxford : Blackwell Publishing Ltd., 2010. — 585 p. — Text : direct.

55. Castelnovo, W. Smart Cities Governance: The Need for a Holistic Approach to Assessing Urban Participatory Policy Making / W. Castelnovo, G. Misuraca, A. Savoldelli. — Text : direct // Social Science Computer Review 1-16.

56. Cruz, N. F. New urban governance: A review of current themes and future priorities / N. F. Cruz, P. Rode, M. McQuarrie. — Text : direct // Journal of Urban Affairs. — 2019. — 41:1. — P. 1-19. DOI: 10.1080/07352166.2018.1499416

57. Cugurullo, F. Exposing smart cities and eco-cities: Frankenstein urbanism and the sustainability challenges of the experimental city / F. Cugurullo. — Text : direct // Environment and Planning A. — 2017. — 0(0). — P. 1-20. DOI: 10.1177/0308518X17738535

58. Darmody, A. Manipulate to empower: Hyper-relevance and the contradictions of marketing in the age of surveillance capitalism / A. Darmody, D. Zwick. — Text : direct // Big Data & Society. — 2019. — Vol. 7, issue 1. — P. 1-12. DOI: 10.1177/2053951720904112

59. Demire, D. The Impact of Managing Diversity on Building the Smart City A Comparison of Smart City Strategies: Cases From Europe, America, and Asia / D. Demire. — Text : direct // SAGE Open July-September. — 2023. — 1 - 18. — P. 2. DOI: 10.1177/21582440231184971

60. Elmqvist, T. Sustainability and resilience for transformation in the urban century / T. Elmqvist, E. Andersson, N. Frantzeskaki, T. McPhearson, P. Olsson, O. Gaffney, K. Takeuchi, Folke C. — Text : electronic // Nature Sustainability. — VOL 2. — APRIL. — 2019. — P. 267-273. URL: www.nature.com/natsustain

61. Folke, C. Adaptive governance of social-ecological systems / C. Folke, T. Hahn, P. Olsson, J. Norberg. — Text : electronic // Annual Review of Environment and Resources. — 2005. — 30 (1). — P. 441-473. — <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.30.050504.144511>

62. Gargiulo, C. Chaos and chaos: the city as a complex phenomenon. Tema / C. Gargiulo, R. Papa. — Text : electronic // Journal of Land Use, Mobility and Environment. — 2021. — 14 (2). — P. 261-270. <http://dx.doi.org/10.6092/1970-9870/8273>

63. Gavin, JD Smith. The politics of algorithmic governance in the black box city / Gavin JD Smith. — Text : electronic // Big Data & Society. — 2020. July-December: 1-9. — P. 3. DOI: 10.1177/2053951720933989

64. Goldsmith, S. The responsive city: engaging communities through data-smart governance / S. Goldsmith, S. Crawford. — San Francisco : Jossey-Bass (Wiley), 2014. — 211 p. — Text : direct.

65. Gorwa, R. Algorithmic content moderation : Technical and political challenges in the automation of platform governance / R. Gorwa, R. Binns, C. Katzenbach. — Text : direct // *Big Data & Society*. — 2020. — Volume: 7, issue: 11–15. DOI: 10.1177/2053951719897945
66. Grisel, M. Multilevel Urban Governance or the Art of Working Together. Methods, Instruments and Practices / M. Grisel, van de F. Waart (eds). — Text : direct // *European Urban Knowledge Network*. — 2011. — 175 p.
67. Gritsenko, D. Algorithmic governance: A modes of governance approach / D. Gritsenko, M. Wood. — Text : direct // *Regulation & Governance*. — 2022. — 16. — P. 45–62. DOI: 10.1111/rego.12367
68. Hertwig, R. Nudging and Boosting: Steering or Empowering Good Decisions / R. Hertwig, T. Grüne-Yanof. — Text : direct // *Perspectives on Psychological Science*. — 2017. — Vol. 12(6). — P. 973–986. DOI: 10.1177/1745691617702496
69. Hartman, T. Public perceptions of good data management: Findings from a UK-based survey / T. Hartman, H. Kennedy, R. Steedman, R. Jones. — Text : direct // *Big Data & Society*. — 2020. — Volume: 7, issue: 1. — P. 1–16. DOI: 10.1177/2053951720935616
70. Hong, S. Big Data and Government: Evidence of the Role of Big Data for Smart Cities / S. Hong, Kim S. Hyung, Y. Kim, J. Park. — Text : direct // *Big Data & Society*. — 2019. — 6(1). — P. 1–11.
71. Howe, L. B. Towards a cooperative urbanism? An alternative conceptualization of urban development for Johannesburg's mining belt / L. B. Howe. — Text : direct // *International Institute for Environment and Development (IIED)*. 2022. — 391. — Vol 34 (2). — P. 391–412. DOI: 10.1177/09562478221112032
72. Janssen Ce'line, Daamen T.A., Verheul W. J. Governing capabilities, not places — how to understand social sustainability implementation in urban development / Ce'line Janssen, T. A. Daamen, W. J. Verheul. — Text : direct // *Urban Studies*. — 2023. — 1–19. — P. 5. DOI: 10.1177/00420980231179554
73. Joy, M. Beyond Neoliberalism: A Policy Agenda for a Progressive City / M. Joy, R. K. Vogel. — Text : direct // *Urban Affairs Review*. — 2021. — 57 (5). — P. 1372–1409. — DOI: 10.1177/1078087420984241
74. Kandt, J. Smart cities, big data and urban policy: Towards urban analytics for the long run / J. Kandt, M. Batty. — Text : electronic // *Cities*. — 2021. — 109. — P. 1–21. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102992>

75. Kusche, I. The old in the new: Voter surveillance in political clientelism and datafied campaigning / I. Kusche. — Text : direct // Big Data & Society. — 2020. — Volume: 7, issue: 1. — P. 1-13. DOI: 10.1177/2053951720908290
76. Lin, J. The Urban Sociology Reader Second edition / J. Lin, C. Mele. — Text : direct // Routledge. — 2013. — P. 465.
77. Luque, A. Developing a critical understanding of smart urbanism? / A. Luque, S. Marvin. — Text : direct // Urban studies. — 2015. — 52 (12). — P. 2105-2116. DOI: [10.1177/0042098015577319](https://doi.org/10.1177/0042098015577319) P.2105
78. Monno, V. Activism and urban politics to come: escaping the acceptability trap / V. Monno. — Text : direct // City Territ Archit. — 2016. — 3:25. — P. 1-8. DOI 10.1186/s40410-016-0054-9
79. Morozov, E. Digital socialism? — Text : electronic // New Left Review 116/117. — 2019. — URL: <https://newleftreview.org/issues/ii116/articles/evgeny-morozov-digital-socialism>
80. Myeong, S. Smart City Strategies—Technology Push or Culture Pull? A Case Study Exploration of Gimpo and Namyangju, South Korea / S. Myeong, Y. Kim, M. J. Ahn. — Text : electronic // Smart Cities. — 2021. — 4. — 41-53. — <https://dx.doi.org/10.3390/smartcities4010003>
81. Papa, R. The city as a complex system in structural crisis / R. Papa, R. Battarra, R. Fistola, C. Gargiulo. — Text : electronic // Tema. Journal of Land Use, Mobility and Environment. — 2021. — 14 (3). — 455-491. — <http://dx.doi.org/10.6092/1970-9870/8696> P.469
82. Parnell, S. Defining and advancing a systems approach in cities / S. Parnell, with Bai, X. Surveyor, A., Elmqvist, T., Gatzweiler, F. Gunerald, B., Prieur-Richard A., Shrivastava, P. Siri, J., Stafford-Smith, M., Toussaint, M and Webb, R. — Text : electronic // Current Opinion in Environmental Sustainability. — 2016. — 23. — 69-78. — <https://doi.org/10.1016/j.coesust.2016.11.010>
83. Pierre, J. Multilevel governance as a strategy to build capacity in cities: Evidence from Sweden / J. Pierre. — Text : direct // Journal of Urban Affairs. — 2019. — 41:1. — 103-116. DOI: 10.1080/07352166.2017.1310532
84. Roth, L. Politicising proximity: Radical municipalism as a strategy in crisis / L. Roth, B. Russel, M. Thompson. — Text : direct // Urban Studies. — 2023. — 1-27. — DOI: 10.1177/00420980231173825
85. Russel, B. Strategies for a new municipalism: Public-common partnerships against the new enclosures / B. Russel, K. Milburn, K. Heron. — Text : direct // Urban Studies. — 2023. — Vol. 60(11). — P. 2133-2157. DOI: 10.1177/00420980221094700

86. Samuel, S. "Progress for Whom, Toward What? Progressive Politics and New York City's Mandatory Inclusionary Housing." / S. Samuel. — Text : direct // Journal of Urban Affairs. — 2018. — 40 (6). — P. 770–781.

87. Sareen, S. New municipalism and the governance of urban transitions to sustainability / S. Sareen, K. L. Waagsaether. — Text : direct // Urban Studies. — 2023. — Vol. 60(11). — P. 2271–2289 DOI: 10.1177/00420980221114968

88. Schmid, C. Towards a new vocabulary of urbanization processes: a comparative approach / C. Schmid, O. Karaman, N. Hanakata, L. Sawyer, M. Streule, K. P. Wong, P. Kallenberger and A. Kockelkorn. — Text : direct // Urban Studies. — 2018. — Vol 55, no. 1. — P. 20–52.

89. Sheltona, T. The 'actually existing smart city' / T. Sheltona, M. Zook, A. Wiig. — Text : direct // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. — 2015. — Vol. 8, no. 1. — P. 13–25. DOI: 10.1093/cjres/rsu026

90. Smith, G. JD The politics of algorithmic governance in the black box city / G. Smith. — Text : direct // Big Data & Society. — 2020. — July–December: 1–9. DOI: 10.1177/2053951720933989

91. Thompson, M. What's so new about new municipalism? / M. Thompson. — Text : direct // Progress in Human Geography. — 2021. — 45 (2). — P. 317–342.

92. Vanolo, A. "Is there anybody out there? The place and role of citizens in tomorrow's smart cities" / A. Vanolo. — Text : electronic // Futures. — 2016. — Vol. 82. — P. 26–36. DOI: 10.1016/j.futures.2016.05.010

93. Weckroth, M. (Un)Happiness, where are you? Evaluating the relationship between urbanity, life satisfaction and economic development in a regional context / M. Weckroth, T. Kemppainen. — Text : direct // Regional Studies, Regional Science. — 2021. — 8:1. — P. 207–227. DOI: 10.1080/21681376.2021.1925146

94. World Cities Report. — Text : electronic // Envisaging the Future of Cities. — 2022. — P. 422. — URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2022/06/wcr_2022.pdf

95. Yeung, K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation / K. Yeung. — Text : direct // Regulation & Governance. — 2017. — 12 (4). — P. 505–523.

96. Young, M. Municipal surveillance regulation and algorithmic accountability / M. Young, M. Katell, P. M. Krafft // Big Data & Society. — 2019. — July–December. — P. 1–14. DOI: 10.1177/2053951719868492

97. UN Data // United Nations Statistics Division [сайт]. <http://data.un.org/en/reg/g1.html>

98. Цифровые технологии: Умный город // Цифровой маркетплейс программного обеспечения — проект АНО «Цифровые платформы». URL: https://platforms.su/section/smartcity_or_16.09.2023

99. Живая лаборатория Томска // Томск 3D [сайт]. URL: <https://tomsk3da.admtomsk.ru/published/conception/21?l=56.461182709200074%2C84.95619119691978&z=675.7687600943666&heading=0.12482347948431993&pitch=1.0884612420507538&roll=0.000836234-1269974038&mode2D=false>

§ 2. Концепция «умный город»: природа, эволюция, модели реализации

Последнее десятилетие мы стали свидетелями расцвета инициатив и проектов «умных городов» по всему миру. Сейчас уже можно сказать о том, что сформировался опыт реализации концепции в разных странах и городах. Растет число исследовательских работ, посвященных анализу данного опыта, теоретического осмысления моделей и сценариев развития умных городов. Однако до сих пор отсутствует устоявшееся определение понятия «умный город». Так, в 2019 г., исследовательская группа проанализировала содержательное определение понятия «умный город» в литературе и представила более пятидесяти его значений [47].

В чем привлекательность концепции «умный город»? На сегодня она является одной из самых известных и востребованных для достижения целей развития города [42].

Во многом данное отношение к концепции обусловлено теми надеждами, что возлагают на неё основные, активные субъекты города, а именно власть, бизнес, представители гражданского общества, горожане. Эти ожидания связаны с решением широкого круга как старых городских проблем, таких как отсутствие ресурсов для конкурентоспособности, экологичности, инновационности развития городов, так и с возможностью

справиться с новыми вызовами, которые обусловлены переходом к информационному типу общества. Развитие умных городов изображается как новая парадигма городского развития, которая потенциально может повысить эффективность услуг или качество жизни, одновременно сводя к минимуму воздействие городов на окружающую среду [33].

По мнению других, реализация концепции призвана смягчить проблемы, вызванные урбанизацией, цифровизацией за счет внедрения умных технологий, которые повысят результативность и адресность предоставления услуг и позволят городу функционировать как эффективная и технологичная машина. Технологический этап становления концепции «умный город» сориентирован на поиск параметров эффективности и ранжирования показателей, тем самым количественно оценивая и в определенном смысле упрощая присущую городу сложность [22, с. 4].

Умный город отождествляется с городом самодостаточным [49], «умность» которого сама по себе является ресурсом [55]. Самое простое и мощное определение умных городов характеризует его как «место, обогащенное присвоением смысла» [30, с. 137]. Присвоение смысла сродни обретению конкурентного преимущества в борьбе за ресурсы, за новое качественное развитие.

Можно поддержать мнение коллег о том, что концепция «умный город» «предлагает сбалансированную ориентацию между технологиями, людьми и учреждениями» [32, с. 130; 51, с. 43].

В качестве рабочего определения структуры концепции «умный город» используется подход, предложенный Р. Гиффингером и его коллегами: разумная экономика; разумная мобильность; разумная окружающая среда; разумные жители; разумный образ жизни; разумное управление [37]. Нельзя не сказать и о характеристиках умного города, которые были предложены М. Ангелидоу. Это ИКТ и Интернет; развитие человеческого

и социального капитала; поощрение предпринимательства; глобальное сотрудничество и создание сетей; конфиденциальность и безопасность; стратегии, адаптированные к местным условиям; подходы, основанные на широком участии; «координация сверху вниз»; «четкие стратегические рамки»; «комплексное планирование» [20, с. 9–12]. Данная характеристика умного города позиционирует практически все стороны городской жизни, которые в той или иной степени затронуты введением новых умных технологий, получением неких преимуществ, ресурсов для развития. Исследователи пытаются предложить обобщенный вариант видения концепции «умный город», группируя по блокам даже не элементы ее структуры, а очерчивая ее горизонты, видение как проекта. Как правило, это сциентистские проекты когнитивной формы.

К таковым проектам можно отнести определение содержания концепции «умный город» через ее трехчленную классификацию [43], которая включает:

— в соответствии с позитивистскими представлениями о социальном мире, умный город — *это свободное от ценностей технологическое решение, основанное на объективных данных о городской деятельности и неизбежном человеческом прогрессе* (курсив наш — Костко Н. А.). Предполагается, что умные города воплощают консенсус в отношении того, как они должны быть организованы, спроектированы и управляемы, и, таким образом, они представляют желаемое городское видение;

— умные города как политические проекты, предназначенные для наблюдения и контроля за городскими жителями и извлечения прибыли из такой деятельности;

— умные города — это в основном воображаемые города будущего, которые определяют современные подходы к их созданию. Такие городские образы создаются, артикулируются и мобилизуются агентами, расположенными во множестве социальных сетей, из которых особое значение приобрели международные сети [43].

Морфостатически-морфогенетический подход М. Арчер позволяет взглянуть на концепцию как на институциональный, структурированный продукт, который может быть востребован и использован для целей управления развитием города. В рамках данного подхода концепция демонстрирует достаточно привлекательные цели, убедительные результаты и не менее эффективные инструменты ее реализации для решения как старых проблем города, так и тех, что привнесены современными процессами и явлениями жизни. Действительно, концепция имеет свою структуру, гибкий набор элементов, понятный формат конструирования для реализации. С другой стороны, внедрение концепции, по сути, демонстрирует этап морфогенезиса, где акцент делается на действия субъектов, определение их роли, отношений и связности между собой. Данный методологический подход позволяет исследовать как институты и их управленческий инструментарий по формированию видения, модели реализации концепции «умный город», так и непосредственно этап функционирования основных субъектов города, задействованных в данном инновационном процессе.

Предтечей концепции «умный город» можно назвать концепцию устойчивого развития, которая в ходе своей эволюции претерпела ряд изменений в направлении более широкого привлечения методов и технологий, характерных для информационного типа общества. Дискурс устойчивости сохраняет свою актуальность и проникает как в политику, так и в академические круги. «Устойчивое развитие и урбанизм стали мощной парой основных дискурсов нашего времени, и их пересечение предлагает устойчивые города как решение широкого круга социальных, экономических и экологических проблем» [19, с. 221].

Устойчивость определяется как показатель и содержательная характеристика непрерывности, поступательности и эволюционности процесса развития (имеется в виду имплицитный эволюционный подход, а не строгое эволюционное определение, используемое, например, в обобщенном дарвинизме [35,

с. 143]), подцель и способ достижения нового качественного состояния общества. То есть город определяется устойчивым, если его развитие принимается в качестве общественной ценности для всех субъектов. Развитие имеет коллективную природу и результат активного участия всех субъектов города. Данное условие достигается методами управления, которые создают условия и нормы активизации внутренних ресурсов города [8; 46]. Системный подход рассматривает устойчивость как способность социальной системы поддерживать функционирование накануне и после нарушения, позволяющую структурам системы претерпевать трансформацию [34, с. 268].

Концепция устойчивого развития легитимизирована и институционализована, что нашло свое отражение в международных документах [13]. Сегодня естественным выглядит тезис о необходимости учета в рамках устойчивого развития социальных аспектов жизнедеятельности, а не только эколого-экономических и технических, о чем прямо говорят участники академической сети УГГИ ООН [53]. Тем не менее стоит сказать и о критике достижения устойчивости в управлении городами как продолжение неolibерального мышления. По мнению ряда авторов, «согласно этой критической аргументации, устойчивость является неolibеральной формой правления из-за смещения ответственности от государства к отдельным лицам, которые выполняют общественные задачи предпринимательским способом» [39].

В данной работе не проводится анализ совместимости концепций «устойчивого города», «жизнестойкого города», «трансформирующегося города», уместным будет сослаться на работу коллег, которые представили аргументы в пользу не отождествления данных концепций [34, с. 269].

В основании идеи об использовании параметров, которые характеризуют реализацию индивидуальных возможностей, потенциала (sustainability) горожан для оценки эффективности проектов городского развития стоит концепция антропоцена

[11; 48]. Концепция антропоцена ознаменует новую эпоху, в которой активность человека достигла настолько высокого уровня, что стала причиной биогеофизических изменений глобального масштаба [6]. Одновременно фокус внимания смещается к необходимости достижения социального устойчивого развития, и реализации идеи о социальной справедливости [15], с акцентом на повседневную жизнь индивидов, их интересы, потребности, городские практики, реализацию своих потенциалов [40]. Не вызывает сомнения важность данных установок, необходимость их фиксации как основополагающих принципов в управленческих моделях развития современных городов. Проблемы экологии и социального неравенства остаются острыми во всех странах мира. О важности создания условий, способствующих повышению качества городской среды для реализации потенциала населения, свидетельствуют результаты опросов [59; 60]. В нашей стране в рамках Национальной программы «Формирование комфортной городской среды» от 2018 г. [58] не без успеха решаются вопросы по достижению высокого качества, благоустройства городских территорий, но остаются и проблемы. Например, социальные аспекты жизнедеятельности, то, как горожане используют эти возможности для развития своих возможностей. Тут уместно вспомнить слова Г. Зиммеля о влиянии на человека большого города. Большой город можно рассматривать как место для контрастных физических и социальных стимулов, настолько многочисленных и разнообразных, что любой отдельный человек, подвергающийся им, не может реагировать на них все и никто не может избежать подсознательного ощущения их присутствия [43, с. 24].

С точки зрения теории управления и системного подхода, неспособность индивидов, сообществ горожан реализовать свои потенциалы не только сигнализирует о дисфункциях в городской системе, о необходимости пересборки условий, но и необходимости выработки управленческого целеполагания для конструктивных изменений в будущем. Ориентация

в управленческих действиях местных властей на повседневные практики горожан может быть сопряжена с целым рядом проблем. Повседневность, повседневные практики горожан во многом носят ситуативный характер, мало того, очень фрагментарны, слабо структурированы, плохо поддаются операционализации и обобщению. Многовариантность и разрозненность индивидуальных миров и требование их учета в управлении развитием города, задача сверхсложная. Повседневные практики горожан, так же как и город, его среда, подпадают под влияние ускоряющихся темпов и ритмов жизни. Уловить, считать калейдоскоп повседневностей можно, но возникает извечная дилемма выбора целей и приоритетов, которые могли бы быть приняты в практике управления городом при их формировании на основе вечно ускользающей и неуловимой человеческой субъективности.

Исследователи проблем реализации концепции «устойчивого развития» утверждают, что в условиях климатической трансформации планеты требуется смена парадигмы и появление новых алгоритмов и стратегий управления, а также фундаментальные изменения систем городского управления [54, с. 2273]. Одной из таких концепций, сориентированных на поддержание и развитие экологичности городов, является концепция эко-города. Считается, что между эко-городом и умным много общих черт в силу того, что они являются результатом одной и той же матрицы экономического роста [29]. Если же мы говорим о целях экономического роста, а не развития человека, его благополучия, то экологические и технологические новшества в городах в большей степени сориентированы на извлечение прибыли в новых экономических условиях. Данный подход снижает значение и необходимость достижения социальных параметров при реализации данных концепций.

Близкими, но не тождественными являются концепции умного и креативного городов. Связность между ними определяется тем, что они являются продуктом глобализационных про-

цессов перехода к информационному типу общества, растущей конкуренции не только между странами, но и городами. Борьба за конкурентные преимущества требует поиска новых ресурсов, материального и нематериального свойства. Главный ресурс — это люди с высоким уровнем всех видов капитала (социального, культурного, интеллектуального, экономического), и для их привлечения и особенно удержания необходим целый ряд условий, обеспечивающих быструю капитализацию человеческих ресурсов и потенциалов [38, с. 16]. Город включен в эту гонку за удержание талантливых, успешных и т. д. людей. Город всячески стремится предоставить условия, удовлетворяющие возрастающим потребностям тех, кто создает новое богатство. Понятию креативности, креативной экономике и креативному классу уделяется особое внимание. Считается, что именно они способны обеспечить переход к цифровому этапу развития общества, к логике поиска добавленной стоимости в «социальных, культурных и человеческих аспектах производства и взаимодействия» [21, с. 2]. Ориентация концепций на человека очевидна. И в том и другом случае основным двигателем, ресурсом достижения поставленных целей развития, будь то города или организации, будет человек, который обладает особым набором капиталов. Желательно, чтобы этот набор включал весь спектр капиталов, о которых говорил П. Бурдьё, а именно: социальный, интеллектуальный, социокультурный и т. д. Практика показывает, что для достижения результативности, коммерциализации капиталов, необходим ряд условий как институционального характера, так и инструментального. Что касается институциональных условий, то первым шагом в этом направлении является репрезентация концепции креативного города в уже всем известной работе Р. Флориды как манифеста о новом классе. Далее концепция была конвертирована в политику, в политику развития городов посредством культуры. Опыт реализации данной политики в Великобритании получил широкое распространение по всему миру. Стоит обратить внимание, что

данная политика была инициирована властями, то есть была сформирована на самом высоком уровне даже не муниципального, а государственного управления. Развитие креативных индустрий принималось не как цель развития городов, отдельных районов, а как создание нового типа инструментария, посредством которого решается целый ряд как социально-экономических, так и политических проблем, вызванных кризисом системы [2]. По сути, англичане предложили прогнозно-нормативную модель социального проектирования развития социального пространства города, введя в управленческий оборот термин «политики городского возрождения посредством культуры» [28, с. 31].

И этот достаточно успешный опыт показал, что, действительно, культура, ее носители в современных условиях могут оказывать существенное влияние на многие городские процессы (о роли культуры в современном обществе говорил Э. Гидденс). Стоит обратить внимание на представителей креативного класса не столько как на носителей определенной культуры (скорее субкультуры), навыков, социального статуса, что имеет значение при оценке их влияния на политические и экономические процессы в городе, сколько на их проявление активности, готовности самостоятельно или совместно с себе подобными решать свои экономические и творческие проблемы. Эта способность к активности по изменению своей жизни и явилась главной ценностью, тем самым нематериальным ресурсом развития городов, который привлек власть, вечно испытывающую дефицит ресурсов. Причем эта активность достаточно четко направлялась и регулировалась из сферы политики и конфликтных ситуаций в область современного искусства и творчества, тем самым снижая градус напряженности, который очень четко проявился на рубеже XXI в., особенно на рынке труда среди молодежи [61].

Концепцию креативного и умного города сближает инструментальная составляющая, а именно использование ин-

формационных технологий в качестве основания для преобразований.

В публикациях о развитии городов посредством культуры используются разные понятия, такие как творческие индустрии, культурные отрасли промышленности, культурное производство, креативные индустрии. Ряд отечественных авторов [1; 3; 14] принимают тезис о креативных индустриях, который распространен в Европе, согласно которому это «виды деятельности, которые берут свое начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах и которые имеют потенциал для создания богатства и рабочих мест путем создания и эксплуатации интеллектуальной собственности» [28, с. 16].

Социальность концепции «креативный город» считается наличием определенного социального слоя людей, креативного класса, который принимается в качестве ресурса развития и локомотива для развития городов. В данной работе не проводится детальный анализ понятия «креативный класс», сошлемся на экспертов, которые доказывают, что результативность, успешность влияния креативных индустрий на город всецело зависит от качества человеческого капитала, профессионализма и уровня воображения, таланта рабочей силы. Речь идет о неотделимых свойствах работников, которые в меньшей степени проигрывают в ценовой конкуренции [28, с. 22], то есть о человеческом капитале, который прочно ассоциируется с двумя концепциями.

Социальный аспект функционирования креативных индустрий определяется характером отношений, которые складываются между представителями креативных индустрий с другими субъектами городской жизни. Характер отношений косвенно определяется через ценности и нормы, которые декларируются представителями креативного класса через свой продукт, репрезентацию своего символического капитала. Несовпадение ценностей и норм (речь не идет о их тождестве) представителей креативного класса, выпадение из городского

контекста нарушает эти отношения. Связность отношений между представителями креативного класса и иными субъектами города работает на развитие самих креативных индустрий и их представителей. Она изменяет их индивидуализированную природу в коллективную через усиление взаимовлияния с другими хозяйствующими субъектами, городскими сообществами, институтами, социальным контекстом города. Игнорирование социальности не позволяет гармонично встроить креативные индустрии в социальное пространство города. Только через привязку к конкретному месту, через определение локации производства и потребления результатов креативных индустрий можно отследить характер их социальности [7; 16; 52, с. 105].

Власти многих российских городов стали активно поддерживать, стимулировать развитие креативных индустрий, рассчитывая на получение прежде всего экономических дивидендов, на расширение налогооблагаемой базы. Однако простое калькирование, пусть даже успешного западного опыта, без учета широкого социально-экономического контекста каждого конкретного города вряд ли будет успешным. В условиях острой нехватки ресурсов развития у наших городов речь можно вести о необходимости выбора приоритетов среди креативных отраслей, и здесь наибольший экономический и социальный эффект имеют предприятия, напрямую связанные с ИКТ (опять же исходя из зарубежного опыта) [28]. Здесь можно говорить о нехватке кадров в данной сфере, но более грозной проблемой является отсутствие предприятий, мест приложения труда данных специалистов. Для преодоления данной проблемы можно воспользоваться опытом планирования, обозначая логику экономических, технологических, производственных цепочек и конечного продукта с участием креативных индустрий, взаимосвязи производства и потребления, превращения идей в потребляемые продукты, в противном случае мы получаем непродуктивный вакуум. Эксперты прямо указыва-

ют на значение слияния креативных секторов с цифровой экономикой вследствие технологических изменений [28, с. 20] для достижения амбициозных целей в цифровую эпоху. Отсутствие такой связи сводит креативные индустрии к самозанятости без выхода на новую экономику, ограничению сферы деятельности экономикой потребления развлечений и свободного времени.

В нашей стране отсутствуют официальные документы, определяющие структуру креативных отраслей. Здесь стоит обратить внимание на опыт развития креативных индустрий в Финляндии. Опыт состоит в том, что на государственном уровне приняты структурные позиции, характеризующие креативные индустрии. Образование выделено в качестве особого элемента в структуре креативных индустрий в ряду, собственно, услуг, медиа, искусства и локации. Каждый элемент имеет свою специфику, методы управления, роль, но их совместная деятельность позволяет достичь эмерджентного системного свойства, т. е. создания нового качества системы [21].

Анализ финского опыта городского управления подтверждает значение определения заинтересованных сторон развития. Речь идет о местных органах власти, бизнесе и активном городском сообществе горожан. В зависимости от того, как выстраиваются субъектные отношения между данными игроками городской жизни, можно определить направленность, содержание, характер модели развития города. Акцент на субъектах городской жизни, системы управления развитием города объединяет концепции «креативный» и «умный» город в его модели четырех спиралей.

Обращает на себя внимание использование трех подходов в выборе местными органами власти модели реализации концепции «креативного города» и управленческих подходов, среди которых выделяют: институциональный, управление развитием осуществляется через систему господдержки; экономический, включающий предпринимательскую активность и стихийность рынка

как базовое условие городского развития; общинно-ориентированный, который основывается на эволюционном развитии культуры и творчества в местном гражданском обществе. Отличие моделей в том, как местные управленческие стратегии связаны с ключевыми заинтересованными сторонами и имеющимися у города ресурсами. Различаются модели и по степени вмешательства местных органов власти в городские процессы [21]. Каждая из них имеет право на существование и в нашей стране.

Стоит подчеркнуть, что, как правило, когда речь идет о креативных городах, подразумеваются крупные и сверхкрупные по масштабам и численности, но различные модели реализации концепции [9] позволяют включить в орбиту креативности и средние города. Особенно, если это средние города с высоким культурным профилем и большой опорой на культурно-ориентированное местное развитие. Значимым преимуществом для городов являются университеты. Наличие университета само по себе является маркером успешности, креативности и одновременно диктует повестку для местной политики развития с акцентом на творчество и инновации [21], что напрямую сопрягается с моделью реализации «умного города» из четырех спиралей, где университеты, власть, бизнес и горожане являются равными субъектами в системе управления развитием города.

Используя креативный концепт в качестве раздела стратегии развития города, например в нашей стране, необходимо четко выделять уровни креативных индустрий и дифференцировать управленческие подходы к каждому из них. Значимым для управления городов видится определение содержания институционального, экономического, общинно-ориентированного подходов, их сочетания для каждого из уровней креативных индустрий с учетом системности и комплексности действий всех субъектов городского развития, а именно: власти, бизнеса, элементов гражданского общества, населения.

Анализ европейского опыта позволяет выделить ряд позиций, которые могут быть использованы в российской управленческой практике. Концепция «креативного города» нуждается в получении институционального статуса в виде государственной модели реализации, которая, в свою очередь, позволит сформировать муниципальные модели с учетом ресурсов, потребностей каждого города. Ориентиром для моделей реализации концепции «креативного города» выступают социальные параметры городов: социальная структура населения, история, культура, традиции, городская морфология, идентичность места и т. д. Содержательная роль модели видится в репрезентации перспектив, возможностей жизни в городе здесь и сейчас для представителей креативного класса, для людей с высоким человеческим и интеллектуальным капиталом, для большинства горожан. То есть, помимо расчета на экономические эффекты от реализации концепции, необходимо закладывать в нее параметры обозначения ценностно-нормативных, символических ориентиров образа будущего развития городского сообщества, которые будут привлекательны для людей.

Финский опыт показывает, что структура модели может включать в себя не только набор креативных индустрий, но и элементы социальной инфраструктуры и городского контекста, что и обеспечивает приоритетность социальных аспектов города. При разработке стратегии развития городов стоит обратить внимание на возможность сочетания инфраструктурных элементов концепции умного и креативного города, что усилит их успешность реализации.

Инновационная направленность концепции и ее модели во многом обеспечивается включением в структуру креативных индустрий (по опыту Великобритании) ИКТ. Инструментальная роль ИКТ по включению креативных индустрий в цифровой формат общества, экономики решает сразу несколько задач, связанных с развитием городского сообщества. Речь идет об изменении квалификационной структуры рынка труда,

о возможности для производителей выйти за пределы локального рынка спроса, повысить статус свой и города. Функциональная подсистема модели включает обоснование экономической эффективности креативных индустрий, их влияния на развитие города. Повышение результативности и роли креативных индустрий как части экономики города возможно в случае их связности с социально-экономическими целями развития города, с производствами, услугами, технологическими цепочками других отраслей, наличия высокого уровня квалификации и профессиональных навыков у работников. Данный подход позволяет уйти от доминирования идеи о ведущей роли в развитии города экономики развлечений и создания, посредством креативных индустрий, среды для обеспечения проведения свободного времени. Разнообразие секторов креативной сферы принимается в качестве показателя влияния на развитие города.

Основой перехода к модели цифрового развития экономики, общества, развития креативных индустрий является качество человеческого капитала, которое достигается путем установления безусловного приоритета образования всех уровней от дошкольного до высшего. Сфера образования задает ориентиры, нормы встраивания представителей креативного класса, результатов, продуктов их труда в социальный контекст [9]. Через образование можно попытаться решить вопрос, поставленный еще Г. Зиммелем, о том, что «по отношению к большим городам, — всюду ответ нужно искать в том уравнении, которое составляет между индивидуальным и надиндивидуальным содержанием жизни, — в приспособляемости личности, благодаря которой он уживается с внешними силами» [5].

Разбор выше указанных концепций подводит к необходимости детального исследования концепции «умный город». Анализ теоретических подходов, моделей и опыта реализации позволяет выделить элементы дискурса концепции «умный город».

Дискурс определения пространственных рамок концепции. Считается, что концепция «умный город» наиболее успешно ре-

ализовывается в крупных городах, которые имеют на своей территории высокие конкурентные экономические, историко-культурные, финансовые, политические и т. д. преимущества. Однако, по мнению ряда исследователей, «умные города могут инкапсулировать атрибуты различных городов и сообществ, независимо от их размера и технологических возможностей. Универсальное клише не применимо к инновациям в умном городе» [51, с. 41]. Сочетание характеристик, контекста конкретного города с реалистичными моделями «умного города» при помощи осуществимых практик позволяет реализовать проект в городах различных масштабов и областях, представляющих интерес [51, с. 41].

Дискурс учета специфики и своеобразия пространства города. Дискурс ведется между сторонниками построения умных городов с нуля, что позволяет в полной мере реализовать проект, не оглядываясь на историю, состояние и проблемы как города, так и горожан, а критика данного подхода представлена в работе А. Ваноло (2016) [56] и теми, кто категорически не приемлет такой подход. Сегодня можно говорить о практике создания демонстрационных умных городов как витрин будущего, например китайский Шицзячжуане [57, с. 2935]. Большинство исследователей доказывают значение своеобразия, контекста города в достижении целей концепции «умный город». Основным аргументом является тезис о том, что успешность реализации концепции во многом зависит от способности органов управления, разработчиков и подрядчиков вписаться в реальные условия специфики и особенностей города [24; 25; 46]. В связи с этим хочется вспомнить слова В. Глазычева о том, что «город является собой, т. е. приближается к идеалу ровно настолько, насколько он индивидуален» [4].

Дискурс определения отраслевой специализации и сфер для реализации концепции «умный город». Выделяются мономерная и многомерная модель реализации концепции. Мономерная модель основана на приоритетности энергетической системы, не-

обходимости создания низкоуглеродных и ресурсоэффективных городских подсистем, а также инвестициях в ИКТ-решения для умного транспорта, умных зданий и умных сетей. Сторонники многомерной модели предлагают использовать комплексный подход, который является ключом к реализации успешных стратегий развития умных городов, которые, в свою очередь, должны охватывать как можно больше областей применения [23, с. 131].

Дискурс о сужении концепции до рамок системы городского управления. Реализация концепции «умный город» ограничивается введением умных технологий в организационно-управленческую структуру муниципальных органов власти [17, с. 75; 51, с. 41; 55, с. 16].

Дискурс целеполагания реализации концепции. Анализ целевых установок, достижение которых обеспечивается реализацией концепции дан в обзорных работах [26; 36].

Дискурс об «умном» горожанине. В настоящее время ведущим подходом к определению «умности» города является гражданскоориентированный подход, где она понимается через «умность» его граждан [42, с. 17]. Приоритетным элементом в структуре концепции «умный город» становится «умный горожанин», а умные технологии принимаются в качестве инструмента, условия для достижения целей развития города, городского сообщества, горожанина. Если принять, что доминантой концепции «умный город» является умный горожанин, то возникает вопрос о характеристиках этой «умности», ее измеряемости, возможности формирования и управления процессами, условиями городской жизни, которые оказывают влияние на рост уровня и качества «умности» горожанина и т. д. Это еще один дискуссионный и исследовательски сложный вопрос. Распространено мнение о том, что умный горожанин — значит информированный в своем повседневном взаимодействии с цифровыми устройствами [57, с. 2943]. Исследователи указывают на проекты умного города, которые обычно служат для определения городских жителей либо как пользователей услуг, либо

как предпринимательских агентов в цифровой экономике [25, с. 1570]. В первом приближении в качестве показателя и измерителя «умности» может выступать: человеческий капитал, однако он имеет свои ограничения, и это, прежде всего, его слабая связь с городом, с пространством; социальный капитал [31], основу которого составляют связи и отношения, является более продуктивным и информативным, особенно в части оценки доверия и солидарности как социальных норм и регуляторов этих отношений, но и данный показатель имеет те же ограничения. Отечественные эксперты в качестве основного компонента предлагают учитывать «интеллектуальный капитал, включающий в себя культуру горожан, их уровень образования, интеллектуальные способности, а также культуру ведения бизнеса, работу компаний, их ценность и вклад в городское развитие в целом» [12, с. 137].

В качестве исходного тезиса принято положение о том, что умный горожанин — это не только высокообразованный, знающий, владеющий, применяющий в профессиональной и повседневной практике умные технологии для удовлетворения своих потребностей и интересов горожанин, но и осознанно ориентированный в своей деятельности на цели развития себя, городского сообщества, города и страны в целом. То есть в основание понимания природы «умности» горожанина положен не только деятельностный подход, но и целеориентированный на развитие сообщества с учетом необходимости не подчинения, а синхронизации своих ценностей и норм с общественными на основе доверия и социальной солидарности, что делает «умность» горожанина созидательной и продуктивной. В эту линейку показателей встраивается тезис о том, что «умные города можно рассматривать как способность умных людей создавать решения для преодоления проблем» [18; 51, с. 43]. Как следствие, внимание обращено не просто на участие населения в управлении городом, а на способность принимать решения, ответственность.

Дискурс о моделях реализации концепции «умный город». На сегодня можно выделить не просто модели управления в рамках концепции «умный город», а их разные типы. Представим один из вариантов [50], когда выделяют следующие модели:

— *модель ранжирования*, основана на рейтинге показателей, которые характеризуют умный город. Например, Ежегодный индекс, подготовленный Центром глобализации и стратегии бизнес-школы IESE в соавторстве с профессорами Паскуалем Берроне и Джоан Энрик Рикар, анализирует уровень развития 174 городов мира по девяти измерениям (2020 г.), которые считаются ключевыми для создания действительно умных и устойчивых городов. Это экономика, окружающая среда, управление, человеческий капитал, международное проектирование, мобильность и транспорт, социальная сплоченность, технологии и городское планирование. Умный город — это интеграция ИКТ в различные физические устройства (например, транспорт, интеллектуальная жизнь и коммунальные услуги) для оптимизации эффективности городских операций. ИКТ, разработанные в «умных городах», варьируются от больших данных, социальных сетей и Интернета вещей до транспортных систем, систем регулирования дорожного движения и даже искусственного интеллекта [41]. Логично возникает вопрос, в какой степени этот корпоративный, предпринимательский умный город может действительно служить всем гражданам и способствовать преобразованию города.

— *Модель двойной спирали*, где основными субъектами выступают органы муниципальной власти и рыночные агенты, работающие на рынке умных технологий, последние, становятся «основными поставщиками решений городских проблем» [50, с. 72].

— *Модель тройной спирали* включает третьего субъекта, а именно университеты. В начальной версии модели взаимодействие власти, бизнеса, образования основывалось на конфигуративной логике каких-либо «пересекающихся» интересов

между этими тремя субъектами, например экономических. Сейчас же речь идет об установлении оснований для взаимодействия на информационной основе и коммуникационных системах так называемой повестки дня «третьей миссии». Эта третья программа миссии нацелена на создание интеллектуального капитала и богатства, но в данном случае не за счет научных или технических инноваций, а скорее за счет социальных сетей, культурных атрибутов и экологического потенциала [31]. Особая роль отведена образованию, науке и университетам. Исследователи подтверждают положительное влияние университетов на развитие города в целом [27].

Почему именно университеты стали третьим субъектом взаимодействия, что дано в рамках модели тройной спирали реализации концепции «умный город» [31; 36]? По мнению ряда исследователей, в индустриальную эпоху в отношениях субъектов города (бизнес, власть, горожане) доминировала форма частно-государственного партнерства. Научно-технический прогресс вводит новые факторы производства, связанные с наукой и инновациями, где ведущее место занимают университеты. Университеты являются не только поставщиками знаний и инкубаторами для стартапов, но и создателями и хранителями знания. Это влечет за собой посредничество в управлении знаниями между фирмами и местными органами власти, способствуя участию различных заинтересованных сторон, включая общественность, и обеспечивая передачу знаний внутри сети организаций. Таким образом, университеты рассматриваются как ключевой элемент городской экономики, основанной на знаниях, которая создает умные города [33]. По результатам исследований в 22 швейцарских городах было установлено, что для достижения результата в реализации концепции «умный город» достаточно наличия исследовательских институтов и высокой плотности городов, тогда как количество населения, новое жилое строительство и участие в международных сетях кажутся менее важными [33].

— *Модель четырех спиралей* развивает модель тройной спирали, перенося акцент на включение в управление городом непосредственно горожан и организаций гражданского общества для обеспечения развития интеллектуального капитала.

— *Модель субъектная* дополняет модель четырех спиралей. Главное отличие данной модели в том, что она сориентирована не столько на обоснование элементов, субъектов модели, сколько на установление связи между ними и параметров, которые характеризуют степень субъектности горожанина как условие связности между другими субъектами города и собственно городом, его социальным пространством [10]. Речь идет о необходимости выстраивания многоуровневых механизмов взаимодействия между различными субъектами города. Как показывают исследования [24] в условиях усложняющегося мира, мультискалярности и противоречивости городских процессов, многовариантности задач развития современных городов непродуктивно выделять для их решения один (пусть очень значимый) элемент, систему, способную взять ответственность на себя. Внедрение в практику городов модели реализации концепции «умный город» требует учета специфики, контекста города. В чем проявляется эта специфика, можно предположить, что структурными условиями и институциональными конфигурациями. Полагаем, что это только часть важнейших параметров, которые характеризуют специфичность города, которая должна быть учтена при реализации городских проектов и в управленческих действиях.

Успешность реализации концепции «умный город» во многом зависит от способности системы управления развитием города обеспечить учет в своей практике свойств и характеристик не явных, субъективных социальных параметров города. Для этого следует обозначить эти социальные параметры в виде показателей, которые могут быть считаны и проанализированы для практических целей управления.

Социальное пространство города принимается в качестве интегрированного показателя, который характеризует социальный аспект развития города и может быть использован

в управленческой аналитической практике. Социальное пространство города — это пространственно-временной фокус отношений, обусловленных социальной активностью, идентичностью, нормативными установками горожан. Характер отношений между субъектами города, их бесконфликтность, в том числе между горожанами и властью, принятие/легитимизация (данные понятия принимаются как синонимичные) в сознании горожан нового состояния города, который формируется здесь и сейчас, репрезентирует степень связности социального пространства города. Субъектность горожан создает условия для субъектности пространства.

В данной работе представлены три принципа развития городов субъектной модели реализации концепции «умный город». Эти принципы связаны с четырьмя активами умного города (экономика, общество, окружающая среда и управление), извлеченными из одной и той же концептуальной структуры. Эти активы напрямую взаимодействуют с вышеупомянутыми драйверами умного города, тем самым влияя на то, каким образом городское развитие может стать целостным и справедливым. Поэтому переосмысление этих активов имеет первостепенное значение для обеспечения эмпатического подхода к перепроектированию городов.

Список литературы

1. Боровинская, Д. Н. Современная теория креативности: уровни научного познания / Д. Н. Боровинская. — Текст : непосредственный // Вестник томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2015. — № 4 (32). — С. 85–93.

2. Викери, Дж. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов — синтез социальной, культурной и городской политики / Дж. Викери. — Текст : непосредственный // Визуальная антропология : городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Яр-

ской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). — Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ. — 2009. С. 211.

3. Галкин, Д. В. Стратегии культурного развития городов: современные подходы / Д. В. Галкин. — Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2005. — Т. VIII, № 4. — С. 41–57.

4. Глазычев, В. Л. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов / В. Л. Глазычев. — Текст : электронный // Школа муниципального служащего, Обнинск, 1-13.11.1998. — URL: <http://www.vsmsinfo.ru/newshow.html?651> (дата обращения: 13.04.2009)

5. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель. — Текст : электронный // Логос. 2002. № 3–4. — URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> от 30.03.2018

6. Иссбернер Лиз-Режане, Лена Ф. Антропоцен: научные споры, реальные угрозы / Лиз-Режане Иссбернер, Ф. Лена. Текст : электронный // Курьер. ЮНЕСКО. — URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-2/antropocen-nauchnye-spory-realnye-ugrozy> от 13.08.2023

7. Ключарёв, Г. А. Технологическая креативность среды: Россия на фоне других стран / Г. А. Ключарёв. — Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. — 2015. — № 3 (11). — С. 51–80.

8. Костко, Н. А. Уточнение управленческих показателей глобальной программы устойчивого развития городов / Н. А. Костко. — Текст : непосредственный // Siberian Socium. — 2019. — Т. 3, № 1. — С. 8–17. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-1-8-17

9. Костко, Н. А. Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта(статья) / Н. А. Костко. — Текст : непосредственный // Siberian Socium. — 2021. — Т. 5, № 3 (17). — С. 52–68. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-52-68

10. Костко, Н. А. Модели реализации концепции «Умный город» в стратегиях социально-экономического развития крупных городов Российской Федерации (статья) / Н. А. Костко, И. Ф. Печеркина, А. А. Попкова. — Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — № 4. — С. 197–223. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-4-197-223

11. Крутцен, П. Й. Наши внуки, как и мы сегодня, будут жить в антропоцене / П. Й. Крутцен. — Текст : непосредственный // Вестник РАН. — 2021. — Т. 91, № 1. — С. 82–86.

12. Перезолова, А. С. О проблеме публичного управления в концепции умных городов / А. С. Перезолова. — Текст : непосредственный // ПОЛИТЭКС. — 2015. — Т. 11, № 2. — С. 131-143.

13. Повестка дня в области устойчивого развития. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 01.03.2018). — Текст : электронный.

14. Русакова, О. Ф. Концепт и стратегия креативного класса / О. Ф. Русакова. — Текст : непосредственный // Дискурс Пи. — 2013. — Т. 10, №3. — С. 78-82.

15. Сен, А. Идея справедливости / А. Сен; пер. с англ. Д. Кралечкина ; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. — Москва : Издательство Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. — 520 с. — Текст : непосредственный.

16. Стародубровская, И. Креативный класс и креативный город: российское преломление / И. Стародубровская, Д. Лободанова. — Текст : электронный // Экономическая политика. — 2013. — № 5. — С. 127-149. (<https://www.iep.ru/files/text/policy/5-2013/Starodubrovskaya.pdf>)

17. Тихонов, А. В. От «Умного регулирования» к «умному управлению: социальная проблема цифровизации обратных связей / А. В. Тихонов, В. С. Богданов. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2020. — № 1. С. 74-81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0

18. Albino, V. Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives / V. Albino, U. Berardi, R. M. Dangelico. — Text : direct // J. Urban Technol. — 2015. — 22. — P. 3-21.

19. Angelo, H. Why does everyone think cities can save the planet? / H. Angelo, D. Wachsmuth. — Text : direct // Urban Studies. — 2020. 57(11): 2201-2221. — DOI: 10.1177/0042098020919081

20. Angelidou, M. The Role of Smart City Characteristics in the Plans of Fifteen Cities / M. Angelidou. — Text : direct // Journal of Urban Technology. 2017. P. 1-27. P. 9-12. — DOI: 10.1080/10630732.2017.1348880

21. Anttiroiko, A. Creative city concept in local economic development: the case of Finnish cities / A. Anttiroiko. — Text : electronic // University of Tampere. — 2010. — URL: <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/58231/h.p.2>

22. Biloria, N. From smart to empathic cities / N. Biloria. — Text : direct // Frontiers of Architectural Research. — 2021. — Vol. 10, issue 1. March. — P. 3-16. <https://doi.org/10.1016/j.foar.2020.10.001>

23. Bozkurt Y. Smart cities in research: status-quo and future research directions / Y. Bozkurt, R. Braun, A. Rossmann, D. Hertweck. — Text : direct // IADIS International Journal on WWW/Internet. — 2020. — Vol. 18, no. 1. — P. 121–138. <https://www.researchgate.net/publication/344431219>
24. Bramwell, A. Innovation and the “Ordinary” City? Urban Policy Making in a Digital Age / A. Bramwell. — Text : direct // American Political Science Association. — 2020. — January. — P. 15–19. DOI: 10.1017/S104909651900132X
25. Caprotti, F. Platform urbanism and the Chinese smart city: the co-production and territorialisation of Hangzhou City Brain / F. Caprotti, D. Liu. — Text : direct // GeoJournal. — 2022. — 87. — P. 1559–1573. <https://doi.org/10.1007/s10708-020-10320-2>
26. Castelnovo, W. Smart Cities Governance: The Need for a Holistic Approach to Assessing Urban Participatory Policy Making / W. Castelnovo, G. Misuraca, A. Savoldelli. — Text : direct // Social Science Computer Review. — 2015. — P. 1–16. DOI: 10.1177/0894439315611103
27. Caughman, L. The project-partnership cycle: managing city-university partnerships for urban sustainability and resilience transformations / L. Caughman, F. Beaudoin, L. W. Keele. — Text : direct // Caughman et al. Urban Transformations. — 2023. — 5:10 <https://doi.org/10.1186/s42854-023-00055-x>
28. Creative and Cultural Economy series (2010) / 2. Mapping the Creative Industries : A Toolkit / BOP Consulting. — London : The British Council, 2010. — 63 p. — Text : direct.
29. Cugurullo, F. Exposing smart cities and eco-cities: Frankenstein urbanism and the sustainability challenges of the experimental city / F. Cugurullo. — Text : direct // Environment and Planning A. — 2017. — 0 (0). — P. 1–20. DOI: 10.1177/0308518X17738535
30. Deakin, M. From intelligent to smart cities / M. Deakin, A. H. Waer. — Text : direct // Intelligent Buildings International. — 2011. — 3:3. — P. 133–139. DOI: 10.1080/17508975.2011.586673
31. Deakin, M. Smart cities: the state-of-the-art and governance challenge / M. Deakin. — Text : electronic // Triple Helix. — 2014. — 1:7. — URL: <http://link.springer.com/article/10.1186/s40604-014-0007-9>
32. Desdemoustiera, J. Municipalities’ understanding of the Smart City concept: An exploratory analysis in Belgium / J. Desdemoustiera, N. Crutzena, R. Giffingerb. — Text : direct // Technological Forecasting & Social Change. — 2019. — 142. — P. 129–141 <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.10.029> p.130

33. Duygan M., Fischer M, Rea Parli R., Ingold K. Where do Smart Cities grow? The spatial and socio-economic configurations of smart city development / M. Duygan, M. Fischer, R. Rea Parli, K. Ingold. — Text : direct // Sustainable Cities and Society. — 2022. — 77. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2021.103578>
34. Elmqvist, T. Sustainability and resilience for transformation in the urban century / T. Elmqvist, E. Andersson, N. Frantzeskaki, T. McPhearson, P. Olsson, O. Gaffney, K. Takeuchi, C. Folke. — Text : electronic // Nature Sustainability. — 2019. — Vol 2. — April. — P. 267–273. URL: www.nature.com/natsustain
35. Feinberg, A. Commoning toward urban resilience: The role of trust, social cohesion, and involvement in a simulated urban commons setting / A. Feinberg, A. Ghorbani, M. Paulien Herder. — Text : direct // Journal of Urban Affairs. — 2023. — 45:2. — P. 142–167. DOI: 10.1080/07352166.2020.1851139
36. Fernandez-Aneza, V. Smart City implementation and discourses: An integrated conceptual model. The case of Vienna / V. Fernandez-Aneza, J. M. Fernández-Güellb, R. Giffingerc. — Text : direct // Cities. — 2018. — 78. — P. 4–16. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.12.004>
37. Giffinger, R. Smart Cities: Ranking of European Medium-sized Cities / R. Giffinger, C. Fertner, H. Kramar, R. Kalasek, N. Pichler-Milanovic, E. Meijers. — Text : direct // Vienna University of Technology. Final report, October 2007. p. 29. https://www.researchgate.net/publication/261367640_Smart_cities_-_Ranking_of_European_medium-
38. Hospers G-Jan. Urban Shrinkage and the Need for Civic Engagement / G-Jan. Hospers. — Text : direct // Annegret Haase, Gert-Jan Hospers, Simone Pekelsma & Dieter Rink. Front-runners in Innovative Citizen Participation. European Urban Knowledge Network (EUKN). — 2012. — 82 p. — P. 1–28.
39. Huizenga, S. Governing the resilient city: An empirical analysis of governing techniques / S. Huizenga, L. Oldenhof, H. van de Bovenkamp, R. Bal. — Text : direct // Cities. — 2023. — 135. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2023.104237>.
40. Janssen, C. Governing capabilities, not places — how to understand social sustainability implementation in urban development / C. Janssen, T. A. Daamen, W. J. Verheul. — Text : direct // Urban Studies. — 2023. — 1–19. — P. 5. DOI: 10.1177/00420980231179554
41. Jiang, H. Sociotechnical Framework for Smart Urban Governance: Urban Technological Innovation and Urban Governance in the Realm of Smart Cities / H. Jiang, S. Geertman, P. A Witte. — Text : direct // International Journal of E-Planning Research. — 2020. — Vol. 9. Issue 1. January-March. — Pp. 1–19. DOI: 10.4018/IJEPR.2020010101

42. Joss, S. Smart Cities: Towards a New Citizenship Regime? A Analysis of the British Smart City Standard / S. Joss, M. Cook, Y. Dayot. — Text : direct // Journal of Urban Technology. — 2017. — P. 1–21. DOI: 10.1080/10630732.2017.1336027
43. Kandt, J. Smart cities, big data and urban policy: Towards urban analytics for the long run / J. Kandt, M. Batty. — Text : direct // Cities. — 2021. — 109. — P. 1–21. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102992>
44. Karp, David A. Being urban : a sociology of city life / David A. Karp, Gregory P. Stone, William C. Yoels, Nicholas P. Dempsey. — Connecticut : Third edition, 2015. — 361 p. — Text : direct.
45. Kostko, N. A. Concept Of “Sustainable Development” And Social Space of City / N. A. Kostko. — Text : direct // RPTSS 2017 - International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences. Tomsk Polytechnic University, Russia. — 2018. — P. 645–650. <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.76>
46. Leitheiser, S. The social innovation–(re)politicisation nexus : Unlocking the political in actually existing smart city campaigns? The case of SmartCity Cologne, Germany / S. Leitheiser, A. Follmann. — Text : direct // Urban Studies. — 2020. — 57(4). — P. 894–915. DOI: 10.1177/0042098019869820
47. Lim, Y. Identifying the results of smart city development: Findings from systematic literature review / Y. Lim, J. Edelenbos, A. Gianoli. — Text : direct // Cities. — 2019. — 95 (June). Article 102397. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.102397>
48. Malhi, Y. The Concept of the Anthropocene / Y. Malhi. — Text : direct // Annual Review of Environment and Resources. — 2017. — T. 42. — P. 77–104. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ102016-060854>
49. March, H. Smart contradictions: The politics of making Barcelona a Self-sufficient city / H. March, R. Ribera-Fumaz. — Text : direct // European Urban and Regional Studies. — 2016. — Vol. 23 (4). — P. 816–830.
50. Moraa, L. Strategic principles for smart city development: A multiple case study analysis of European best practices / L. Moraa, M. Deakin, A. Reid. — Text : direct // Technological Forecasting & Social Change. — 2019. — 142. — P. 70–97. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.035>
51. Myeong, S. Smart City Strategies—Technology Push or Culture Pull? A Case Study Exploration of Gimpo and Namyangju, South Korea / S. Myeong, Y. Kim, M. J. Ahn. — Text : direct // Smart Cities. — 2021. — 4. — P. 41–53. <https://dx.doi.org/10.3390/smartcities4010003>

52. Pratt, A. C. Creative cities: the cultural industries and the creative class. *Geografiska annaler: Series B / A. C. Pratt.* — Text : direct // Human geography. — 2008. — no. 90 (2). — P. 107–117. DOI: 10.1111/j.1468-0467.2008.00281.x
53. Report of the UN-GGIM Academic Network Forum. Secure Land Rights and Smart Cities — Making It Work for Sustainable Development. Seventh Session of the United Nations Committee of Experts on Global Geospatial Information Management. — 2017. — 31 July. — P. 6. — URL: <http://unggim.academicnetwork.org/wp-content/uploads/2017/08/AN-Forum-Report-2017.pdf> (дата обращения: 01.03.2018). — Text : electronic.
54. Sareen, S. New municipalism and the governance of urban transitions to sustainability / S. Sareen, K. L. Waagsaether. — Text : direct // *Urban Studies.* — 2023. — Vol. 60 (11). — P. 2271–2289. DOI: 10.1177/00420980221114968
55. Sheltona, T. The ‘actually existing smart city’ / T. Sheltona, M. Zook, A. Wiig. — Text : direct // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society.* — 2015. — Vol. 8, no. 1. — P. 13–25. doi:10.1093/cjres/rsu026
56. Vanolo, A. “Is there anybody out there? The place and role of citizens in tomorrow’s smart cities” / A. Vanolo. — Text : electronic // *Futures.* — 2016. — V. 82. — P. 26–36. <http://www.journals.elsevier.com/futures> doi:10.1016/j.futures.2016.05.010
57. Zhang, J. State-steered smartmentality in Chinese smart urbanism / J. Zhang, J. Bates, P. Abbott. — Text : direct // *Urban Studies.* — 2022. — Vol. 59(14). — P. 2933–2950 P. 2935. DOI: 10.1177/00420980211062888
58. Национальный проект «Жильё и городская среда» // Официальный сайт Минстроя РФ. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyu-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/>
59. СРЕДА, КОТОРАЯ НАС ФОРМИРУЕТ. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику ее изменения // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/sreda-kotoraya-nas-formiruet-kak-rossiyane-ocenivayut-kachestvo-gorodskoj-sredy-i-dinamiku-ee-izmeneniya> — данные за 2020
60. Комфортная среда: оценки жителей российских городов // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov> — данные за 2023
61. Безработица в странах ОЭСР и странах с переходной экономикой // Демоскоп Weekly [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/093/analit06.php>

§ 3. Горожане и их отношение к реализации концепции «умный город»

Центральным элементом умного города являются умные люди. Внедрение технологий в жизнь города бессмысленно, если его жители не обладают необходимыми знаниями, навыками и адекватным отношением к их использованию. В этой связи актуальным является исследование адаптивности горожан к изменениям в цифровом обществе и умном городе. Рассматривая горожан как «выгодополучателей», важно учитывать потребности жителей города в «умных технологиях», их информированность, ожидания, страхи, готовность использовать новые технологические возможности в своей повседневной жизни. В исследовании жителей шести городов Тюменской области были использованы следующие параметры отношения горожан к реализации концепции «умный город»: уровень распространенности знаний об умных городских технологиях и их наличии в городе; применение умных технологий горожанами в различных сферах жизнедеятельности; значение для горожан использования умных технологий; проблемы, с которыми сталкиваются люди при распространении цифровых технологий.

Однако «умность» горожанина определяется не только квалифицированным использованием ИКТ, но, прежде всего, степенью его субъектности в городе, т. е. степенью его вовлеченности и участия в управлении развитием города. Рабочей гипотезой исследования послужил тезис о том, что «умность» города определяется развитостью структуры и условий для адаптивности горожан к современным процессам цифровизации общества, разнообразием сфер применения технологий умного города в повседневной жизнедеятельности горожан, в том числе для партисипативного участия в управлении с учетом особенностей символического, когнитивно-смыслового и культурного контекста города. Вовлеченность и участие есть

две формы конструктивного действия горожанина. Применительно к построению умного города полагаем, что вовлеченность горожан скорее относится к процессу использования цифровых сервисов как способу взаимодействия с органами власти, который сформирован организационно-властными структурами. Участие же предполагает формирование условий и механизмов для выстраивания и действенности отношений между представителями власти и горожанами, где та и другая сторона может выступать инициатором по определению форм/платформ взаимодействия для принятия решений по вопросам развития города.

Во всех городах исследования концепция «умный город» реализуется прежде всего как проект развития системы управления городскими ресурсами, однако присутствуют и технологии создания условий для взаимодействия между активными субъектами, включенными в городские процессы. Для изучения отношения жителей к проекту «умный город» были отобраны 25 технологий и респондентам было предложено ответить на вопросы: «Какие из перечисленных в таблице технологий “умного города” есть в Вашем городе? Какие из них Вы используете и замечаете ли от этого пользу?» (табл. 7, приложение к параграфу). Данные технологии были разделены на три группы: технологии для экономики и управления городом; технологии для комфортной жизни человека (удовлетворение потребностей горожан); технологии формирования сообществ, технологии объединения горожан и создания условий для участия человека в жизни города (табл. 1). Шкала оценки — «Этого нет в городе», «Это есть в городе, но я не пользуюсь», «Пользуюсь, хотя пользы не вижу», «Пользуюсь, и это облегчает жизнь», «Не знаю». Для удобства анализа эта шкала была преобразована 1) «Знают о технологии, но не пользуются»; 2) «Пользуются» = «Пользуюсь, хотя пользы не вижу» + «Пользуюсь, и это облегчает жизнь»; 3) «Не информированы о технологии» = «Этого нет в городе» + «Не знаю».

Классификация технологий умного города

Для экономики и управления городом	Для комфортной жизни человека в городе	Формирования сообществ, объединения горожан и создания условий для участия человека в жизни города
Интеллектуальные светофоры Автоматизированные системы электроснабжения и отопления зданий Умное уличное освещение Инструменты экологического мониторинга Карты криминальной обстановки в режиме реального времени Дистанционное управление качеством воды Интеллектуальные средства наблюдения	Мобильные приложения о движении общественного транспорта Электронный дневник Электронная запись в образовательные учреждения Городские сайты и мобильные приложения для записи к врачу Городской бесплатный Wi-Fi Беспроводной доступ в общественном транспорте Электронные государственные услуги Возможность безналичного расчета в городском транспорте Городские интернет-магазины и пункты их доставки Единая платформа для оплаты государственных и муниципальных услуг	Онлайн-платформы для проведения голосования жильцов дома Электронное правительство (подача жалоб, писем, обращений и т. д.) Платформы для проведения торгов или подбора поставщиков Официальные сайты и странички города в социальных сетях

Информированность горожан о наличии в их городе умных технологий в 2021 г. значимо отличается в зависимости от вида технологии, ее предназначения, от того, насколько часто с ней сталкивается обычный гражданин и решает ли она индивидуальные задачи и потребности или общественные (табл. 1, приложение к параграфу).

Наименее информированы горожане *о технологиях умного управления городскими ресурсами* (рис. 1). Уровень информированности о таких технологиях колеблется в зависимости от города и самой технологии. Наиболее информированы о наличии в городе технологий для экономики и управления жители областной столицы, наименее — жители Тобольска (Тюмень на протяжении нескольких лет входит в число лидеров Индекса IQ городов России. В Тобольске первые шаги по внедрению информационных технологий в управление городом были сделаны в 2019 г. Возможно, это является причиной крайне низкой информированности населения Тобольска о такого рода технологиях). Самой узнаваемой технологией во всех городах является «Умное уличное освещение». В тройке лидеров — «Интеллектуальные светофоры» и «Автоматизированные системы электроснабжения и отопления зданий». То есть горожане знают о тех технологиях, с которыми регулярно сталкиваются в своих повседневных практиках. Однако среди тюменцев каждый пятый информирован и о практике использования в городе более «закрытых», специализированных технологий умного города — «Карты криминогенной обстановки в режиме реального времени», «Дистанционное управление качеством воды».

Об умных технологиях «для комфортной жизни человека в городе» горожане знают значительно больше (табл. 2), и не просто знают, а активно этими технологиями пользуются (рис. 2). Наименее информированы жители о «возможности беспроводного доступа в общественном транспорте», о «городском бесплатном Wi-Fi» (кроме жителей Тюмени), о «мобильном городском приложении о парковке». Опыт использования умных

технологий, направленных на повышение качества жизни, также различается в разных городах. Однако такими технологиями как «Электронные государственные услуги», «Городские сайты и мобильные приложения для записи к врачу», «Возможность безналичного расчета в городском транспорте» пользуются не менее 50% жителей в каждом городе.

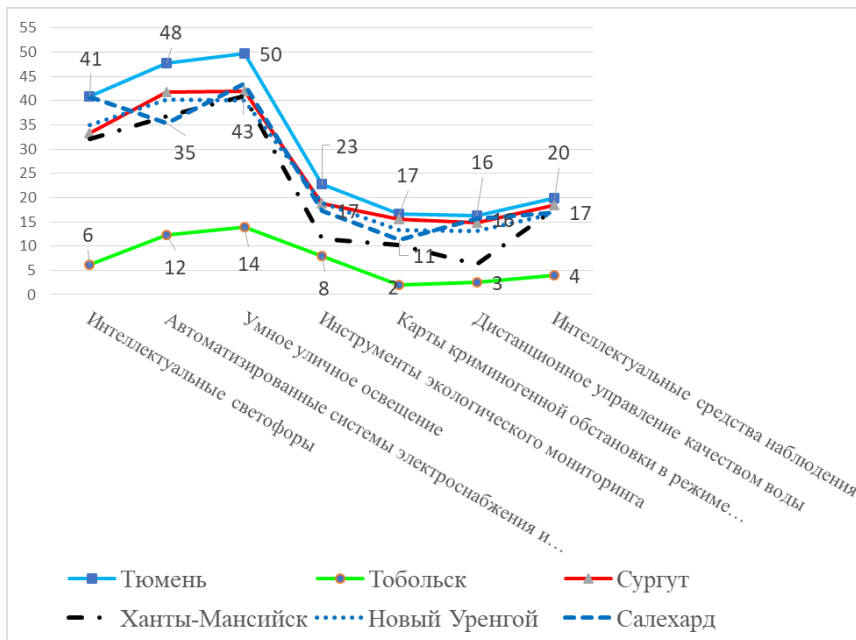

Рис. 1. Информированность жителей о наличии умных технологий для экономики и управления в их городе в 2021 г., % от выборки в каждом городе.

*Варианты ответов: «Пользуются» + «Знают, что есть в городе, но не пользуются»

Можно сделать вывод о том, что уже в 2021 г. жители исследуемых городов активно пользовались многими технологиями умного города, в первую очередь теми, которые тесно связаны

с повседневной городской жизнью и социальным обслуживанием населения. Не менее трети горожан хорошо адаптированы к представленным технологиям и высоко оценивают их полезность для своей жизни (85–95% респондентов, пользующихся технологиями, выбрали вариант «Пользуюсь, и это облегчает мне жизнь». Не видят пользы — в среднем 5%).

Таблица 2

Информированность жителей о наличии в их городе технологий «для комфортной жизни человека в городе» в 2021 г, % от выборки в каждом городе

	Тю- мень	Тобольск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
1	2	3	4	5	6	7
Мобильные городские приложения о парковке						
Знают, но не поль- зуются	30	5	14	7	12	8
Пользуются	18	2	13	6	12	8
Не знают или счи- тают, что в их го- роде этого нет	52	93	73	86	77	84
Электронный проездной билет						
Знают, но не поль- зуются	28	44	24	12	14	23
Пользуются	37	30	29	7	25	17
Не знают или счи- тают, что в их го- роде этого нет	35	25	48	81	61	60
Мобильные приложения о движении общественного транспорта						
Знают, но не поль- зуются	30	12	21	19	26	28
Пользуются	54	12	60	13	33	33
Не знают или счи- тают, что в их го- роде этого нет	16	76	18	68	41	39

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Электронный дневник						
Знают, но не пользуются	34	30	30	28	26	23
Пользуются	29	43	32	37	33	36
Не знают или считают, что в их городе этого нет	38	28	38	34	41	41
Электронная запись в образовательные учреждения						
Знают, но не пользуются	35	26	26	30	23	30
Пользуются	39	44	42	48	46	44
Не знают или считают, что в их городе этого нет	26	30	32	21	30	25
Городские сайты и мобильные приложения для записи к врачу						
Знают, но не пользуются	24	14	15	13	18	15
Пользуются	64	66	64	71	65	66
не знают или считают, что в их городе этого нет	12	20	21	15	17	19
Городской бесплатный Wi-Fi						
Знают, но не пользуются	37	9	15	11	10	10
Пользуются	32	5	19	11	20	16
Не знают или считают, что в их городе этого нет	30	86	66	77	70	74
Беспроводной доступ в общественном транспорте						
Знают, но не пользуются	17	4	14	4	7	4
Пользуются	17	3	16	7	13	9

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Не знают или считают, что в их городе этого нет	66	94	70	90	79	86
Электронные государственные услуги						
Знают, но не пользуются	16	7	13	10	10	14
Пользуются	72	83	68	79	75	74
Не знают или считают, что в их городе этого нет	12	9	20	11	15	12
Возможность безналичного расчета в городском транспорте						
Знают, но не пользуются	19	23	13	14	15	17
Пользуются	72	63	66	46	63	45
Не знают или считают, что в их городе этого нет	9	14	22	41	23	38
Городские интернет-магазины и пункты их доставки						
Знают, но не пользуются	21	18	14	16	14	17
Пользуются	64	46	59	57	68	53
Не знают или считают, что в их городе этого нет	14	36	27	26	18	28
Единая платформа для оплаты государственных и муниципальных услуг						
Знают, но не пользуются	15	8	11	9	7	10
Пользуются	59	35	54	56	63	55
Не знают или считают, что в их городе этого нет	27	57	35	36	29	35

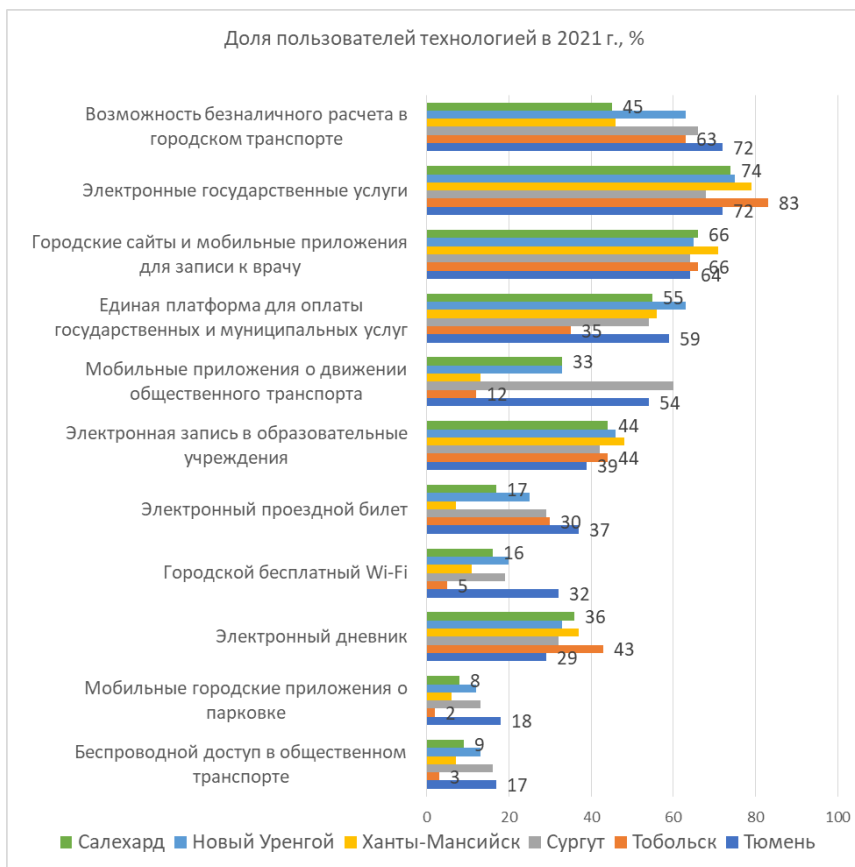

Рис. 2. Пользуются технологией, % от выборки в каждом городе

Использование умных технологий включения граждан в процессы управления городом оценивалось с помощью отношения к следующим технологиям — «Онлайн-платформы для проведения голосования жильцов дома», «Электронное правительство (подача жалоб, писем, обращений и т. д.)», «Платформы для проведения торгов или подбора поставщиков», «Официальные сайты и странички города в социальных сетях» (см. табл. 3, рис. 3).

В отношении официальных городских сайтов и страничек в социальных сетях население исследуемых городов демонстрирует относительно высокий уровень информированности. 70–85% знают о них, более 50% пользуются (табл. 3, рис. 3). Что можно интерпретировать как определенный интерес к вопросам управления городом, городским проблемам, благоустройству города. Однако уровень информированности о площадках, позволяющих включаться в решение локальных проблем, крайне низкий. Даже о наличии официальных городских сайтов не знает каждый пятый респондент (предсказуемо — это самые старшие возрастные группы и респонденты с низким уровнем образования). От 30% в г. Тюмени до 60% горожан в Тобольске не информированы о возможности написать обращение, подать жалобу через сервис «Электронное правительство». Что говорить о таких специфических возможностях участия, как «онлайн-платформы для проведения голосования жильцов дома» и «платформы для проведения торгов», где уровень неинформированности достигает 70–90%.

Таблица 3

Информированность жителей о наличии в их городе технологий «включения граждан в процессы управления городом» в 2021 г., % от выборки в каждом городе

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
1	2	3	4	5	6	7
Онлайн-платформы для проведения голосования жильцов дома						
Знают, но не пользуются	15	6	12	6	7	9
Пользуются	13	5	15	9	19	17
Не знают или считают, что в их городе этого нет	73	89	73	84	73	74
Официальные сайты и странички города в социальных сетях						
Знают, но не пользуются	31	18	23	24	19	25

1	2	3	4	5	6	7
Пользуются	50	67	48	57	58	56
Не знают или считают, что в их городе этого нет	19	15	29	18	23	19
Электронное правительство (подача жалоб, писем, обращений и т. д.)						
Знают, но не пользуются	37	19	26	29	23	33
Пользуются	33	20	29	37	37	37
Не знают или считают, что в их городе этого нет	30	61	45	34	39	30
Платформы для проведения торгов или подбора поставщиков						
Знают, но не пользуются	20	5	14	16	14	15
Пользуются	16	8	14	12	18	15
Не знают или считают, что в их городе этого нет	63	88	72	72	68	69

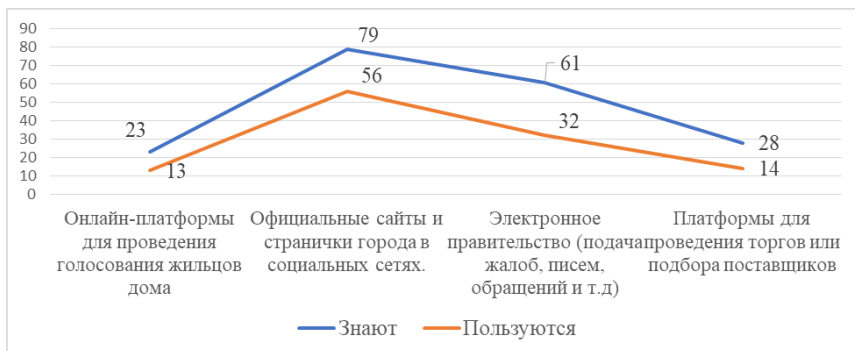

Рис. 3. Средняя доля информированных респондентов и респондентов, которые пользуются технологией, %

Неинформированность о технологиях гражданского участия в какой-то степени можно объяснить незаинтересованностью, отсутствием социального опыта, широкой распространенностью патерналистских настроений среди населения. То есть отсутствием готовности к осуществлению общественно значимой деятельности.

Самооценка участия в жизни города как индикатор социальной активности показывает, что на уровне городского сообщества граждане не ощущают себя субъектами городской политики, лишь незначительная доля респондентов (5–11%) считают, что в той или иной форме они участвуют в принятии решений, важных для города. На уровне организации или соседства уже 30–45% респондентов оценивает свою роль в принятии решений как активную. Большинство же респондентов не участвуют в жизни города, более того в среднем 10% не видят в этом необходимости (табл. 4).

Факторами, препятствующими включению горожан в процессы управления городским сообществом и решения локальных проблем жизнеобеспечения, помимо низкой мотивации («нет времени», «нет желания»), недоверия к власти («никто не заинтересован в моем участии»), нежелания брать на себя ответственность (отсутствие «опыта», «общественных организаций, занимающихся проблемами города»), являются факторы «технологического» и информационного характера. Так, среди причины «неучастия» каждый пятый называет «Отсутствие информации о способах участия», 16% — «Отсутствие каналов взаимодействия с органами городского управления», каждый десятый — «Отсутствие информационных платформ взаимодействия власти и населения» — см. рис. 5. Поэтому логично предположить, что развитие технологий включения граждан в управление городом может стать тем рычагом, который будет способствовать развитию конструктивной социальной активности горожан.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«Как бы Вы охарактеризовали свое участие в жизни города?»,
% от выборки в каждом городе**

	Тю- мень	Тобольск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
Я участвую в управлении городом	3	0	2	3	2	2
Я участвую в принятии решений, важных для города	6	5	5	6	7	9
Я участвую в принятии решений по месту жительства, работы/учебы	30	45	30	45	35	44
Я не участвую в жизни города	48	41	51	37	41	34
Я не участвую в жизни города и не вижу в этом необходимости	12	8	12	7	13	8
Другое	1	1	0	2	2	2
	100	100	100	100	100	100

Результаты нашего исследования показывают, что жители городов, пользующихся рассмотренными технологиями вовлечения граждан в процессы управления городом, чаще принимают участие в решении проблем как на уровне города, так и по месту жительства или работы (табл. 5). В частности, среди респондентов, пользующихся сервисом Электронное правительство, доля участвующих в той или иной форме в городской жизни составила 61%, среди пользующихся онлайн-платформами для голосо-

ния жильцов дома — 63%, среди пользующихся платформами для проведения торгов — 60%, среди пользующихся официальным сайтом и страничками города в социальных сетях — 57% (в среднем по выборке доля участвующих в городской жизни на уровне города и работы / места жительства — 45%).

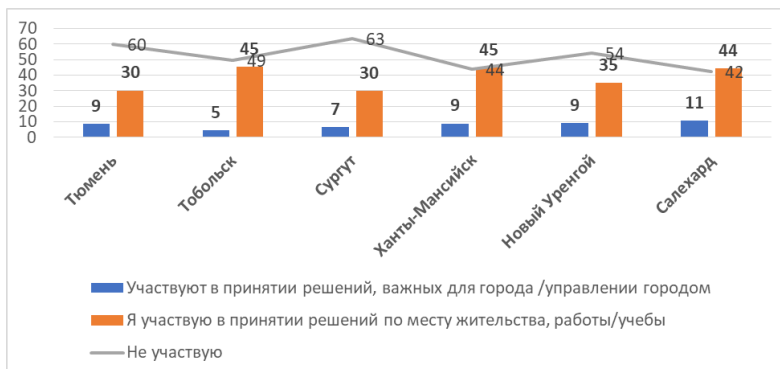

Рис. 4. Самооценка участия в жизни города, %

Рис. 5. Причины, которые не позволяют респонденту принять активное участие в решении проблем города, % в целом от выборки.

*Можно было выбрать несколько вариантов ответа

Таблица 5

**Использование умных технологий в зависимости от уровня
участия в жизни города,
% по строке**

Используют технологии		Участие в жизни города			
		Участвуют в принятии важных для города решений	Участвуют в принятии решений по месту жительства/ работы	Не уча- ству- ют	
1	2	3	4	5	6
Электронное правительство (подача жалоб, писем, обращений и т. д.)	Не информированы о технологии	5	31	64	100
	Знают о технологии, но не пользуются	7	40	54	100
	Пользуются	13	48	39	100
Онлайн-платформы для проведения голосования жильцов дома	Не информированы о технологии	6	38	56	100
	Знают о технологии, но не пользуются	11	38	52	100
	Пользуются	20	43	37	100
Платформы для проведения торгов или подбора поставщиков	Не информированы о технологии	6	37	57	100
	Знают о технологии, но не пользуются	12	43	46	100
	Пользуются	15	45	40	100

1	2	3	4	5	6
Официальные сайты и странички города в социальных сетях	Не информированы о технологиях	6	25	70	100
	Знают о технологиях, но не пользуются	7	30	63	100
	Пользуются	9	48	43	100

Фактор, значимо ухудшающий показатель «участие в жизни города», — это неинформированность о наличии и возможностях технологий «включения граждан в процессы управления городом». Среди тех, кто не знает, что такие технологии есть, наибольшая доля нигде «не участвующих» (57–70% против 53% в среднем по выборке).

В целом оценка населением результатов реализации проекта «Умный город» в своем городе также достаточно сдержана и значимо различается по городам (рис. 6). В поле положительных значений только средние оценки практики применения «умных» технологий в Тюмени (3,31) и Ханты-Мансийске (3,15) (рис. 6). Это соответствует позициям городов в официальном рейтинге уровня цифровизации городского хозяйства, который ежегодно публикуется Минстроем России. Так, в 2022 г. Тюмень стала лидером среди крупных городов, набрав по 47 показателям 100,75 баллов, Ханты-Мансийск — первое место среди больших городов (91,61 балла). Для сравнения: Москва (лидер по количеству набранных баллов) — 117,16 балла. Сургут — 86,25 балла¹.

Тем не менее современный город видится респондентам как город, в управлении которого эффективно применяются цифровые («умные») технологии. Так, отвечая на вопрос какими харак-

¹ Минстрой России опубликовал индекс IQ городов // Официальный сайт Министерства строительства РФ. 20.07.2022. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-opublikoval-indeks-iq-gorodov/>

теристиками обязательно должен обладать «идеальный город», эту характеристику респонденты оценили не менее чем на 4 балла из 5. Разрыв в представлении об идеальном городе и восприятии практики применения умных технологий в месте своего проживания существенен во всех городах. Наибольших значений он достигает в Тобольске, городе, жители которого дали самую низкую оценку применения умных технологий (рис. 7).

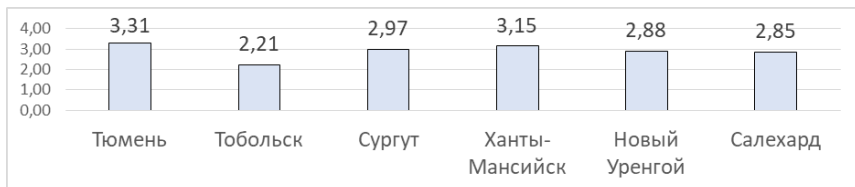

Рис. 6. Оценка практики применения цифровых («умных») технологий в своем городе, средние оценки по 5-балльной шкале, где «1» означало «Это совершенно не характерно для моего города», «5» — «Это характерно для города в полной мере»

Рис. 7. Представления респондентов об «идеальном городе» и оценка практики применения цифровых («умных») технологий в своем городе, средние оценки по 5-балльной шкале

Респондентам также было предложено оценить по 5-балльной шкале эффект от использования технологий умного города лично для них (1 — совершенно отрицательная оценка, а 5 — совершенно положительная). Преобладающими оказались средние оценки (37% опрошенных оценили эффект в 3 балла), а доля отрицательных оценок (1+2 балла) оказалась значительно ниже доли положительных (13% против 48%). Лишь 2% опрошенных затруднились дать оценки. В результате средняя оценка эффекта от использования технологий умного города составила 3,5 балла, что говорит о достаточно высокой адаптивности городских жителей Тюменской области к изменениям в цифровом обществе и умном городе.

Какие умные технологии, по мнению респондентов, позволят улучшить жизнь в их городе? Полученный рейтинг полезности умных технологий представлен на рис. 9. В тройке лидеров технологии, связанные с улучшением социального обслуживания населения (отметили 56% опрошенных); технологии, связанные с обеспечением безопасности граждан — видеофиксация, картографирование преступности в городе, отслеживание по биометрическим данным (46%); технологии, связанные с улучшением экологической ситуации в городе, и технологии, связанные с повышением эффективности использования городской инфраструктуры и ресурсов (по 41%). Технологии включения граждан в управление городом вызвали наименьший интерес как по всей выборке, так даже среди групп респондентов, участвующих в решении городских проблем. Тем самым улучшение городской жизни через умные технологии граждане более всего связывают с их воздействием на повседневную социальную жизнь и безопасность, а в наименьшей — с их способностью повысить социальную активность самих горожан. Тем не менее каждый пятый житель города заинтересован во внедрении умных технологий, которые позволят ему быть более социально активным, участвовать в процессах управления городской жизнью (рис. 9). Более того, чем выше уровень участия в жизни города, тем чаще технологии включения граждан в управление городом оцениваются как «полезные», способные изменить жизнь в городе (рис. 10).

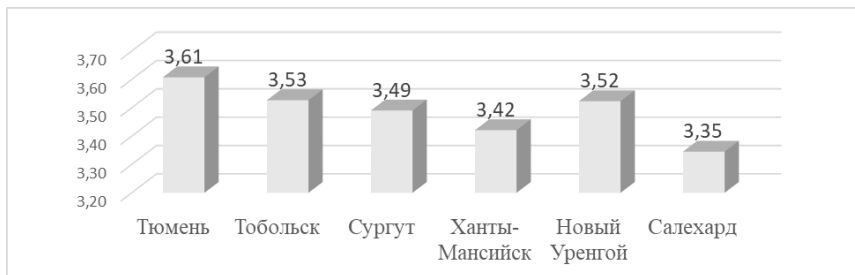

Рис. 8. «Как бы Вы оценили эффект от использования технологий “умного города” лично на Вас», средние оценки

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Какие из нижеперечисленных технологий, по Вашему мнению, позволят улучшить жизнь в городе?», %.
*Можно было выбрать несколько вариантов ответа

Рис. 10. Доля респондентов, считающих, что технологии включения граждан в процессы управления городом позволят улучшить жизнь в городе, в зависимости от активности участия в жизни города, %

Недоверие и страхи в отношении умных городских технологий связаны с усилением рисков мошенничества и манипуляций (отметили 48% опрошенных), усилением цифрового разрыва между поколениями (36%) и контроля над гражданами (37%), потерей приватности (36%). Кроме того, горожане опасаются, что цифровые технологии могут усилить разобщенность между людьми (21%), увеличить неравенство (17%). Волнует горожан и воздействие цифровых технологий на потерю городом культурного наследия и идентичности города, а также связанные с освоением умных технологий потери ресурсов: экономических и временных (см. рис. 11).

Оценка статуса своего города, рейтинг характеристик, которые дают городу его жители, также характеризует их позицию в отношении умного города. В табл. 6 и табл. 3 приложения к параграфу представлены оценки респондентов роли города в регионе и стране. Для выбора респондентам было предложено 14 характеристик, можно было выбрать любое количество вариантов или написать свой. Среди высказываний были как позитивные, так и с негативным оттенком. В каждом городе рейтинг характеристик имеет уникальную конфигурацию. Кроме

Тобольска, все города исследования воспринимаются горожанами как «Стратегически важный» (самый популярный ответ), «Культурный и исторический центр» (3 позиция в рейтинге — в Тюмени (30%) и Салехарда (32%), 1 — в Ханты-Мансийске (41%)), «Экономический центр» (3 позиция в рейтинге Сургута). Тобольск — прежде всего и исключительно как культурный, исторический, туристический центр. Кроме того, 24% тобольчан оценивают свой город как «провинцию во всех отношениях». Для сравнения: этот вариант в Тюмени выбрали 8% респондентов, в Сургуте — 7%, в Новом Уренгое — 10%.

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос «Какие отрицательные эффекты от внедрения технологий “умного города” Вы видите для себя лично и для Вашего города?», %.

*Можно было выбрать несколько вариантов ответа

Таблица 6

**Рейтинг наиболее популярных высказываний
о роли своего города в развитии региона и страны в целом,
% от выборки в каждом городе**

Как бы охарактеризовали роль Вашего города в развитии региона, страны в целом. Мой город	Всего от выборки в каждом городе, %
<i>1</i>	<i>2</i>
Тюмень	
Стратегически важный	39
Образовательный центр	32
Культурный, исторический центр	30
8. Умный город	16
Тобольск	
Культурный, исторический центр	67
Туристический центр	53
Провинция во всех отношениях	24
14. Умный город	2
Ханты-Мансийск	
Культурный, исторический центр	41
Стратегически важный	34
Туристический центр	26
10. Умный город	11
Сургут	
Стратегически важный	37
Экономический центр	30
Центр притяжения для мигрантов низкого про- фессионального уровня	22
10. Умный город	15
Салехард	
Перевалочная база для освоения Севера	36
Стратегически важный	32
Культурный, исторический центр	32
13. Умный город	7

1	2
Новый Уренгой	
Стратегически важный	49
Перевалочная база для освоения Севера	34
Экспортер ресурсов, в том числе трудовых	22
11. Умный город	9

Характеристика «Умный город» в Тюмени оказалась в середине рейтинга высказываний (№8), в других городах — ближе к «хвосту». (№10 — в Ханты-Мансийские и Сургуте, №11 — в Новом Уренгое, и №14 — в Тобольске).

По результатам исследования можно сделать вывод о присутствии технологий умного города в повседневных практиках горожан. Жители активно используют отдельные технологии («электронные государственные услуги», «цифровизация общественного транспорта», «цифровизация медицинских и образовательных услуг»), другие («инструменты гражданской активности») менее интегрированы в их повседневность, о третьих («технологии управления городскими ресурсами», «технологии для обеспечения безопасности») жители мало информированы.

На сегодня фиксируется незначительная доля горожан, заинтересованных и, главное, реально участвующих в городской жизни, в процессе включения в управление развитием города. Именно активная часть городского сообщества является осознанным потребителем технологий умного города. Для таких горожан технологии умного города являются современными инструментами их вовлечения в практику городского управления. Вовлеченность, гражданское участие в купе с высокой адаптивностью к современным технологиям свидетельствует о связке между социальной активностью горожан и социальным пространством города. Активной части горожан технологии умного города позволяют включаться в конструирование социального пространства города на институциональном уровне, на уровне

системы управления городом. Данный факт еще раз подтверждает мысль о значимости деятельностного отношения горожан к своему городу.

Результаты эмпирического исследования показали важность условий для включения населения в активную социальную жизнь города. К таковым условиям отнесены элементарные формы информированности населения о технологических ресурсах умных технологий. Эти формы должны включать знания не только о возможностях решения различных проблем жизнедеятельности, повышения качества жизни горожан, но и информацию о их применении в практике социальной активности.

Исследование подтвердило наше предположение о том, что неактивная часть горожан индифферентно относится к использованию технологий умного города для усиления своего участия и вовлеченности в управление развитием города. В большинстве своем данная категория граждан использует технологии умного города для решения вопросов личного потребления, повышения своего качества жизни, никак не связывая потенциал применения умных технологий для решения вопросов развития города, городского сообщества. Можно высказать предположения, что подобная ситуация косвенно свидетельствует о степени индивидуализации, отстраненности от процессов, которые заполняют ткань социального пространства города.

Перспектива повышения социальной активности с применением умных технологий видится не только в информировании граждан, но и создании условий, в том числе и органами власти, бизнеса, образования, когда для горожанина участие в управлении развитием города будет естественным и необходимым аспектом его повседневности.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ В СИСТЕМЕ КОНЦЕПЦИИ «УМНЫЙ ГОРОД» И МОДЕЛИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

§ 1. Социальное пространство как сложная социальная система города

По выражению Э. Дюркгема, понятие «пространство» в науке является категорией «*par excellence*» [21, с. 726], оно является базовой категорией социологии. Физическое пространство города первично, оно определяет границы жизни, воспроизводства горожанина, функционирования различных сред и сфер городского общества. Физическое пространство города объективировано целым рядом характеристик и свойств: от чувствования до тактильного ощущения, визуализации его форм, объемов, структур, отдельных элементов как материально-вещественного характера, так и символического. В маркировке физического пространства города особая роль отводится его морфологии. Для замера характеристик и свойств морфологии города анализируют особенности его ландшафта, материально-вещественных объектов (в том числе объем и качество объектов разного рода инфраструктуры, архитектурного наполнения) [49, с. 341]. В ряду перечисленных маркеров особое значение отводится отношениям, которые складываются между субъектами города [63].

Понятия физического и социального пространства неразрывны, «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства» [9, с. 41]. Одновременно пространство есть объектив, взгляд через который мож-

но предложить новые идеи [57, с. 472]. Семидесятые годы двадцатого столетия вошли в историю социальных наук вместе с именами Анри Лефевра, Дэвида Харви как «пространственный поворот». По мнению исследователей «физические места городских пространств сохраняют свою актуальность в обществе, потому что люди все еще заботятся о встрече лицом к лицу и тяготеют к местам, которые предлагают определенные культурные, городские, живописные или климатические пространства, которые невозможно испытать на конце провода и через экран компьютера» [54, с. 137]. Именно города являются генераторами социального пространства как социального продукта [6, с. 101].

Тем не менее стоит указать, что не все исследователи признают за пространством роль влияния, формообразования, содержательного наполнения и т. д. Верлен Б. утверждает, что «пространство не может “быть причиной” и не может определять что-либо» [10, с. 32], полагая, что понятие «пространства ... не эмпирическое, но формальное и классификаторское понятие. Это система координат для физических составляющих действия и обозначение для проблем и возможностей, относящихся к исполнению действия в физическом мире» [10, с. 34].

Для настоящей дискуссии важен тот факт, что пространство естественным образом является той платформой (в рамках акторно-сетевой теории — сетью, потоком), которая обеспечивает эффект взаимодействия и взаимовлияния как материально-вещественных параметров развития общества, так и социальных с определением локализации объектов, субъектов, их связей и отношений. Опираясь на системный подход, логически приходим к суждению о том, что пространство есть система, обладающая всеми признаками и свойствами сложности и динамичности. Социальность пространства, как сложной системы, выражена в отношениях и связях между составляющими ее подсистемами и элементами в рамках пространства и во взаимо-

действию с системами иного уровня и порядка. Структура, связи и отношения обеспечивают содержательное наполнение, определяют свойства и специфику понятия социальное пространство. Следуя идеям Э. Гидденса, принимается тезис о том, что структуру социального пространства составляют элементы, которые находятся между собой в отношениях действия и взаимодействия. Эти отношения определяют границы социального пространства, локальности.

В научной литературе находим разные подходы и основания для классификации понятия социального пространства города. Выделяется, прежде всего, классическое разделение на два блока идей: марксистский материалистический, опирающийся на тезис о том, что социальное пространство — это «социально освоенное природное пространство»; и субъективистский подход, где пространство — это чувственно воспринимаемое определение своего места. Однако такое разделение условно и скорее не продуктивно. Город настолько феноменальное и многогранное явление, постоянно изменяющийся продукт общества, формирующийся на протяжении всей своей истории, что выделение одной парадигмы не в состоянии охватить этот масштаб своеобразия и многоликости. Материалистический подход основан на том, что пространство и время есть форма существования материи. Время характеризует динамизм и длительность существования материи, пространство характеризует метрико-морфологические свойства объекта. Метрические характеристики — это протяженность, величина, объем, пропорции; морфологические (структурные) — расположение, плотность, соподчиненность. Отсюда делается вывод, что социальное пространство — это метрико-морфологическая характеристика социальных явлений, что позволяет не отождествлять понятия социум и общество с понятием социального пространства [22].

Можно предположить, что идея Э. Дюркгейма о сущности социального пространства занимает промежуточное положение

ние между материалистическим и субъективистским подходом. К такому выводу приходим вследствие его тезиса о том, что «социальная жизнь состоит одновременно из представлений и практик, эта безличность естественным образом распространяется и на идеи, и на действия» [21, с. 734]. В рамках социологии познания Э. Дюркгейм подчеркивает своеобразие пространства, его отличие от «конкретных протяженностей, воспринимаемых нашими чувствами, убедительно доказывается тем фактом, что подобное размещение вещей является воображаемым и никоим образом не похоже на то, каким оно могло быть, если бы мы руководствовались чувственным опытом» [21, с. 727]. Э. Дюркгейм акцентирует внимание на том, что коллективное представление о причинно-следственных связях лежит в основе категорий социального времени, социального пространства, и на упорядочивание объектов в пространстве — «нужно, чтобы пространство вообще было разделено, различено, чтобы в нем были заданы разные направления и чтобы об этом разделении и этих направлениях знали все» [21, с. 730].

В шестой лекции о философии Э. Канта представлены идеи Г. Зиммеля о пространстве. Для Г. Зиммеля социально-пространственное проявление возникает только тогда, когда формируется восприятие. Он утверждает, что вне человеческих ощущений пространство не имеет значимой реальности; однако это не означает, что оно является только субъективным, относительным или идеалистическим, скорее, утверждает он, что человеческие ощущения формируют мир так, как он переживается [43; 57]. В работе «Эссе о чужаке» Г. Зиммель пишет, что «отношение к пространству лишь с одной стороны является условием, а с другой — символом отношений к людям» [26, с. 173], указывая на неразрывность пространства и человека. Пространство выступает посредником в отношениях между людьми, характеризуя и репрезентируя многообразие этих отношений.

В рамках субъективистского подхода, пространство — это прежде всего абстрактная категория, это чувственно воспринимаемое определение своего места, субъектного освоения и присвоения территории. В продолжение данного подхода, вводя в показатели пространства отношения и связи, авторы предлагают рассматривать понятия места и пространства как взаимозаменяемые [23, с. 48].

В рамках «пространственного поворота» А. Лефевр предлагает критический взгляд на то, как пространство создается и доминирует посредством пространственных практик. Практики есть важнейший элемент пространства, создаваемый в ходе бесчисленных городских взаимодействий и отношений. Связность пространства и горожан имеет объективированные основания в виде практик. Практики — это видимое проявление взаимовлияния горожан и пространства. При этом Веселкова Н. В. обращает внимание на тот факт, что ещё Ф. Знанецкий указывал на влияние горожан на формирование сложной социальной структуры города, тем самым устанавливая тесную связь между ними [12, с. 52]. Для А. Лефевра «пространство (социальное) есть продукт (социальный)... пространство, как продукт, служит инструментом как мысли, так и действия, что оно, будучи средством производства, является одновременно средством контроля, а значит господства и власти, но при этом, как таковое, в определенной мере ускользает от тех, кто его использует» [31, с. 27]. Именно А. Лефевр указал на дуальность социального пространства, характеризуя его как абстрактное и реальное, конкретное и общее и т. д. Важно, что оно содержит социальные отношения [31], которые репрезентируются социальными практиками. Трубина Е. подчеркивает приверженность А. Лефевра к идеи исследования повседневности города, где кроются скрытые элементы реальной жизни «здесь и сейчас», где социальные практики создают повседневность [41]. Ту самую повседневность, что наполняет жизнь в городе смыслами. Идеи А. Лефевра о пространстве де-

монстрируют новый синтетический взгляд к его определению, сочетая идеи материалистического и субъективистского подхода. Более жесткую позицию занимает А. Рааси, доказывая, что пространство — это не нейтральная, натурализованная данность, а материально реальные рамки социального действия и продукты социальной активности и борьбы [61]. Данный автор вводит в структуру социального пространства не просто практики, а социальную активность субъектов, тем самым актуализируя их роль и значение.

Мишель де Серто развивает субъективистский подход применительно к пониманию социального пространства как условию существования города, городского общества. В отличие от классического субъективистского подхода для М. де Серто город не место, а имя [38, с. 32]. Он критикует жесткость структурно-функционального подхода, который не позволяет увидеть ни пространство, ни человека в нем, лишь доминирование функциональных характеристик. По мнению М. де Серто, пространство становится «слепым пятном» технологий науки и политики, тем самым оторванным от человека, от его личностного видения и способа принятия города. Одновременно указывает на то, что социальное пространство — это субъект города, активный элемент городской жизни, «это территория превращений и присвоений, объект всевозможных вмешательств, но вместе с тем субъект, обретающий всё новые свойства; равно реквизит и герой этой пьесы современности (*modernité*)» [38, с. 27]. Героем современной пьесы пространство делает его субъектность. Субъектность пространства — это способность влияния и формирования, способность вызывать рефлексии, отношение к себе через проявление чувств и действия. Другие субъекты города, имея свои цели, характеристики, содержание, вписаны, встроены в пространство и тем самым включены в отношения с пространством и между собой. Эти отношения и связи постоянно усложняются, усиливая комплексность и противоречивость города.

Дискуссионным остается вопрос о значении исследований в рамках теории места, насколько важны для людей места в их жизни. Гидденс Э. отрывает пространство от места, тем самым определяя характеристики современного города. Этот отрыв, по его мнению, создает условия для «развития отношений, между “отсутствующими другими”» [14, с. 132]. В рамках теории повседневности место имеет не просто значение, оно характеризует дух города, его содержание и наполнение [40; 41]. Классическое определение места, данное И-Фу Туаном, как понимание мира человека путем изучения отношений человека и природы, географического поведения людей и их чувств и идей в отношении пространства и места [27] не утратило своей актуальности. Исследователи обращают внимание на важное различие между абстрактным пространством и осмысленным местом [59].

Место предстает через дух места, чувство места и личность (personality) места [32, с. 68]. В условиях глобализации, динамично меняющегося мира, в том числе повседневности, на первый взгляд, должны разрушиться места, чувство пиетета и привязанности к месту, при растущем числе не-мест. Тем не менее место, расстояние и территориальные границы не перестают быть важными в настоящее время глобализации [61]. Исследователи, проведя анализ публикаций по теме, утвердительно доказывают возрастающее значение места как для общества, так и у исследователей города [59].

Принимая тезис о том, что «пространство и место определяются через разворачивающиеся отношения, как результат субъектного освоения и присвоения территории» [23, с. 48], тем не менее мы их не рассматриваем как взаимозаменяемые. Эти понятия, скорее всего, представляют собой соотношение общего к частному. Места, имея четко выраженную субъективную, личностно-психологическую и чувственную окраску, обладают множественной конфигурацией в рамках сложного, объемного и общего пространства для городского сообщества в целом. Места, с одной стороны, индивидуализированы, приватны, лич-

носно приватизированы, с другой — обладают коллективной памятью или воображаемым значением. Место уникально. Фанг Ху вслед за Бурдые П. отмечает, что этот уникальный характер представляет собой «тип объективированного культурного и символического капитала, *признанного коренными жителями* [курсив наш — Костко Н. А.], отличительный характер города питает постоянный диалог и переговоры между старым и новым; и в этом процессе производится и воспроизводится подлинность места» [68, с. 333]. Пространство состоит из мест/немест, характеризующих чувственно-символическое, принимаемое, осваемое и деятельностное отношение горожанина к городу. Установление связи между местом и человеком принимается в качестве одного из маркеров связности горожанина с городом, с идентичностью города. Можно предположить, что чем больше общих мест совпадения у горожан, тем больше степень связности социального пространства города.

Теория мест соотносится с теорией права на город, согласно которой право на город — это не только право на жилье, но и право на воспринимаемую городскую жизнь, связанную с различными масштабами городского пространства [68]. Неизменными остаются принципы права на город Д. Харви о том, что:

— «право на различие — это одно из наиболее ценных прав городских жителей. Но различие также может вести к нетерпимости и расколу, маргинализации и исключению, выливаясь иногда в насильственные столкновения»;

— «право на изменение города — это не абстрактное право, а право, которое укоренено в повседневных практиках, независимо от того, знаем мы о его наличии или нет»;

— «право на город не может быть индивидуальным правом. Его необходимо понимать как коллективное право, и его осуществление решающим образом зависит от формы коллективной политики»;

— «право на город — это не дар. Его должно завоевать себе политическое движение» [44].

Нельзя не упомянуть дискуссию, развернутую между исследователями по поводу соотносительности между близкими, но не тождественными понятиями. Например, исследователи не отождествляют понятия социальное и жизненное пространства, последнее определяется как категория оценки пригодности пространства для жизни человека, как пространство отношений между людьми и отношение людей к пространству [60, с. 425]. Действительно, можно согласиться с тем, что жизненное пространство — это оценочная характеристика, которая формируется на основе личностных представлений о потребностях, способах и качестве их удовлетворения, восприятию и субъективном чувствовании пространства. И тогда город предстает как «особым образом организованное, обитаемое жизненное пространство-время» [19, с. 96]. Жизненное пространство более индивидуализировано и входит в структуру социального пространства. Скорее, можно отождествить жизненное пространство с обжитой средой, которая является ресурсом жизни [50, с. 39].

К типам социального пространства города, характеризующим его сложность, отнесены: рефлексивное, проживаемое, символическое пространство и чувствование города. Выделение рефлексивного пространства соотносится с теорией идентичности места М. Оже и определяется как «часть того, как люди организуют свою жизнь, придают ей значение и создают чувство идентичности с тем, чем они хотят себя видеть» [33, с. 175]. Проживаемое пространство — это сложная система пространственных и территориальных кодов, с помощью которых производятся и конструируются территориальные и прежде всего городские привязанности. Это не просто уровень восприятия или разумного объяснения (восприятия), но уровень практического (включенного) использования (потребления) пространства [11, с. 12]. Чувствование города, т. е. его понимание и принятие как своего. «Признаком, маркирующим “профессионального горожанина” (потенциального активиста движения за-

щитников наследия), можно считать многообразие его практик взаимодействия с урбанистической средой» [16, с. 34; 37].

«Социальное пространство города рассматривается как символическое наполнение и определение его социально значимых свойств» [34, с. 183].

Символическое пространство принимается как с позиции горожанина — субъекта, способного не только считать символы города, но и производить их, конструировать, где «главным для субъекта оказывается то значение, которое придается соответствующим предметам, действиям, отношениям. Социальное пространство, в котором индивиды взаимодействуют, на основе создаваемых и воспринимаемых ими символических значений» [47, с. 122]. Символическое пространство значимо и с точки зрения управления: как объект социального конструирования, символической политики города [49, с. 34].

Исследователи выделяют культурно-символическое пространство, нарративное пространство. Культурно-символическое пространство в качестве пространства взаимодействия между субъектами, между пространствами (физическими, социальными связями, сетями) по созданию символических кодов и смыслов. «Культурно-символическое пространства формируется через напряженное и динамичное взаимодействие разнообразных этнических, расовых, религиозных, социальных, экономических, возрастных, поколенческих, гендерных, территориальных, профессиональных и подобных групп и общностей» [37]. Нарративное пространство означает, что «каждый горожанин по-своему “читает” элементы общей городской среды в силу уникальности конкретных единичных воспоминаний о нем и собственного привычного стиля отношений к нему» [46, с. 255; 35, с. 18]. А. Турен утверждает, что «мы переходим от индустриальных обществ к обществам общения, мы вступаем в тип общества, структурированного вокруг общения, в отличие от производства, и который представляет собой более продвинутую стадию современной социальной эволюции» [67]. Экс-

перты выделяют «коммуникативное и социальное пространство как взаимоопределяющие друг друга» [2, с. 154]. Т. М. Дридзе не выделяет коммуникативное пространство, полагая, что коммуникативность — это лишь свойство пространства. Причем «специфическая особенность городского пространства — его коммуникативность — все более разрушается» [19, с. 97].

Архитекторы видят городское пространство через совокупность «культурных ландшафтов», которые являются источником закодированной информации о жизнедеятельности города. Более того, здания являются ключевыми «словами» при «прочтении» ландшафта, поскольку в них формируется и в них сосредоточена экономическая, социальная и культурная активность» [15, с. 341]. Выделение данных пространств можно отнести к опыту осмысления пространства в традиции П. Бурдье, который фокусировал внимание на производстве смыслов и осуществлении символической деятельности.

Кроме того, находим высказывания о формировании в городах креативных пространств как элемента, показателя современности, развитости города. Растет число городов, которые обзаваются стандартами демонстрации современности в соответствии с негласными требованиями наличия особых элементов городской среды (от бизнес-центров креативных архитектурных форм до набора привычек и стиля поведения в новых условиях городского пространства). А. Дж. Скотт [64] говорит о символическом значении и проявлении современных форм городской среды, которые отражают не просто дух глобализации, но саму сущность современности, и тех субъектов (международные корпорации), которые их формируют и выступают законодателями городского образа и стиля жизни. Город, его сверхновая архитектура выступает символическим отражением современности, последняя считывается как мощь, успешность, богатство [64, с. 18]. Можно согласиться с мнением отечественных исследователей о том, что отдельные элементы креативного пространства современного города в каждой отдель-

ной стране воспринимаются как единое пространство глобализации «искусственно выделенного мира» [1, с. 34].

Среди современных исследователей выделяется классификация четырех видов пространства, которая приближает нас к определению понятия с учетом повсеместной цифровизации общественной жизни. Материальные проявления повседневной жизни — это первое пространство. Символическим, идеологическим и эпистемологическим представлением первого пространства является второе пространство. Субъективное географическое воображение и постмодернистская интерпретация представлений о пространстве составляют третье пространство. Четвертое пространство строится на чувстве открытости, переосмысливая его как пересечение цифрового, реального и воображаемого миров. Четвертое пространство включает в себя цифровое пространство, данные и власть, совместное управление. Оно представляет гражданские горизонты, определяет роли горожан как активных участников городской жизни [55]. Все четыре пространства, по сути, характеризуют социальное пространство в целом.

В ряду характеристик социального пространства выделяют различные принципы его построения. П. Бурдье указывает на значение капитала (экономического, социального, культурного, символического) и власти на структуру пространства и господство над пространством как один из самых мощных способов властного доминирования [7]. При этом, по мнению А. Пааси, нельзя не учитывать тот факт, что социальное пространство как продукт и составляющее социального действия всегда отражает ассиметричные властные отношения. Ассиметричность рассматривается как следствие разности активности городских акторов, в том смысле что некоторые из них более активно участвуют в производстве пространства/масштаба, в то время как большинство людей «потребляют» и воспроизводят их. Политики, бизнесмены, акторы, работающие в сфере управления и СМИ, учителя и исследователи обычно занимают решающую

позицию в определении, придании формы и смысла пространству [61, с. 13]. Другие, в традиции Э. Дюркгейма, полагают, что социальное пространство характеризует такие явления общественной жизни, как социальная стратификация, социальная дистанция, неравенство и маргинальность [22].

Два теоретика, А. Лефевр и М. де Серто, два научных подхода (материалистический и субъективистский), их объединяет обозначение социального пространства как субъекта, действующего, влияющего на все процессы и явления города. Кроме того, исследователи обосновывают роль пространственных практик как способа репрезентации пространства, «ведь пространственные практики исподволь формируют определяющие условия социальной жизни» [38, с. 28]. Исследование социальной активности субъектов, выраженной через различные социальные практики, очерчивает структурные элементы социального пространства. Концепция П. Бурдьё [8] о социальном капитале и социальных диспозициях (габитус) расширяет научное представление о пространственных практиках. Согласно его традиции, городские практики являются действенным, видимым параметром социального капитала городского сообщества, который предстает в виде взаимодействия горожан в различных социальных группах [9].

Характеристика Г. Зиммеля о внутренних отношениях жителей больших городов друг к другу как формально замкнутых и обособленных [25, с. 6] наталкивает на вполне закономерные сомнения о наличии городских сообществ. Тем не менее городские сообщества являются важнейшим элементом социального пространства города. Глазычев В. Л. доказывает, что основными признаками города являются пространство и сообщество [17]. В данной работе не дается развернутое определение понятия городского сообщества, сошлемся для этого на работы коллег [3; 45]. Тем не менее исходным тезисом принято положение о том, что сообщество рассматривается не через призму мозаики различных мирков, из которых состоит город, и что прини-

мается за набор, калейдоскоп различных сообществ, где высока степень идентификации членов входящих в какие-либо сообщества. Нет, речь идет о городском сообществе в целом, с поиском тех черт, характеристик и свойств, факторов влияния, управленческих механизмов, позволяющих искать оптимум, компромисс в разновекторности интересов тех или иных сообществ, преодоления их атомизации и конфликтности. Есть различие между понятиями «городское сообщество» и «территориальная общность». Главным объединительным элементом территориальной общности выступает территория, пространство, ограниченное определенными рамками, сформированными под воздействием целого комплекса факторов и свойств. Территориальная общность — это пересечение, наложение социального пространства и территории, что проявляется через связи и отношения в рамках определенных территориальных границ. Построение общности идет через идентификацию человека себя как горожанина и является объединительной характеристикой, которая есть продукт жизнедеятельности города и населения на протяжении всего пути их совместного развития. Можно согласиться с мнением Мокроусовой А. К. о том, что «пространство — часть того, как люди организуют свою жизнь, придают ей значение и создают чувство идентичности с тем, чем они хотят себя видеть» [33, с. 175]. Самоидентификация человека как горожанина есть логическое движение к формированию городской общности.

Дополнительным параметром, характеризующим социальное пространство современного города, являются мобильности людей. На данный аспект указывает целый ряд исследователей [12; 42; 65]. Мобильность человека, а с ней и динамичная смена социального состава населения, окрашивают пространство новыми красками человеческого опыта, оценок, восприятия и чувствования. С другой стороны, усиливаются характеристики города как транзитивного, неустойчивого и пористого, в определении Э. Амина и Н. Трифта [4].

Контекст социального пространства города (далее будем говорить контекст города) — это сложная социальная система. Структура контекста города может быть представлена в виде взаимовлияния жесткой и мягкой подсистем в системе координат: пространства, времени, отношений и памяти. К жесткой подсистеме отнесены пространство и время, которые репрезентируются понятиями места, идентификации, морфологии города (как ландшафт и материально-вещественные элементы города), генезиса города. К мягкой подсистеме — отношения, которые выстраиваются в рамках определенных пространственно-временных и исторических условий, пронизывая всё пространство города, формируя восприятие города, его образ и морфологию (третий компонент морфологии города как отношения [63]) у горожан, а также символы, мифы, память, нормы и ценности. Каждый элемент жесткой подсистемы может быть объектом управления. Что не исключает такого же подхода к отдельным мягким элементам, например управленческое конструирование нового образа города, его символов. К мягким элементам подсистемы применяется субъектный управленческий подход с учетом особенностей социальной структуры, активности, норм, ценностей, городской идентичности горожан. Для целей управления учет контекста города может включать как все его подсистемы, так и отдельные элементы. Переход к новой управленческой модели развития города, в данном случае к концепции «умный город», потребует детального знания о состоянии и особенностях контекста города, в том числе его идентичности и городской идентичности горожан.

Идентичность принимается в качестве базовой категории определения сущности пространства. Понятия идентичность города и городская идентичность горожан не отождествляются. Классификация научных подходов к пониманию идентичности дана в работе М. К. Горшкова [18]. Дробижева Л. М. представила убедительные параметры городской идентичности горожан [20]. В данной работе положения об идентичности из вышеиз-

ложенных исследований не подвергаются сомнению, а только дополняются со ссылкой на зарубежные источники.

Принимается тезис о том, что особым элементом пространства города является его идентичность, которая предстает не только индивидуальной или социальной категорией, но и, что особенно важно, пространственной, поскольку идеи территории, самости требуют символических, социокультурных и/или физических разделительных линий с другими [61, с. 10]. Данный тезис позволяет не отождествлять идентичность города с городской идентичностью горожан как коллективной категорией. Идентичность города может быть описана на основе системного подхода посредством следующих показателей: стратегическая направленность развития (целевые ориентиры программ и стратегий развития), культурная, функциональная, территориальная, символическая, институциональная системы и формы города [28; 58]. Отметим, что каждый из представленных параметров может быть управляем городскими властями, основными субъектами города, что обеспечивает основание для конструирования социального пространства. По мнению ряда авторов [52], идентичность города создается через взаимодействие трех блоков: создание общественной ценности, создание сообщества и управление, формированием видения, стратегии развития города.

В структуру социального пространства города включены прежде всего горожане с их свойствами и характеристиками как городского сообщества. Социальная структура горожан, современное городское сообщество изменяются и приобретают новые свойства и характеристики. Прерывность связи человека с пространством, размывание временных и сетевых рамок тем не менее не уменьшает роли и значения локальности и связанной с ней идентичности города и горожан в современном мире. Меняется идентичность города, идентичность горожан и эти изменения могут вступать друг с другом в диссонанс. Диссонанс проявляется в разрыве связности между параметрами социаль-

ного пространства города. Фрагментарность социального пространства города указывает на необходимость управленческих действий властей и горожан для изменения ситуации. Идентичность горожанина операционализируется через его отношения и действия, которые, в свою очередь, оцениваются через их целеориентированный и нормативный характер, через самоопределение роли и места человека в городском пространстве. Деятельностный подход к определению идентичности горожанина позволяет выйти на отношения, на характер взаимодействия и взаимовлияния между идентичностью и социальной активностью горожанина.

Можно предположить, что наличие связности между этими параметрами дает представление о характере социального пространства города. В структуре идентичности горожанина значимы два базовых элемента: традиционный (толстый, онтологический и т. д.) и тот, что формируется здесь и сейчас, тот, что есть продукт современных изменений человека и общества. Эти типы идентичности (тонкая–толстая, современная–традиционная, лоскутная и ситуативная и т. д.) выполняют различные функции. Один тип идентичности горожанина не может заменить другой, обзор данных типов дан в работе [28]. Это важно для смягчения дискуссии о роли и месте традиционализма и пост-модерности для развития общества. Городская идентичность горожан — основание для установления прочной внутригородской связности и ее формирования [51, с. 255]. Внутригородская связность обеспечивает готовность города к инновациям, к принятию целей развития, в том числе в рамках концепции «умный город».

Значение идентичности как параметра социального пространства ставит вопрос о способах их формирования. Формируя идентичность, создаются основания для конструирования пространства. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет об одновременном процессе формирования как идентичности города, так и городской идентичности горожан. Идентичность города

поддается изменению под воздействием управленческих мер, о чем было сказано выше. При социальном конструировании городской идентичности горожан необходим более осторожный и взвешенный подход, последствия могут быть столь же критичными, как и при агрессивном навязывании более пятидесяти типов гендерной идентичности.

Контурно обозначим основные пункты, значимые для социального конструирования городской идентичности горожан. Особая роль в процессе конструирования коллективной идентичности, а именно городской идентичности горожан отводится государству, с помощью его власти институтов, норм права, морали и нравственности. Все коллективные идентичности на всех пространственных уровнях являются политическими конструктами и включают в себя решения и определения от имени групп людей [61, с. 19; 24, с. 49]. К базовым институтам влияния на идентичность относятся система образования, семья.

Идентичность города оказывает прямое влияние на формирование городской идентичности горожанина. Изменение идентичности города, а именно стратегической, культурной, функциональной, территориальной, символической, институциональной форм, сказывается на городской идентичности горожан, на соотношении между ее типами. Идентичность города охватывает как материально-вещественные (архитектуру, инфраструктуру, морфологию города и т. д.), так и нематериальные (символы, традиции, коды и т. д.) элементы города и все они прямо или косвенно оказывают влияние на формирование городской идентичности горожан, что предполагает ведение комплексной работы по считыванию этого влияния, и при необходимости его пересборки, и тоже системной.

Идентичность горожан зависит от внутреннего городского контекста и внешнего, со стороны систем более высокого порядка, что делает идентичность социальным нарративом, который сливается с социальными практиками, ритуалами, информационным полем и, таким образом, подвержена изменениям

[61]. Практики волонтерства, сохранение исторической памяти, повествования о достижениях — вот те немногие примеры действительного влияния на идентичность горожан.

Многовариантность научных подходов к определению базовых показателей социального пространства города опирается на тезис о понимании альтернативности многих научных подходов и одновременно на возможности их совместимого прочтения.

Выше было сказано о роли горожан, их социальных практик в формировании и репрезентации социального пространства. Логичным является обращение к понятию активности горожан. Социальная активность горожан анализируется через призму целеориентации, формы и характера участия горожан в управлении развитием города с применением умных технологий. Одновременно в основании отношений взаимодействия, социальной активности и участия, которые обеспечивают субъектность горожан, лежат определенные ценности и нормы.

Обращение к социальным нормам вызвано тем, что они напрямую связаны с действием [48, с. 89], которое является основанием функционирования социального пространства, городского сообщества, участия горожан в жизни города. Социальное пространство — это связи и отношения, и они продуктивны, если соблюдаются определенные нормы и ценности горожанами, большинством членов городского сообщества. Социальные нормы выполняют свою регулятивную и целеориентирующую функцию по достижению устойчивого развития социального пространства города. Можно предположить, что устойчивость развития социального пространства города обеспечивает условия для устойчивого развития городского сообщества. Устойчивость рассматривается как поступательность развития с учетом интересов большинства городского сообщества и минимизацией социальных конфликтов в различных сферах жизнедеятельности горожан на условиях доверия и солидарности субъектов городской жизни.

Связь ценностей, норм, образцов деятельности принимается в качестве показателя связности пространства [36, с. 195]. Связность пространства опосредует степень развитости городского сообщества, с характером субъектности горожан, целями их активности. Индикаторами нормативных отношений приняты доверие, солидарность и ответственность. Доверие фундаментальным образом вовлечено в институты современности [14, с. 141] в силу того, что оно является условием поддержания социальной системы [13].

В качестве рабочего принимается определение понятия социальных норм как «совокупность общепризнанных правил, паттернов поведения, обусловленных функционирующей в конкретной социальной среде системой ценностей и обеспечивающих устойчивость, упорядоченность и стабильность социального взаимодействия» [30, с. 48]. Однако социальная активность горожан не может в полной мере характеризовать социальное пространство. В качестве базового параметра социального пространства принята характеристика субъектности горожанина. Субъектность — это свойство горожанина, которое формируется из причастности, желания и возможности включаться в жизнь города не только индивидуально, но и вовлекая в орбиту своей активности заинтересованные стороны. Фактически, субъектность горожанина — это способность горожанина не просто индивидуально участвовать в решении проблем развития города, сколько вступать, инициировать, формировать систему социальных отношений, ориентированных на выработку согласованных решений по вопросам развития города, тем самым формируя элементы его социального пространства [29].

Субъектность горожанина определяется степенью его городской идентичности. Городская идентичность горожан указывает на степень связности населения с городом, с будущим его развитием и готовностью участия в городской жизни.

В чем отличие субъекта от демократических муниципальных агентов? По мнению экспертов, к муниципальным агентам

отнесены: *демократические ассоциации местных жителей, которые создают и укрепляют местные собрания и улучшают муниципальное обеспечение основными товарами и услугами* [66]. Демократические муниципальные агенты приняты в качестве третьей политической, агентской формы как политические партии и профсоюзы в рамках политического поля на местном уровне; они организованы и решают посредством проектов, принятых на муниципальном уровне, не только политические вопросы участия, но и экономические; создают условия для доступа к ресурсам; их действия направлены на преобразования, достижение социальной справедливости и безиерархическое общество; утснавливают контроль за деятельностью муниципальных институтов. То есть основная задача демократических муниципальных агентов — трансформировать систему управления изнутри, и речь идет не о сотрудничестве, о синхронизации целей: вопросы преобразования на уровне муниципалитета осуществляются радикально вплоть до изменения природы общества. Говоря о муниципалитете, а не о городе, автор подчеркивает, что политический аспект является доминирующим, несмотря на тезисы о необходимости создания условий для предоставления обездоленным товаров и услуг [66]. Это не единственный минус такого видения перспектив развития муниципалитетов. В данных установках наблюдаются идеи утопичности с элементами анархизма. Проблема видится в отсутствии или потери системности в случае невозможности реализации проектов, разночтения по поводу того, как производить улучшения по предоставлению товаров и услуг в силу того, что основным методом решения предлагается собрание граждан.

Субъектность горожан не ограничивается только политической сферой и необходимостью участия в организованных ассоциациях. Субъектность имеет полисистемную природу, т. е. формируется, проявляется не просто в разных сферах городской жизни, но и в повседневных практиках горожан, не требующих жесткой организации. Субъектность в большей степени основа-

на на мягких основаниях целей, установок, действий, норм и ценностей, идентичности горожан.

Как формируется субъектность? Через совместные действия, а именно: партисипативное участие (выбор целей, способов и моделей развития и т. д.), краудфандинг, совместное бюджетирование, волонтерская деятельность и т. д. В каждом городе действуют относительно автономные субъекты, которые имеют свои цели, ограниченные ресурсы и заинтересованность в отношениях. Для достижения целей общего развития требуются механизмы, позволяющие установить взаимодействие. Возникает вопрос о том, что может послужить основанием для установления связности между субъектами города. По мнению ряда исследователей, к таковым относится «совместное производство знаний в качестве процесса привлечения, облегчения и реализации местных и глобальных значений городской жизнестойкости и устойчивости» [56, с. 271]. Знания и навыки участия горожан в проектах развития города становятся еще более важными при поддержке создания дальнейших инициатив, поскольку многие из этих наборов навыков обычно отсутствуют в гражданском секторе [62, с. 2151]. Кроме того, активисты являются создателями смыслов. Субъекты (в данном случае заменено слово акторы) рассматриваются как означающие агенты, непосредственно участвующие в процессе создания идентичностей, направляющие действия и определяющие других актеров [53, с. 318].

Взгляд на горожанина как на субъекта позволяет расширить представление о природе социального пространства и его социального конструирования.

Создавая условия для формирования субъектности горожан методами городского управления, устанавливая отношения взаимодействия и ответственности между всеми заинтересованными субъектами города, конструируется и социальное пространство города.

Список литературы

1. Андреев, А. Л. Глобальный мир и этническая революция / А. Л. Андреев. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 4. — С. 23–36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03
2. Авдеева, И. А. К вопросу о соотношении коммуникативного и социального пространств / И. А. Авдеева. — Текст : непосредственный // Право и общество. — 2013. — № 8 (054). — С. 150–154.
3. Амбарова, П. А. Время социальной общности : монография / П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. — 347 с. — Текст : непосредственный.
4. Амин, Э. Внятность современного города / Э. Амин, Н. Трифт. — Текст : электронный // Логос. — 2002. — № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html>
5. Андреев, А. Л. Глобальный мир и этническая революция / А. Л. Андреев. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 4. — С. 23–36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03
6. Бесчасная, А. А. Социологические маркеры социальных пространств как инструмент исследования и управления пространством городов / А. А. Бесчасная. — Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные знания. — 2018. — Т. 4, № 2. — С. 100–107.
7. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые. — Текст : непосредственный // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — С. 137–150.
8. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые ; пер. с фр.; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. — Санкт-Петербург : Алетейя; Москва : Институт экспериментальной социологии, 2005. — 576 с. — Текст : непосредственный.
9. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. Москва : Социологос, 1993 — 336 с. — Текст : непосредственный.
10. Верлен, Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Б. Верлен. — Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. — 2001. — Т. 1, № 2. С. 26–48.
11. Веселкова, Н. В. Места памяти в молодых городах: монография / Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 394 с. — Текст : непосредственный.

12. Веселкова, Н. В. Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии / Н. В. Веселкова. — Текст : непосредственный // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши.—Екатеринбург, 2022. — С. 50–61.

13. Гарфинкель, Г. Концепция и экспертные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / Г. Гарфинкель. — Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. 2009. — Т. 8, № 1. — С. 10–51.

14. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс ; пер. с англ. Г. К. Ольховникова, Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. — Москва : Изд-во и консалтинговая группа «Праксис», 2011. — 352 с. — Текст : непосредственный.

15. Главацкая, Е. М. Религия в ландшафте раннесоветского города: идеи, мифы, смыслы (на примере Екатеринбурга-Свердловска) / Е. М. Главацкая, Д. С. Бахарев, Е. А. Заболотных, Г. Т. Торвальдсен. — Текст : непосредственный // Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 754 с. — С. 340–353.

16. Гладарев, Б. С. Градозащитные движения Петербурга накануне «Зимней революции» 2011–2012 г.: Анализ из перспективы французской прагматической социологии / Б. С. Гладарев. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения. — 2012. — № 4(110). — С. 29–43.

17. Глазычев, В. Л. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов : доклад // Сайт Вячеслава Леонидовича Глазычева. Школа муниципального служащего. Обнинск. 1998. 1–13 ноября. URL: <http://www.vsmsinfo.ru/newshow.html?651>

18. Горшков, М. К. Модернизационный потенциал идентичности / М. К. Горшков. — Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся. Вып. 12 : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — Москва : Новый хронограф, 2013. — 528 с.

19. Дридзе, Т. М. Социальная диагностика в градостроительстве / Т. М. Дридзе. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 1998. № 2. — С. 94–99.

20. Дробижина, Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интегративных процессах российского обще-

ства / Л. М. Дробижева. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 4. — С. 7–22.

21. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм ; пер. с франц. В. В. Земсковой ; под ред. Д. Ю. Куракина. — Москва : Элементарные формы, 2018. — 808 с. — Текст : непосредственный.

22. Заборова, Е. Н. Феномен города с точки зрения теории социального пространства / Е. Н. Заборова. — Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «социально-гуманитарные науки». — 2006. — Выпуск 5. № 2 (57). — С. 188–195.

23. Запорожец, О. Хореография беспокойства в транзитных местах, к вопросу о новом понимании визуальности / О. Запорожец, Е. Лавринец // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). — Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. — 312 с.

24. Заславская, М. И. Концептуализация политики идентичности и практики ее реализации в России и Армении / М. И. Заславская, В. Н. Ракачев. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2022. — Т. 15. — Вып. 1. — С. 47–62. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.103>

25. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель. — Текст : непосредственный // Логос. — 2002. — № 3 (34). — С. 1–12.

26. Зиммель, Г. «Эссе о чужаке» / Г. Зиммель. — Текст : непосредственный // Социальное пространство : междисциплинарные исследования : реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии ; отв. ред. Гирко Л. В. — Москва : ИНИОН, 2003. — 196 с. — С. 173–178.

27. Кибасова, Г. П. Ландшафт в пространстве и пространство ландшафта (англо-американская историография) / Г. П. Кибасова, О. В. Галкова. — Текст : непосредственный // Философия и культура. — 2020. — № 11. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.11.33506 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33506

28. Костко, Н. А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города (статья) / Н. А. Костко. —

Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2022. — 25(1). — С. 190–216. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.7>.

29. Костко, Н. А. Городская идентичность и доверие как условие формирования субъектности горожанина (Статья в коллективной монографии) / Н. А. Костко, И. Ф. Печеркина, А. А. Попкова. — Текст : непосредственный // Будущее территорий: новые вызовы и инструменты развития: монография. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. — 332 с.

30. Костоломова, М. В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия / М. В. Костоломова. — Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 41–53. — DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7302

31. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр. — Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. — 2002. — Т. 2, № 3. — С. 27–29.

32. Митин, И. И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства / И. И. Митин. — Текст : непосредственный // Topos. — 2011. — №1. — С. 62–73.

33. Мокроусова, А. К. Образы города как ресурс анализа социального пространства / А. К. Мокроусова. — Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — Т. XV, № 3. — С. 173–181.

34. Недосека, Е. В. Ментальная репрезентация пространства молодежи г. Мурманска / Е. В. Недосека, В. В. Волков. — Текст : непосредственный // Регионология. — 2014. — № 4 (89). — С. 179–189.

35. Окунев, И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий / И. Ю. Окунев. — Текст : непосредственный // Сравнительная политика. — 2018. — № 1. — С. 18–25. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25

36. Покровская, Н. Н. Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное / Н. Н. Покровская. — Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. — Т. X, № 1. — С. 190–198.

37. Сергеева З. Х. Конфликты за культурно-символическое пространство и постколониальное мышление: анализ кейса / З. Х. Сергеева

ева. — Текст : непосредственный // Управление устойчивым развитием. — 2016. — № 4 (05). — С. 56–64.

38. Серто, де М. По городу пешком / де М. Серто. — Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. — 2008. — Т. 7, № 2. — С. 24–38.

39. Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. ; отд. полит. науки ; ред. кол.: Малинова О. Ю., гл. ред., и др. — Москва, 2017. — Вып. 5: Политика идентичности. — 356 с. — Текст : непосредственный.

40. Тернборн, Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства / Й. Тернборн. — Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. — Т. XVI. — № 1 (66). — С. 20–40.

41. Трубина, Е. Видимое и невидимое в повседневности городов / Е. Трубина. — Текст : непосредственный // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). — Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. — 312 с.

42. Урри, Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с. — Текст : непосредственный.

43. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. — С. 288. — Текст : непосредственный.

44. Харви, Д. Право на город / Д. Харви. — Текст : электронный // Логос. — 2008. — № 3. — С. 80–95 http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf

45. Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа: коллективная монография / под ред. С. Н. Борисова, В. П. Римского. — Белгород : ООО «Эпицентр», 2019. — 204 с. — Текст : непосредственный.

46. Шабает, Ю. П. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения / Ю. П. Шабает, А. П. Садохин, О. В. Лабунова, Н. Н. Сазонова. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 3. — С. 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>.

47. Шкаратан О.И. Общество как социальная система / О. И. Шкаратан. — Текст : непосредственный // Социологический журнал. — 2011. — № 4. — С. 117–143.

48. Эльстер, Ю. Социальные нормы и экономическая теория / Ю. Эльстер. — Текст : непосредственный // Thesis. — 1993. — Вып. 3. — С. 73–91.

49. Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 754 с. — Текст : непосредственный.

50. Яницкий, О. Н. Экоциальные исследования: междисциплинарная методология, теория, практика: монография / О. Н. Яницкий ; Институт социологии РАН. — Москва : Институт социологии РАН, 2016. — 327 с. — Текст : непосредственный.

51. Borén, T. Intra-urban connectedness, policy mobilities and creative city-making: national conservatism vs. urban (neo)liberalism / T. Borén, P. Grzyś, C. Young. — Text : direct // European Urban and Regional Studies. — 2020. — Vol. 27(3). — P. 246–258.

52. Castelnovo, W. Smart Cities Governance: The Need for a Holistic Approach to Assessing Urban Participatory Policy Making / W. Castelnovo, G. Misuraca, A. Savoldelli. — Text : electronic // Social Science Computer Review 1–16. The Author(s) 2015 Reprints and permission: sagepub.com/journalsPermissions.nav DOI: 10.1177/0894439315611103

53. Chiarvesio, F. Urban activists from the perspective of anti-corruption: a framing approach / F. Chiarvesio. — Text : direct // The Journal of Social Policy Studies. — 2021. — No. 19 (1). — P. 315–326. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-315-326

54. Deakin, M. From intelligent to smart cities / M. Deakin, H. Al Waer. — Text : direct // Intelligent Buildings International. — 2011. — 3:3. P. 133–139. DOI: 10.1080/17508975.2011.586673

55. Demire, D. The Impact of Managing Diversity on Building the Smart City A Comparison of Smart City Strategies: Cases From Europe, America, and Asia / D. Demire. — Text : direct // SAGE Open July-September. — 2023. — P. 1–18. DOI: 10.1177/21582440231184971

56. Elmqvist, T. Sustainability and resilience for transformation in the urban century / T. Elmqvist, E. Andersson, N. Frantzeskaki, T. McPhearson,

P. Olsson, O. Gaffney, K. Takeuchi, C. Folke. — Text : electronic // Nature Sustainability. — 2019. — VOL 2. — APRIL. — P. 267–273. URL: www.nature.com/natsustain

57. Fuller, M. G. Introduction: An invitation to spatial sociology / M. G. Fuller, M. Löw. — Text : electronic // Current Sociology Monograph. — 2017. — Vol. 65(4). P. 469–491. — URL: sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav DOI: 10.1177/001139211769746

58. Houtum, H. Contextualising Regional Identity and Imagination in the Construction of Polycentric Urban Regions: The Cases of the Ruhr Area and the Basque Country / H. Houtum, A. Lagendijk. — Text : direct // *Urban Studies*. — 2003. — 38(4). — P. 747–767.

59. Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? / M. Lewicka. — Text : direct // *Journal of Environmental Psychology*. — 2011. — 31. — P. 207–230. DOI: 10.1016/j.jenvp.2010.10.001

60. Logunova, L. City's social space and citizens' living space / L. Logunova, E. Mazhenina, N. Nyatina. — Text : direct // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, volume 331. 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019) January 2019. — P. 425–429. DOI: 10.2991/ismge-19.2019

61. Paasi, A. Europe as a Social Process and Discourse : Considerations of Place, Boundaries and Identity / A. Paasi. — Text : direct // *European Urban and Regional Studies*. — 2001. — 8. — P. 7. DOI: 10.1177/096977640100800102

62. Russel, B. Strategies for a new municipalism: Public-common partnerships against the new enclosures / B. Russel, K. Milburn, K. Heron. — Text : direct // *Urban Studies*. — 2023. — Vol. 60 (11). — P. 2133–2157. DOI: 10.1177/00420980221094700

63. Sadeghi, G. Urban Morphology: Comparative Study of Different Schools of Thought / G. Sadeghi, B. F. Li. — Text : direct // *Current Urban Studies*. — 2019. — Vol. 7, no. 4, — P. 562–572. <https://doi.org/10.4236/cus.2019.74029>

64. Scott, A. J. Urbanization, Work and Community : The Logic of City Life in the Contemporary World / A. J. Scott. — Text : electronic // *Quality Innovation Prosperity*. — 2017. no. 21/1. — P. 9–30. DOI: 10.12776/QIP.V2111.785

65. Sheller, M. From spatial turn to mobilities turn / M. Sheller. — Text : direct // Current Sociology Monograph. — 2017. — Vol. 65 (4). — P. 623–639. DOI: 10.1177/0011392117697463

66. Shelley, C. Murray Bookchin and the value of democratic municipalism / C. Shelley. — Text : direct // European Journal of Political Theory. — 2022. — P. 1–22 DOI: 10.1177/14748851221128248

67. Touraine, A. History, Modernity and Global Identities / A. Touraine. — Text : direct // Glocalism : journal of culture, politics and innovation. — 2020. — 2. DOI: 10.12893/gjcpi.2020.2.1

68. Xu, F. “Pudong Is Not My Shanghai”: Displacement, Place-Identity, and Right to the “City” in Urban China / F. Xu. — Text : direct // City & Community. — 2020. — 19:2. — June. — P. 330–351. DOI: 10.1111/cico.12491

§ 2. Соразмерность идентичности и успешность реализации концепции «умный город»

Внимание аналитиков и практиков к городам во многом обусловлено ускорением и усложнением современных глобализационных процессов. Многие проблемы, связанные с изменениями в обществе, сосредоточены в городах, как и ответы для их решения. Урбанизация, расширение и масштаб применения информационно-коммуникационных технологий радикально меняют города, мир в целом [18]. Концепция «умный город» стала лидером среди предложений по созданию нового видения городов.

В данном параграфе поднимается проблема обозначения факторов, которые могут оказать влияние на успешность реализации концепции «умный город». Речь идет об учете в практике не материальных, социальных параметров города.

В условиях тотального перехода к цифровизации всех сфер жизни, перехода к информационному типу общества, концепция «умный город» предлагает универсальную модель встраи-

вания в этот тип общества. Универсальность определяется структурированностью основных элементов, они же инструменты достижения целей по включению общества, его систем в цифровую эпоху.

Реализация концепции «умный город» институционализирует цифровые изменения, модель города, которые становятся частью повседневной жизни горожан или в ближайшей перспективе станут таковыми. С одной стороны, возникает проблема принятия/легитимизации в сознании и действиях большинства населения нового качественного, информационно-технологического состояния города. С другой — ставится задача определения способов оценки успешности/неуспешности реализации концепции как со стороны горожан, так и собственно органов управления городом. Для решения обозначенных проблем необходимо дополнить имеющийся набор инструментов, в том числе социологический, позволяющий диагностировать реальное положение дел. Полагаем, что проведение мониторинга мнения горожан относительно знания/незнания, применения/неприменения новых технологий «умного города», общественной оценки горожан степени и хода реализации концепции в городе будет недостаточно. Исследовательская проблема видится в том, что успешность реализации концепции «умный город» во многом зависит от способности системы управления развитием города обеспечить учет в своей практике свойств и характеристик не явных, субъективных социальных параметров города. Для этого следует обозначить эти социальные параметры в виде показателей, которые могут быть считаны и проанализированы для практических целей управления.

Социальное пространство города принимается в качестве интегрированного показателя, который характеризует социальный аспект развития города и может быть использован в управленческой аналитической практике. Социальное про-

странство города — это пространственно-временной фокус отношений, обусловленных социальной активностью, идентичностью, нормативными установками горожан. Характер отношений между субъектами города, их бесконфликтность, в том числе между горожанами и властью, принятие/легитимизация (данные понятия принимаются как синонимичные) в сознании горожан нового состояния города, который формируется здесь и сейчас, репрезентирует степень связности социального пространства города.

Сужая границы исследовательской проблемы, мы обращаем внимание на то, что идентичность города и городская идентичность горожан не тождественны, но находятся в отношениях взаимовлияния; изменения, вызванные реализацией концепции «умный город» не могут не отразиться на идентичности города, на городской идентичности горожанина.

В нашей работе сделан акцент на функциональной форме идентичности города, которая может быть представлена набором характеристик, определенных концепцией «умный город». Несовпадение оценок, которые дают горожане реальным характеристикам города, с идеальным типом показывает разрыв в представлениях горожан об идентичности города. Установление корреляции между разрывом в представлениях горожан об идентичности города и уровнем городской идентичности горожан позволяет судить о снижении связности социального пространства города, конфликтности в отношениях городских субъектов. В связи с тем что для оценки приняты характеристики города, напрямую связанные с элементами структуры концепции «умный город», можно предположить о проблемах успешности реализации концепции. Ее укорененность в сознании горожан через принятие идентичности города как умного способствует установлению взаимосвязи человека и пространства города, как следствие, возможности успешной реализации целей концепции.

Наша задача состоит в том, чтобы определить: наличие/отсутствие разрыва между реально формируемой моделью умного города и идеальным типом умного города для горожан; корреляционные связи между городской идентичностью горожан и идентичностью города.

Цель состоит в том, чтобы показать, что принятие той или иной концепции развития города, успешность ее реализации стоит в прямой зависимости от учета в практике управления социальных параметров города.

Основной аргумент заключается в том, что современное управление развитием городов, с одной стороны, становится все более алгоритмизированным и стандартным, с другой — учет социальных особенностей и контекстов способствует успешному развитию, что актуализирует исследования в этой области. Дополнительным вкладом является продолжение дискурса о том, кто же всё-таки определяет направленность реализации концепции, и наша артикуляция видения горожанами «умности» города отдает приоритет людям.

Урбанизация, расширение урбанизационных процессов являются видимыми и ощутимыми характеристиками развития общества на всех его этапах, не только современного. Переход к интеллектуальному урбанизму является закономерным движением в условиях нового информационного типа общества.

Развернутая характеристика подходов и взглядов на концепцию «умный город», основных ее структурных элементов дана в работе [12; 33]. Авторы подчеркивают значение и роль горожанина, городского сообщества в понимании сути концепции. В качестве рабочего основания структуры концепции «умный город» принята классификация, предложенная Р. Гиффингером и его коллегами: разумная экономика, разумная мобильность, разумная окружающая среда, разумные жители, разумный образ жизни, разумное управление [29]. Принимается тезис о том, что оценочные инди-

каторы «умности» города можно разделить на объективные и субъективные, на материальные объекты и контекстные данные о городе [12, с. 14] и в данной работе акцент сделан на социологические параметры, которые характеризуют город и могут быть использованы в практике управления. Это обращение к понятию социального пространства города, которое определяется как пространственно-временная совокупность социальных связей, взаимозависимостей и взаимодействий, столкновение интересов разных групп горожан. Ключевыми характеристиками этих отношений являются социальная активность горожан и их идентичность с городом, уровень доверия и солидарности между активными субъектами городского сообщества. Данный подход не противоречит определению сущностных характеристик города «как пространственно-поляризованных ансамблей человеческой деятельности, отмеченных высоким уровнем внутреннего симбиоза» [42, с. 548] и развивает идею о том, что взаимодействия определяют локацию [10] и теорию коллективных действий [16].

На сегодня в качестве базового индикатора «умности» города принят определенный перечень технологий, который обеспечивает функционирование различных сфер города и городского сообщества. Набор технологий, знание о них, применение в профессиональной, общественной и повседневной практике рассматривается в качестве универсальной модели умного города. В наши задачи не входит детальное исследование влияния технологий на «умность» города.

Тем не менее анализ литературы показал наличие дискуссии о роли, влиянии, будущем этих технологий, об отношении к ним в обществе. Выделяются, по крайней мере, три направления исследований. Первое раскрывает ведущую роль умных технологий в развитии городов, в росте экономики, конкурентоспособности, повышении качества жизни, успешности и т. д. [15].

Второе направление исследований основано на критике применения умных технологий и зависимости от них [19], потери приватности и социальной справедливости в современном обществе [46], сокращения социальности в политике и усилении контроля за людьми [41].

Наконец, третье направление исследований рассматривает умные технологии лишь в качестве инструмента, который создает условия, а вот какие условия и для каких целей, выбор оставляется за людьми [32; 36].

Мы склоняемся к третьей, оптимистической версии отношения к умным технологиям и исходим из того, что современный человек использует в своей повседневной жизни набор умных технологий [5, с. 66] и соотносит их со своими представлениями об умном городе и реальностью.

Здесь не критикуется концепция «умный город», как в рамках критического урбанизма [30; 35] и критической социальной теории, где активно развивают идеи отличные мейнстриму неолиберализма о развитии городов [22; 34; 43; 46], мы пытаемся продемонстрировать сложность этой идеи и способы ее реализации в конкретных городах. Стоит согласиться, что концепция «умного города» построена на дискурсивной логике интеллектуального урбанизма и его видения будущего развития городов. Эта логика акцентирует внимание на целях и инструментах развития, субъектах управления новыми процессами и необходимости учета, встраивания концепции «умный город» в местный контекст каждого города [23; 21].

Концепция «умный город» критикуется за отсутствие комплексного видения города: «умный город собирается по частям, неуклюже интегрируется в существующие конфигурации городского управления и застроенной среды» [43, с. 15].

Как следствие, идет поиск нестандартных оснований для успешной реализации концепции. При этом все города внутренне дифференцированы, что снижает возможность стандартизированного, усредненного подхода к определению оснований их развития.

За городами давно закреплён статус локомотивов, драйверов развития, что предполагает расширение стратегии поиска управленческих решений и моделей развития в современных условиях. По мнению исследователей, анализ публикационной активности по вопросам городского управления свидетельствует о смещении акцентов на проблемы, связанные с участием, демократией и вовлечённостью горожан в процессы городского развития, и о втором мощном направлении, связанным с поиском новых ресурсов и потенциалов [26, с. 1].

Актуализируется значение городов второго эшелона как центров территориального/регионального развития. Использование термина второго эшелона отлично от того, что принято в европейской исследовательской практике, где акцент сделан на малые и средние города (до 100 тыс. населения) и наличие проблем в возможностях развития [14; 38]. Проблема неоднозначна, ряд авторов выступают за необходимость государственной поддержки только для успешных, конкурентоспособных, крупных городов как национальных драйверов развития. Другие обосновывают политику развития городов, которые способны освоить меры поддержки, используя внутренние ресурсы [48, с. 796].

Мы исходим из того, что города второго эшелона — это крупные административно-территориальные единицы областного уровня, выполняющие столичные функции в рамках субъекта РФ, как следствие, аккумулирующие основные ресурсы развития региона на себя и включённые в общенациональные процессы развития. Это города с высоким потенциалом и перспективами развития, с поглощающей способностью к новым ресурсам, но эти возможности меньше, чем у столиц и мегаполисов. Значение городов второго эшелона усиливается необходимостью создания на их основе условий для удержания главного ресурса — человеческого — и преодоления тенденций стягивания всех видов капиталов развития в двух столичных регионах страны.

Отсюда особое внимание к управлению развитием, к созданию условий для этого удержания. Этот вопрос в фокусе многих стран, но он особенно актуален в РФ.

Решение задачи удержания населения в городах второго эшелона предполагает необходимость разработки концепций, стратегий и моделей развития этих городов. Для этого как нельзя лучше подходит концепция «умный город», которая не просто предлагает набор целей, очерчивает круг потенциалов и ресурсов для их достижения, инструментарий, но и формирует образ будущего, инновационного, современного, цифрового города. Привлекательность концепции «умный город» во многом построена на предложении способа по преодолению отсталости и неразвитости жизни в городах с прицелом на достижение высокого общенационального нового качественного состояния общества. Существенным элементом привлекательности концепции является ее фокус на активное привлечение населения к реализации целей цифрового развития города, начиная с повсеместного распространения и применения технологий умного города до выстраивания условий для расширения участия горожан как субъектов городской жизни. Человек через свои ресурсы призван использовать возможности, которые ему предоставляет цифровая среда.

К основаниям развития, которые требуют своего учета в практике управления, отнесены социальные параметры городов, а именно их специфичность, особенность, местный контекст. Город нельзя представить в виде чистого листа, на который наносится концепция «умный город» и в котором начинают работать мощные, сложные, умные технологии прямолинейно полезно и новыми способами [36, с. 2].

Местный контекст города уникален и вопрос о сочетании универсализма концепции «умный город» и специфичности городской жизни, городского социального пространства становится сложной не только практической, но и научной задачей. Местный контекст города — это вся совокупность характеристик и свойств, слагаемых элементов и систем города в их динамике развития. Местный контекст города — это наличие его особых черт, которые могут выступать как элементы торможения/ускорения реализации целей концепции «умный город». Цели и инструментарий данной концепции в своем основании

скорее стандартизированы и технологичны, и их реализация в каждом конкретном городе, априори уникальном, без учета этой особенности, без учета его местного контекста, закладывает основания для будущих конфликтов. Четкое определение содержания местного контекста позволяет использовать его в качестве адаптационного инструментария встраивания субъектов городской жизни в предлагаемые правила реализации концепции «умный город».

Социальное пространство города как концентрированное выражение социальных характеристик субъектов городской жизни, социальной активности, идентичности, норм горожан принимается в качестве ведущего показателя, характеризующего местный контекст города. Можно предположить, что идентичность горожан и современная идентичность города как умного в их синхронизации свидетельствуют о встраивании концепции «умный город» в местный городской контекст. Включение социального аспекта в практику управления позволяет решить проблему «случайного» умного города, который формируется и развивается благодаря разнообразному набору инициатив различных субъектов и заинтересованных сторон, преследующих разные цели [25].

Акцент на специфику места соотносится с идеями Дж. Деланты [28] о разнообразии, которые активно используются в практике управления городами, с учетом того что крупные города имеют «разные» экономические потенциалы и требуют прагматичных и неидеологических политических вмешательств, учитывающих их социально-культурные и экономические условия и приоритеты [37].

Одним из положений теоретического обоснования исследования города является тезис о том, что «умность» города определяется не столько его ориентацией на людей, на создание условий для повышения уровня и качества их жизни, сколько на поддержание гражданского режима осознанного повседневного участия горожан в городских процессах в новых условиях цифровизации общества [33; 13; 24].

Фокус на горожанина объединяет концепцию «умный город» с понятием социального пространства города. Если принять за основу тезис о возрастающей роли человека, а не технологий в решении проблем современности, то акценты смещаются не просто на участие горожан, а на осознанное, принимаемое большинством действие городских субъектов в преобразовании. Тип городского социального взаимодействия может быть охарактеризован отношением между городской идентичностью горожан и идентичностью города. Проблема видится в расширении разрыва связей в социальном пространстве города, утрате совпадений между разными типами социальных взаимодействий, в том числе между городской идентичностью горожан и идентичностью города.

Научные дискуссии об идентичности и различных ее видах, попытки нормативного определения гражданской идентичности [6] свидетельствуют о выходе данного понятия из академической среды в плоскость практических действий на разных уровнях управления развитием общества. Многие исследователи прямо указывают на идентичность как ресурс развития города [9].

Полагаем, что исследование городской идентичности горожан необходимо с точки зрения понимания более тонкой связи между городом и человеком. По словам З. Баумана, идентичность стала к настоящему времени той исследовательской линзой, через которую выявляются, осмысливаются и исследуются другие актуальные аспекты современной жизни [17]. Попытаемся схематично изложить логику соотношения основных понятий, связанных с идентичностью города и городской идентичностью горожан, которые могут представлять социологическое основание для выделения социального аспекта в управлении развитием города. Для этого используем системный подход.

Идентичность города является объективной данностью, которая складывается под влиянием определенных тенденций,

закономерностей развития общества. Считаем обоснованным применить подход к определению региональной идентичности и к городам. Он заключается в том, что в качестве основных показателей, характеризующих идентичность города, выбраны четыре формы измерения: территориальная, институциональная, символическая, функциональная [45, с. 709]. В нашем проекте исследуется идентичность города, представленная функциональной формой, которая включает позиции (перечень рис. 1), которые соотносятся со структурой концепции «умный город». Можно возразить и сказать, что данный набор характеристик функциональной формы идентичности города присущ всем городам и не только умным. «Умность» города для граждан определяется через их восприятие места и роли их города (вопрос «Как бы охарактеризовали роль Вашего города в развитии региона, страны в целом? Мой город: *(Вы можете отметить любое число вариантов ответа)*»).

Идентичность города невозможна без восприятия и рефлексии к нему человека, что составляет субъективный компонент понятия и возможности его конструирования, в том числе и методами управления. Согласно П. Бурдьё, восприятие субъектом социального мира возникает в результате его субъективной структуризации, что напрямую связано с идентичностью индивида. Структуризация индивидом своего восприятия относительно города, его (города) идентичности определяет городскую идентичность горожанина [1].

Понятия идентичность города и городская идентичность горожан не тождественны. Исследовательское внимание обращено на определение характера восприятия и принятия идентичности города как умного города горожанами. Идея связности процессов с внешними элементами социальной системы как условие развития рассматривается через противопоставление глобального и локального. Однако сейчас можно наблюдать исследовательский интерес к внутригородской связности и условиям ее формирования. Городская идентичность горожан есть

основание для установления прочной внутригородской связности [20, с. 255]. Внутригородская связность обеспечивает готовность города к инновациям, к принятию целей развития, в том числе в рамках концепции «умный город».

Высокая степень городской идентичности горожан свидетельствует о наличии связи между человеком и городом. Устойчивость связи определяется принятием горожанами идентичности города.

Городская идентичность горожан и идентичность города не статичны, в их структуру входят элементы как традиционной, так и современной, тонкой [44; 45], ситуационной [39], презентационной [27] составляющей. В качестве исследовательской предпосылки принят тезис о том, что современный тип идентичности города складывается под воздействием рефлексии горожан на ускоряющиеся изменения. Традиционный город и его идентичность трансформируются под натиском цифровизации, приобретают новые черты и свойства в рамках реализации целей концепции «умный город». Следуя традиции М. Вебера об идеальном типе, город, его идентичность в восприятии горожан могут быть описаны в категориях идеального и должностования. Реальный город и его идентичность принимают или же отвергаются горожанами. Горожане выстраивают для себя идеальный образ города и соотносят этот образ с реальностью, несовпадение между которыми свидетельствует о разрыве взаимодействия между городом и горожанами. Исследовательский вопрос состоит в том, чтобы установить этот разрыв восприятия между идеальным типом города и его реальным воплощением, что позволит установить разрыв связей в пространстве, утрату совпадений разных типов социальных взаимодействий.

Эмпирические исследования социальной идентичности чаще проводятся слабо формализованными качественными методами. Если и используются жесткие методики типа стандартизированных интервью, они дополняются открытыми вопроса-

ми для уточнения смысла, который респонденты вкладывают в выбранные варианты. В нашем исследовании мы использовали тактику сочетания закрытых и открытых вопросов. Однако для решения задач данного параграфа остановимся на количественном подходе. Описание методологии исследования и принципы построения выборки содержится в приложении 1.

Мы рассматриваем городскую идентичность горожан как вид социальной идентичности, которая может быть описана через аффективный, когнитивный и ценностный компоненты. Каждый компонент представлен через ряд утверждений, с которыми респонденты должны были выразить степень согласия по 5-балльной шкале (5 — полностью согласен, 1 — полностью не согласен) (рис. 1).

	Утверждения
АФФЕКТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ	В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома
	Этот город по-настоящему близок мне
	Многие вещи в городе напоминают мне о моем прошлом
КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ	Мое будущее тесно связано с этим городом
	Я знаю свой город так хорошо, что узнаю его на фотографии любой давности
	Я хорошо знаю историю моего города
ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ	Мой город обладает историко-культурным наследием, и я горжусь им
	Жителям других городов мой город кажется престижным

Рис. 1. Операционализация понятия «городская идентичность горожан»

Далее, по каждому параметру были рассчитаны индексы таким образом, чтобы «1» соответствовало «все полностью согласны», «0» соответствовало «все полностью не согласны». Индекс городской идентичности равен сумме всех индексов, деленной на их количество (табл. 1).

Таблица 1

Индексы городской идентичности

Компоненты городской идентичности		Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
1	2	3	4	5	6	7	8
Аффективный	В своем городе я чувствую себя настоящим дома	0,83	0,69	0,68	0,80	0,72	0,73
	Этот город настоящему близок мне	0,76	0,68	0,63	0,75	0,72	0,71
	Многие вещи в городе напоминают мне о моем прошлом	0,66	0,68	0,57	0,57	0,62	0,63
	Мое будущее тесно связано с этим городом	0,73	0,65	0,52	0,63	0,61	0,57
	<i>Среднее</i>	<i>0,74</i>	<i>0,68</i>	<i>0,60</i>	<i>0,68</i>	<i>0,67</i>	<i>0,66</i>
Когнитивный	Я знаю свой город так хорошо, что узнаю его на фотографии любой давности	0,59	0,67	0,55	0,55	0,69	0,65

1	2	3	4	5	6	7	8
	Я хорошо знаю историю моего города	0,52	0,58	0,45	0,51	0,58	0,59
	<i>Среднее</i>	<i>0,56</i>	<i>0,63</i>	<i>0,50</i>	<i>0,53</i>	<i>0,64</i>	<i>0,62</i>
Ценностный	Мой город обладает историко-культурным наследием, и я горжусь им	0,72	0,88	0,57	0,71	0,59	0,72
	Жителям других городов мой город кажется престижным	0,77	0,48	0,60	0,66	0,60	0,58
	<i>Среднее</i>	<i>0,75</i>	<i>0,68</i>	<i>0,59</i>	<i>0,69</i>	<i>0,60</i>	<i>0,65</i>
Сводный индекс городской идентичности		0,70	0,67	0,57	0,65	0,64	0,65

Примечание: индексы вычислялись по формуле $0 \times$ «Полностью не согласен» $+0,25 \times$ «Скорее не согласен» $+0,5 \times$ «И да, и нет» $+0,75 \times$ «Скорее согласен» $+$ «Полностью согласен».

Сводный индекс городской идентичности горожан равен сумме всех индексов, деленной на их количество.

Значение сводного индекса меньше 0,5 оценивается как низкий показатель идентичности горожан, от 0,51 до 0,8 — как средний, больше 0,8 — как высокий. Респонденты были распределены по этому признаку на соответствующие группы (табл. 2 приложения к данному параграфу; рис. 2). В целом по выборке 26% респондентов характеризует низкий уровень городской идентичности, 46% — средний, и 27% — высокий (рис. 3). И далее анализ проходил в разрезе этих групп.

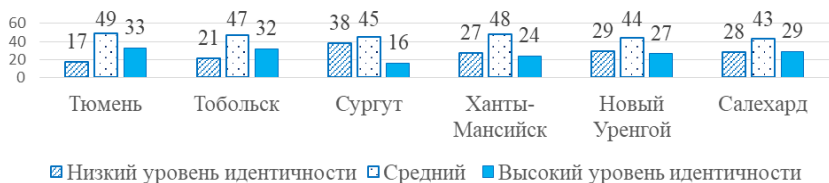

Рис. 2. Распределение респондентов по группам в зависимости от уровня городской идентичности, % от выборки в городах исследования

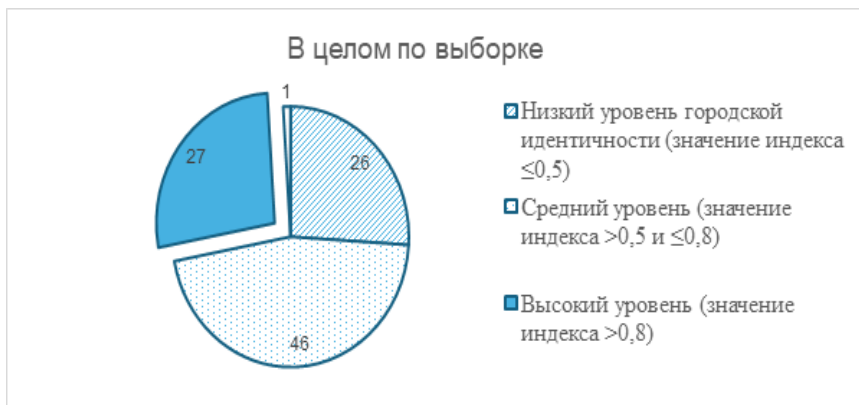

Рис. 3. Распределение респондентов по группам в зависимости от уровня городской идентичности, % в целом по выборке

Уровень и структура городской идентичности горожан существенно различаются в рассматриваемых городах (табл. 1). В г. Тюмени жители демонстрируют относительно высокий уровень идентичности: 80% респондентов воспринимают Тюмень как свой дом; связывают свое будущее и испытывают близость к городу почти 70%; сводный индекс городской идентичности — 0,70. Для жителей Ханты-Мансийска характерен практически такой же уровень близости с городом и «чувство дома», как и для тюменцев (77% согласны и скорее согласны с данным

утверждением). Сводный индекс городской идентичности жителей Ханты-Мансийска — 0,67, он меньше, чем в Тюмени, за счет двух признаков: признак «связь с прошлым города» — «Многие вещи в городе напоминают мне о моем прошлом», и второй признак — это связь с будущим — «Мое будущее тесно связано с этим городом». Во многом такие данные обусловлены тем, что Ханты-Мансийск, как и многие города севера Тюменского региона, — это город мигрантов, приезжающих с «большой земли» на несколько лет и планирующих рано или поздно уехать на малую Родину. Слабость связи горожан с прошлым и будущим города характерна для всех городов исследования, кроме Тобольска и Тюмени. Это коррелирует с данными по числу лет проживания респондентов в городе. В Ханты-Мансийске среднее число лет проживания в городе составляет 19 лет, Новом Уренгое — 21,8, в Сургуте и Салехарде — 22,8 и 24,3 года соответственно, для сравнения в Тюмени — 28,2 лет, в Тобольске — 32,4 года.

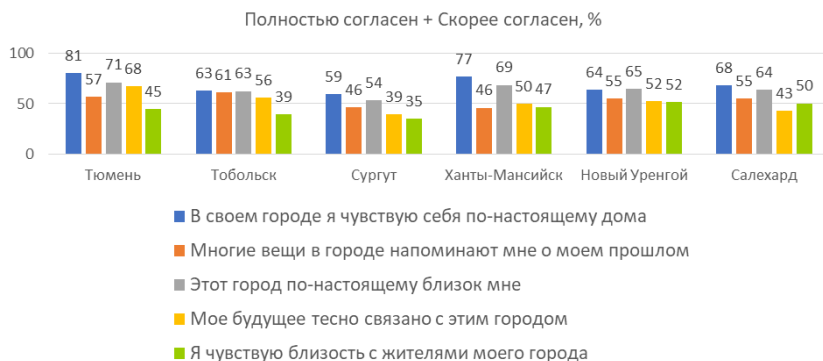

Рис. 4. Доля респондентов, согласных с утверждениями*, % от выборки в каждом городе.

*Варианты: «Полностью согласен» + «Скорее согласен»

В Тобольске среднее число лет проживания в городе самое большое из исследуемых городов, но при этом выявлен относительно низкий уровень эмоциональной близости с городом. Если в Ханты-Мансийске «чувствуют себя по-настоящему дома» 77% респондентов, в Тюмени — 81%, то в Тобольске лишь 63%. Тобольчан связывает с городом скорее прошлое этого города, его богатейшая история и визуализация его в виде уникальных историко-культурных памятников (самый высокий индекс среди городов). Однако горожане не чувствуют близости с городом, не видят в нем своего будущего, оценивают свой город крайне низко по сравнению с другими городами (лишь 26% респондентов «согласны» и «скорее согласны с утверждением «Жителям других городов мой город кажется престижным». Для сравнения: престижным свой город кажется 74% тюменцев, 58% жителей Ханты-Мансийска, около половины респондентов в остальных городах исследования).

Самый низкий уровень городской идентичности горожан зафиксирован в г. Сургуте (0,57). И здесь мы сталкиваемся с некоторым парадоксом. Сургут — один из самых развитых и богатых городов региона, входит в число лидеров различных рейтингов по качеству жизни, уровню доходов населения (например, [49]). И тем не менее лишь 39% респондентов связывают свое будущее с Сургутом, 46% не чувствуют свою близость с городом, 40% не считают город своим «домом». Наши эмпирические данные не дают возможности объяснить этот результат. Можно сделать несколько предположений:

1. Высокий уровень ожиданий населения, связанный с экономической ролью города в стране, противоречит реальному уровню и качеству жизни населения (что формирует чувство несправедливости). Так, в 2018 г. по результатам оценки Центра городской экономики КБ «Стрелка» Сургут занял 3 место в рейтинге городов, вносящих наибольший вклад в ВВП России, уступая лишь Москве и Санкт-Петербургу (с самым боль-

шим в РФ ВГП на каждого жителя) [50]. А в рейтинге городов по индексу качества городской среды Сургут хоть и входит в группу с благоприятной городской средой, но со скромными 217 баллами (из возможных 360). Это один из самых низких показателей в городах нашего исследования (табл. 3).

Таблица 3

Индекс качества городской среды, 2022

Города исследования	Значение индекса
Тюмень	240
Тобольск	236
Ханты-Мансийск	247
Сургут	217
Салехард	232
Новый Уренгой	197

Источник: Индекс качества городской среды / URL: <https://индекс-городов.рф>.

2) Еще одно возможное предположение — это то, что высокий уровень миграции неквалифицированной рабочей силы и миграции из ближнего зарубежья (Сургут является центром притяжения таких категорий) «размывает» уровень городской идентичности. Сургутяне чаще респондентов из других городов отмечали, что в городе слишком много приезжих, много мигрантов — представителей других культур. Лишь 35% сургутян чувствуют близость с жителями своего города (для сравнения, 46% тюменцев, около 50% — жителей Ханты-Мансийска, Салехарда, Нового Уренгоя).

3) Кроме того, респонденты из Сургута демонстрируют наиболее низкий уровень информированности о своем городе, о его истории, этапах развития (когнитивный компонент идентичности). Но это может быть следствием низкой эмоциональной привязанности к городу (аффективный компонент) (табл. 1).

Эти предположения требуют дальнейшего изучения и выйдут за рамки нашего исследования.

Городская идентичность жителей Нового Уренгоя и Салехарда близка по своей структуре. Салехардцы чуть меньше связывают свое будущее с Салехардом, но выше оценивают историкокультурное наследие своего города.

Низкий уровень городской идентичности (индекс меньше 0,5) характерен для 17% тюменцев, 21% жителей Тобольска, 27–29% респондентов из Ханты-Мансийска, Салехарда, Нового Уренгоя и 38% сургутян.

Эти данные подтверждает корреляция с вопросом об отношении к своему городу (рис. 4). Прослеживается тесная связь между восприятием своего города и уровнем городской идентичности (рис. 5).

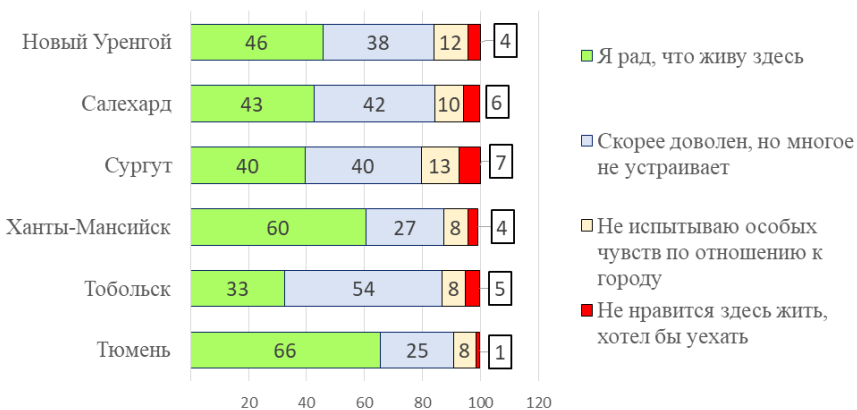

Рис. 4. Отношение горожан к городу проживания, %

Важным фактором, оказывающим влияние на городскую идентичность горожан, является наличие/отсутствие разрыва в представлениях о том, каким должен быть идеальный для проживания город, и оценкой функциональных характеристик своего города.

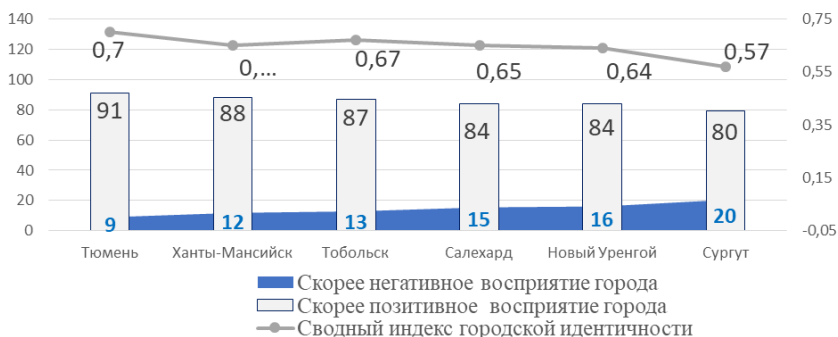

Рис. 5. Отношение горожан к городу проживания, % (левая ось)
Уровень городской идентичности горожан,
сводный индекс (правая ось).

*Скорее позитивное восприятие города = «Я рад, что живу здесь» + «Скорее доволен, но многое не устраивает».

Скорее негативное восприятие города = «Не испытываю особых чувств к городу» + «Не нравится здесь жить, хотел бы уехать»

Восприятие горожанами идентичности их города и отношения к нему исследовалось с помощью вопросов: «*Какими из перечисленных характеристик обладает город, в котором Вы проживаете, и в какой степени?*» и «*Какими характеристиками и в какой степени должен обладать идеальный для Вас город?*». Для обоих вопросов был предложен одинаковый набор из 10 характеристик современного города, который предлагалось оценить по 5-балльной шкале. В первом вопросе «1» означала «это совершенно не характерно для моего города», «5» — «это характерно для города в полной мере». Во втором вопросе «1» — «Это неважно», «5» — «Обязательно должен обладать идеальным город». А также был задан вопрос «*Как бы охарактеризовали роль Вашего города в развитии региона, страны в целом*», где характеристика «умный город» была одной из 15 позитивных и негативных суждений о городе. Респондентам можно было выбрать любое число характеристик или предложить свою.

Идеальный город чаще связывают с комфортной средой проживания, высоким уровнем жизни населения, демократичностью городского управления, хорошими условиями для развития бизнеса — рис. 6. Рейтинг предложенных характеристик в разных городах имеет практически одинаковую конфигурацию (рис. 7). Лишь в Тобольске, где перспективы города связывают с развитием туризма не только власти, но и жители, показатель туристической привлекательности оказался более значим для «идеального города».

Рис. 6. Представления об «идеальном городе» в городах опроса, средние оценки по 5-балльной шкале

Оценки респондентов разных городов по предложенным характеристикам значительно отличаются. Позитивнее воспринимают свой город жители Тюмени и Ханты-Мансийска. Однако если тюменцы практически все параметры оценили выше, чем жители других городов, то респонденты из Ханты-Мансийска лишь отдельным характеристикам города дали относительно более высокую оценку, а именно: «комфортности проживания в городе» (средний балл 3,86), «доброжелательности горожан» (3,79),

«высокому уровню жизни населения» (3,36). Респонденты городов ЯНАО — Салехарда и Нового Уренгоя — среди всех параметров наиболее высоко оценивают доброжелательность жителей своего города (3,79 и 3,69 соответственно). Наибольшее недовольство в своих оценках города выразили жители Тобольска (табл. 5, рис. 1 в приложении).

Рис. 7. Рейтинг характеристик «идеального города», средние оценки в целом по выборке

Разрыв в представлениях об идеальном городе и восприятии города своего проживания существенен по всем оцениваемым параметрам во всех городах (рис. 8, табл. 6). Наибольших значений он достигает в Тобольске, наименьших — в Тюмени. Исключение составляют параметры «Туристическая привлекательность» и «Доброжелательные и приветливые жители». В Тобольске и Ханты-Мансийске наименьшее различие в оценках желаемого и действительного состояния города по параметру «Туристическая привлекательность», а в Салехарде — по параметру «Доброжелательные и приветливые жители».

Таблица 5

**Средние оценки характеристик своего города
(по 5-балльной шкале)**

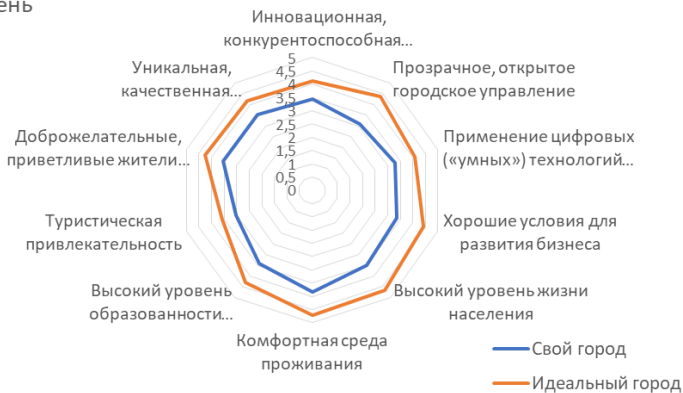
	Тю- мень	То- больск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
Инновационная, конкурентоспособная экономика	3,43	2,39	3,16	2,94	3,02	2,68
Прозрачное, открытое городское управление	3,07	2,44	2,85	2,97	3,05	2,93
Применение цифровых («умных») технологий в управлении городом	3,31	2,21	2,97	3,15	2,89	2,85
Хорошие условия для развития бизнеса	3,37	2,67	3,13	2,97	3,08	2,77
Высокий уровень жизни населения	3,50	2,39	3,27	3,36	3,47	3,10
Комфортная среда проживания	3,85	3,11	3,27	3,86	3,13	3,01
Высокий уровень образованности населения	3,43	2,72	3,20	3,43	3,25	3,13
Туристическая привлекательность	3,02	3,87	2,22	3,25	2,16	2,75
Доброжелательные, приветливые жители (горожане)	3,54	3,10	3,27	3,79	3,69	3,79
Уникальная, качественная продукция местных производителей	3,52	3,01	3,08	3,21	2,79	3,23
Средняя оценка по 10 параметрам	3,40	2,79	3,04	3,29	3,05	3,02

Таблица 6

**Разница между представлениями об «идеальном»
и своем городе в разрезе городов**

	Тю- мень	То- больск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
Инновационная, конкурентоспособная экономика	0,69	1,95	0,90	1,21	1,21	1,43
Прозрачное, открытое городское управление	1,29	2,09	1,36	1,51	1,33	1,46
Применение цифровых («умных») технологий в управлении городом	0,78	1,85	1,09	0,89	1,07	1,21
Хорошие условия для развития бизнеса	1,06	1,83	1,13	1,51	1,28	1,57
Высокий уровень жизни населения	1,16	2,30	1,31	1,39	1,26	1,58
Комфортная среда проживания	0,87	1,60	1,38	0,95	1,59	1,69
Высокий уровень образованности населения	0,88	1,73	1,13	0,99	1,11	1,24
Туристическая привлекательность	0,55	0,38	1,23	0,38	1,11	0,97
Доброжелательные, приветливые жители (горожане)	0,72	1,19	0,99	0,69	0,71	0,61
Уникальная, качественная продукция местных производителей	0,65	1,17	0,98	0,94	1,18	0,97
Среднее по 10 параметрам	0,87	1,61	1,15	1,05	1,19	1,29

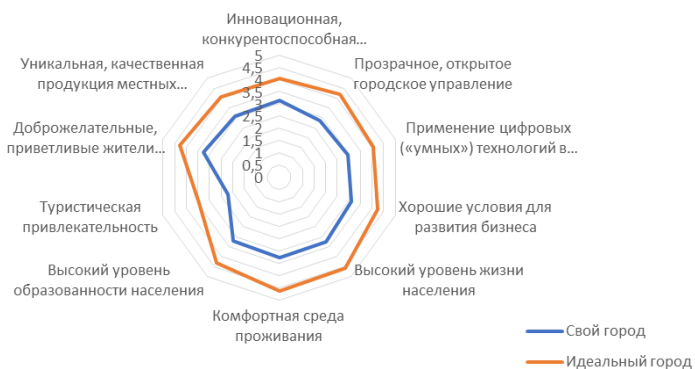
Тюмень

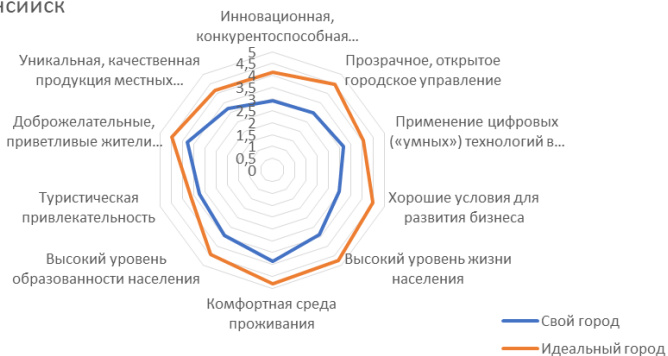
Тобольск

Сургут

Ханты-Мансийск

Новый Уренгой

Салехард

Рис. 8. Представления респондентов об «идеальном городе» и своем городе, средние оценки по 5-балльной шкале

Наибольшее несоответствие в представлениях об идеальном городе и действительностью проявляется в оценках существующей системы управления городом (табл. 6). Во всех городах опроса разрыв в оценках между желаемым и реальным состоянием параметра «прозрачное, открытое городское управление» оказался одним из самых значительных. Лидером антирейтинга этот параметр является в г. Тюмени, Сургуте, Ханты-Мансийске. Максимального значения он достигает в Тобольске, где разница в оценках составляет 2,09 балла.

Разрыв в представлениях об идеальном городе и оценках реальных своего города коррелирует с уровнем городской идентичности респондентов. Чем больше отличаются представления об идеальном городе от оценки города своего проживания, тем ниже уровень идентичности горожан и больше желание сменить место жительства (коэффициент корреляции Спирмена 0,198 и 0,216 при ошибке менее 0,001 соответственно). Средний разрыв по 10 параметрам в представлениях об идеальном городе и городе своего проживания в 1,5 раза больше в группе с низким уровнем городской идентичности по сравнению с респондентами с высоким уровнем и в 2 раза больше в группе респондентов, которые бы хотели уехать из города, чем у тех, кто доволен жизнью в своем городе (табл. 7).

Таблица 7

**Средний разрыв в представлениях о своем городе
и «идеальном городе» по 10 параметрам в зависимости
от уровня городской идентичности**

		Средний разрыв в представлениях по 10 параметрам
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Группы по уровню городской идентичности	Высокий уровень	0,93
	Средний	1,14
	Низкий уровень	1,43

1	2	3
Какие чувства Вы испытываете по отношению к городу, в котором проживаете?	Я рад, что живу здесь	0,87
	Скорее доволен, но многое не устраивает	1,38
	Не испытываю особых чувств по отношению к городу	1,41
	Не нравится здесь жить, хотел бы уехать	1,94

Наибольшее влияние на уровень идентичности горожан оказывают оценки комфортности городской среды, доброжелательность жителей, хорошие условия для бизнеса, высокий уровень жизни населения (табл. 8). То есть те же параметры функциональных характеристик города, которые являются приоритетными в определении идеального города.

Таблица 8

Корреляция по критерию Спирмена между индексом городской идентичности и разрывом в оценках характеристик своего и идеального города

Характеристики города	Индекс городской идентичности
1	2
Инновационная экономика	0,127
Прозрачное, открытое городское управление	0,148
Применение цифровых («умных») технологий в управлении городом	н. з.**
Хорошие условия для развития бизнеса	0,157
Высокий уровень жизни населения	0,163
Комфортная среда проживания	0,274
Высокий уровень образованности населения	0,152
Туристическая привлекательность	н. з.
Доброжелательные, приветливые жители (горожане)	0,190

1	2
Уникальная, качественная продукция местных производителей	0,128
Средний разрыв в представлениях по 10 параметрам***	0,198

*во всех случаях максимальная 2-сторонняя значимость, т. е. вероятность ошибки ниже 0,001;

**н. з — незначимая корреляция;

***средний разрыв в представлениях об идеальном городе и городе своего проживания = сумма всех разрывов, деленная на их количество.

Несоответствие между идеальными представлениями о городе и реальностью говорит о неприятии идентичности города его жителями, что является показателем слабости связей в социальном пространстве города.

Современное управление развитием городов требует в своих действиях и моделях учета не только материальных компонентов, обеспечивающих достижение поставленных целей, но и нематериальных, социальных параметров города, которые напрямую связаны с человеком. Универсализм концепции «умный город» может быть преодолен через учет характеристик социального пространства города, что послужит основанием для включения социальных аспектов в реальные управленческие действия. Концентрированным выражением социальных параметров/контекста города является его социальное пространство, в структуре которого активным элементом, в том числе управления и социального конструирования, выступает городская идентичность горожан и идентичность города. Преодоление разрыва связей в социальном пространстве города, утрата совпадения разных типов социальных взаимодействий (между горожанами, между городом и горожанами) рассматривается в качестве управленческого ресурса достижения целей концепции «умный город» на практике. Осмысление идентичности го-

рода как экспертами, так и горожанами позволяет предложить ее в качестве одного из элементов нематериального ресурса и возможности институционализации в стратегии развития города под термином идентичности города. Управление конструированием идентичностью города, с учетом идентичности горожан, четко и адекватно репрезентирует, декларирует интересы горожан, субъектов городской жизни. Данный подход создает условия для синхронизации идентичности горожан с идентичностью города. Кроме того, если мы говорим о реализации концепции «умный город», новой управленческой модели развития города, мы снижаем риск создания случайного умного города и создаем основания четкого видения, осмысления и принятия умного города не только экспертами, но прежде всего его горожанами.

Городская идентичность оценивается горожанами исследуемых городов не просто по-разному, а по отличным друг от друга основаниям и характеристикам города, что не может не повлиять на степень городской идентичности горожан. Факторы городской идентичности горожан различаются по городам, что свидетельствует о наличии особого местного контекста и доказывает необходимость его учета в практике управления. Для реализации концепции «умный город» характерным является формирование новых элементов идентичности города, которые могут вступить в противоречие с уже действующими, в случае же когда уже присутствуют признаки конфликта, потребуются дополнительные управленческие действия по их минимизации.

Зафиксирован разрыв между разными типами социальных взаимодействий, а именно между видением горожанами будущего своего города и реальностью. Разрыв показывает слабость связей в социальном пространстве города и как следствие снижение режима социального участия в реализации концепции «умный город», ее потенциала человекоцентричности. Умный город на данный момент не является значимой характеристикой, элементом новой идентичности города.

Список литературы

1. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые. — Текст : непосредственный // Thesis. — 1993. — Вып. 2. — С. 137–150.
2. Веселова, А. О. Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения / А. О. Веселова, А. Н. Хацкелевич, Л. С. Ежова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» Perm University Herald. Economy. — 2018. — Т. 13, № 1. — С. 75–89.
3. Веселова, А. О. Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения / А. О. Веселова, А. Н. Хацкелевич, Л. С. Ежова. — Текст : электронный // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. — 2018. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sozdaniya-umnyh-gorodov-v-rossii-sistematizatsiya-problem-i-napravleniy-ih-resheniya> (дата обращения: 30.04.2021).
4. Воробьева, О. В. Умный горожанин в умном городе: обзор подходов в России и за рубежом / О. В. Воробьева, Е. А. Манжула, А. В. Яшина. — Текст : электронный // International Journal of Open Information Technologies. — 2019. — № 5. — С. 59–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umnyu-gorozhanin-v-umnom-gorode-obzor-podhodov-v-rossii-za-rubezhom>
5. Вотцель, Дж. Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан? / Дж. Вотцель, Е. Кузнецова. — Текст : электронный // MCKINSEY CENTER FOR GOVERNMENT. — 2018. — URL: <http://www.energoatlas.ru/wp-content/uploads/2018/09/Smart-city-solutions-What-drives-citizen-adoption-around-the-globe-RU-McCinsey.pdf>
6. Дробижева, Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания / Л. М. Дробижева. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 5. — С. 100–115.
7. Дроздова, Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей / Ю. А. Дроздова. — Текст : непосредственный // Вестник Института социологии. — 2019. — Т. 10, № 1. — С. 82–103.
8. Колодий, Н. А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям / Н. А. Колодий, В. С. Иванова, Н. А. Гончарова. — Текст : непосредственный // Социологический журнал. — 2020. — Т. 26, № 2. — С. 102–123.

9. Морозова, Е. В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семененко. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 3. — С. 56–77.
10. Смирнягин, Л. В. Эволюция места в ходе «Производства пространства» / Л. В. Смирнягин. — Текст : электронный // Символическая политика. — 2016. — №4. — С. 84–105. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mesta-v-hode-proizvodstva-prostranstva>
11. Тихонов, А. В. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей / А. В. Тихонов, В. С. Богданов. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2020. — №1. — С. 74–81.
12. Albino V., Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives / V. Albino, U. Berardi, R. Dangelico. — Text : direct // Journal of Urban Technology. — 2015. — Vol. 22, no. 1. — P. 3–21. <http://dx.doi.org/10.1080/10630732.2014.942092>
13. Angelidoua, M. An empirical investigation of social innovation initiatives for sustainable urban development / M. Angelidoua, A. Psaltoglou. — Text : direct // Sustainable Cities and Society journal. — 2017. — Vol. 33. — P. 113–125. DOI: 10.1016/j.scs.2017.05.016
14. Atkinson, R. The Small Towns conundrum: What do we do about them? / R. Atkinson. — Text : direct // Regional Statistics. — 2019. — Vol. 9, no. 2. — P. 1–17. DOI: 10.15196/RS090201
15. Baculáková, K. Selected aspects of smart city concepts / K. Baculáková. — Text : direct // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. — 2020. — Vol. 15, no. 3. — P. 68–80.
16. Batty, M. The New Science of Cities / M. Batty. — Cambridge, Massachusetts; London, England : The MIT Press, 2013. DOI: 10.2307/j.ct-t9qf7m6. — Text : direct.
17. Bauman, Z. Identity in the globalising world / Z. Bauman. — Text : direct // Social Anthropology. — Vol. 9, no. 2. — P. 121–129.
18. Bibri, S. E. Generating a vision for smart sustainable cities of the future: a scholarly backcasting approach / S. E. Bibri, J. Krogstie. — Text : direct // European Journal of Futures Research. — 2019. — Vol. 7, no. 5. <https://doi.org/10.1186/s40309-019-0157-0> p. 4
19. Biczynska, E. The Smart City of Medellín, its achievements and potential risks / E. Biczynska. — Text : direct // Urban Development Issues. — 2019. — Vol. 62(1). — P. 29–38. DOI: 10.2478/udi-2019-0011

20. Borén, T. Intra-urban connectedness, policy mobilities and creative city-making: national conservatism vs. urban (neo)liberalism / T. Borén, P. Grzyś, C. Young. — Text : direct // *European Urban and Regional Studies*. — 2020. — Vol. 27 (3). — P. 246–258.

21. Bramwell, A. Innovation and the “Ordinary” City? Urban Policy Making in a Digital Age / A. Bramwell. — Text : direct // *Political Science & Politics*. — 2020. — Vol. 53, no. 1. — P. 15–19. DOI: 10.1017/S104909651900132X

22. Brenner, N. What is critical urban theory? / N. Brenner. — Text : direct // *City: analysis of urban change, theory, action*. — 2009. — Vol. 13, no. 2–3. — P. 198–207. DOI: 10.1080/13604810902996466

23. Caprotti, F. Varieties of smart urbanism in the UK: discursive logics, the state and local urban context / F. Caprotti, R. Cowley. — Text : direct // *Transactions of the Institute of British Geographers*. — 2019. — Vol. 44, no. 3. — P. 587–601. <https://doi.org/10.1111/tran.12284>

24. Cardullo, P. Being a ‘citizen’ in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland / P. Cardullo, R. Kitchin. — Text : direct // *GeoJournal*. — 2019. — Vol. 84. — P. 1–13. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9845-8>

25. Coletta, C. From the accidental to articulated smart city : The creation and work of ‘Smart Dublin’ / C. Coletta, L. Heaphy, R. Kitchin. — Text : direct // *European Urban and Regional Studies*. — 2019. — Vol. 26, no. 4. — P. 349–364. DOI: 10.1177/0969776418785214

26. Cruz, N. F. New urban governance: A review of current themes and future priorities / N. F. Cruz, P. Philipp Rode, M. McQuarrie. — Text : direct // *Journal of Urban Affairs*. — 2019. — Vol. 41, no. 1. — P. 1–19. DOI: 10.1080/07352166.2018.1499416

27. D’Ambrosio Paul, J. From present to presentation: A philosophical critique of Hartmut Rosa’s “situational identity” / J. D’Ambrosio Paul. — Text : direct // *Time & Society*. — 2019. — Vol. 28, no. 3. <https://doi.org/10.1177%2F0961463X18787059>

28. Delanty, G. A cosmopolitan approach to the explanation of social change: social mechanisms, processes, modernity / G. Delanty. — Text : direct // *Sociological Review*. — 2012. — Vol. 60, no. 2. — P. 333–354.

29. Giffinger, R. Smart Cities: Ranking of European Medium-sized Cities / R. Giffinger, C. Fertner, H. Kramar, R. Kalasek, N. Pichler-Milanovic, E. Meijers. — Vienna University of Technology, 2007. — Text : direct.

30. Greenfield, A. *Against the Smart City* / A. Greenfield. — New York : Do Projects, 2013. — URL: <https://urbanomnibus.net/2013/10/against-the-smart-city>. — Text : electronic.

31. Grisel, M. *Multilevel Urban Governance or the Art of Working Together. Methods, Instruments and Practices* / M. Grisel, F. van de Waart (eds). European Urban Knowledge Network, 2011 — Text : direct.

32. Hollands, R. G. *Critical interventions into the corporate smart city* / R. G. Hollands. — Text : direct // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. — 2015. — vol. 8, no. 1, p. 61–77. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsu011>

33. Joss, S. *Smart Cities: Towards a New Citizenship Regime? A Discourse Analysis of the British Smart City Standard* / S. Joss, M. Cook, Y. Dayot. — Text : direct // *Journal of Urban Technology*. — 2017. — Vol. 24, no. 4. — P. 29–49. DOI: 10.1080/10630732.2017.1336027

34. Kitchin, R. *The real-time city? Big data and smart urbanism* / R. Kitchin. — Text : direct // *GeoJournal*. — 2014. — Vol. 79, no. 1. — P. 1–14. DOI: 10.1007/s10708-013-9516-8

35. Luque-Ayala, A. *Developing a critical understanding of smart urbanism?* / A. Luque-Ayala, S. Marvin. — Text : direct // *Urban studies*. — 2015. — Vol. 52, no. 12. — P. 2105–2116. <https://doi.org/10.1177/0042098015577319>

36. McFarlane, C. *On alternative smart cities* / C. McFarlane, O. Söderström. — Text : direct // *City: analysis of urban change, theory, action*. — 2017. — Vol. 21, no. 3_4. — P. 312–328. DOI: 10.1080/13604813.2017.1327166

37. Raco, M. *Critical urban cosmopolitanism and the governance of urban diversity in European cities* / M. Raco. — Text : direct // *European Urban and Regional Studies*. — 2018. — Vol. 25, no. 1. — P. 8–23. DOI: 10.1177/0969776416680393

38. Rodríguez-Pose, A. *The revenge of the places that don't matter (and what to do about it)* / A. Rodríguez-Pose. — Text : direct // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. — 2018. Vol. 11. — P. 189–209. DOI: 10.1093/cjres/rsx024

39. Rosa, H. *Social acceleration: a new theory of modernity* / H. Rosa. — New York : Columbia university press, 2013. — 512 p. — Text : direct.

40. Sadeghi, G. *Urban Morphology: Comparative Study of Different Schools of Thought* / G. Sadeghi, B. F. Li. — Text : direct // *Current Urban*

Studies. — 2019. — Vol. 7, no. 4. — P. 562–572. <https://doi.org/10.4236/cus.2019.74029>

41. Schindler, S. Florida in the Global South: How eurocentrism obscures global urban challenges--and what we can do about it / S. Schindler, J. Silver. — Text : direct // International journal of urban and regional research. — 2019. — Vol. 43, no. 4. — P. 794-805. DOI: 10.1111/1468-2427.12747

42. Scott, A. J. Resurgent Metropolis: Economy, Society and Urbanization in an Interconnected World / A. J. Scott. — Text : direct // International Journal of Urban and Regional Research. — 2008. — Vol. 32, no. 3. — P. 548–564. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2008.00795.x

43. Sheltona, T. The ‘actually existing smart city’ / T. Sheltona, M. Zook, A. Wiig. — Text : direct // Cambridge Journal of Regions. Economy and Society. — 2015. — Vol. 8, no. 1. — P. 13–25. DOI: 10.1093/cjres/rsu026

44. Terlouw, K. Rescaling Regional Identities: Communicating Thick and Thin Regional Identities / K. Terlouw. — Text : direct // Studies in Ethnicity and Nationalism. — 2009. — Vol. 9, no. 3. — P. 452–464.

45. Terlouw, K. From thick to thin regional identities? / K. Terlouw. — Text : direct // GeoJournal. — 2012. — Vol. 77. — P. 707–721. <https://doi.org/10.1007/s10708-011-9422-x>

46. Vanolo, A. Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy / A. Vanolo. — Text : direct // Urban Studies. — 2014. — Vol. 51. — P. 883–898.

47. Vanolo, A. Is there anybody out there? The place and role of citizens in tomorrow’s smart cities / A. Vanolo. — Text : direct // Futures. — 2016. — Vol. 82. — P. 26–36. DOI: 10.1016/j.futures.2016.05.010

48. Yavo-Ayalon, S. A City for Itself: A Peripheral Mixed City’s Struggle for Cultural Capital / S. Yavo-Ayalon, M. Aharon-Gutman, T. Alon-Mozes. — Text : direct // City & Community. — 2019. — Vol. 18, no. 3. DOI: 10.1111/cico.12431 P.792-811 P.796

49. Мониторинг Финансового университета при Правительстве РФ // Портал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://www.fa.ru/News/2023-11-20-topcities23.aspx>

50. Вклад крупнейших городских экономик в ВВП России // КБ Стрелка [сайт]. URL: <https://media.strelka-kb.com/gdp-russiancities>

51. Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф>

§ 3. Субъектность горожан как элемент современного управления развитием города

Приоритеты современного управления развитием города определяются концепцией «умный город», так как именно она занимает лидирующее положение среди прочих известных стратегий [37]. Ее доминирование в современных исследованиях определяется реакцией на трансформации, вызванные повсеместным использованием цифровых технологий, в том числе в городской среде, способствующих алгоритмизации процессов принятия решений, моделированию решения практических проблем современного города [23]. При этом концепция предполагает гибкость моделей ее реализации, что делает ее привлекательной для современной системы управления развитием города [38, с. 43].

Современные исследования показывают, что концепция «умный город» определяется как стратегический целевой ориентир городского развития [34, с. 5]; средство развития конкурентоспособности территории, способствующее привлечению капитала и рабочей силы в города [43, с. 16]; «эффективное использование ресурсов всеми участниками городской жизни, в первую очередь его жителями, тем самым обеспечивая им комфортную, безопасную и экологичную среду проживания» [1 с. 76]; инструмент позиционирования города как перспективного, процветающего и хорошо обеспеченного [32, с. 134].

Более того, на сегодняшний день можно утверждать, что концепция развивается в своих теоретических положениях, трансформируясь от технико-экономических основ к социальным базисам развития современных городов. Эти трансформации обусловлены изменениями приоритетов концепции с технологий на человека как цели и ресурса/капитала достижения нового качественного состояния города [26, 27, 20].

Именно это обуславливает тот факт, что в настоящее время ведущим элементом концепции и моделей ее реализации рассматривается умный горожанин. Анализ современных исследований позволяет выделить ключевые параметры оценки «умности» горожанина: квалифицированное использование в повседневной и профессиональной деятельности ИКТ [38]; высокий человеческий, социальный и интеллектуальный капитал [15, 24]; уровень доступности информации в городе о рынке труда; уровень активности интернет пользователей; уровень развития электронных карт учащихся (Индикаторы умных городов НИИТС-2017); социальная активность [31].

Социальная активность в городе является ключевой характеристикой при определении «умности» горожанина. Это подчеркивается и в современных документах, определяющих приоритеты развития городов. Так, например, в качестве ключевого целевого показателя в паспорте проекта, утвержденного приказом Минстроя России от 31 октября 2018 г. № 695/пр «Об утверждении паспорта ведомственного проекта Цифровизации городского хозяйства “Умный город”» выступает такой показатель, как «обеспечение роста доли жителей городов в возрасте старше 14 лет, имеющих возможность участвовать с использованием цифровых технологий в принятии решений по вопросам городского развития до 60% к 2024 году» [17, с. 31]. Необходимость достижения плановых показателей и статистическая отчетность по ним не всегда предоставляют возможность реальной оценки включенности горожанина в управление городом, характера его активности, связанности с процессами, происходящими в городе. Это актуализирует многосложность исследуемой проблемы, которая проявляется на сегодняшний день в том, что горожанину создаются посредством умных технологий условия для потребления предлагаемых услуг, например государственных и муниципальных, но увеличение их потребления не делает горожанина умным, исходя из параметров оценки его «умности». Более того, нельзя однозначно

говорить и о том, что предоставление услуг, востребованных горожанами, делает население частью системы городского управления, формирует потребность в активном участии в управленческих процессах. Практика применения законодательно закрепленных форм участия населения в решении городских вопросов, показывает, что их перечень недостаточен [7]. Соответственно, перечень параметров, которые бы определяли «умность» горожанина и возможность их включения в модели управления в рамках реализации концепции «умный город», не до конца определен.

Следовательно, вышеуказанные параметры «умности» горожанина засчитываются в качестве основы, но необходимо обратить внимание на уточнение содержания активности, ее характера и цели через систему дополнительных параметров, таких как городская идентичность, нормы доверия и солидарности.

Выбор данных параметров как системообразующих в управлении современным городом обуславливается тем фактом, что социальная активность горожанина — это как правило наблюдаемая деятельность [19, с. 6] со своим набором целей, норм, отношений с другими элементами города, от властей до городских сообществ. Социальная активность — это социальные отношения, которые определяются как процесс и результат [5, с. 19]. Следовательно, в исследовании «умности» горожанина большое значение играет не просто активность ради активности, а тот результат, на который она нацелена. Социальная активность горожанина принимается в качестве действенного выражения его субъектности.

«Город стал “местом жизни”, а не только “крепостью”, “рыночной площадью”, “местом работы”, “культурным перекрестком” или “человейником”. Вмещая в себя все эти ипостаси, он сегодня гораздо сильнее, чем в прежние эпохи, связан с отдельным человеком и различными группами, придерживающимися собственных принципов и правил жизни. Прямым следствием этого стало усиление субъектности горожанина, его включенности в выработку городской политики».

Ольга Вендина, социолог, урбанист, ведущий научный сотрудник Института географии РАН [2]

Активистский подход к содержанию субъектности в управлении развивается А. В. Тихоновым, который определяет ее как способность человека, с одной стороны, интернализировать «нормы и ценности общества», а с другой — «воздействовать на их компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при непрерывном возрастании обеспеченности ресурсами как групповой, так и персонифицированной деятельности» [21, с. 11]

Систематизируя характеристики субъектности в управлении, Р. М. Нигоматуллина определяет ее как «“линия натяжения” между институциональным телом и личностным влиянием, коллективным взаимодействием и индивидуальной инициативой», «определенные типы рациональности и моральной нормативности, которые связаны с присутствием или отсутствием управленческих институтов, а также культурных традиций данных социальных отношений», «формирования управленческих социальных институтов, способствующих “очеловечиванию” управления, формирующих компетентную субъектность» [14].

Адаптируя проблематику субъектности к современной российской действительности, А. А. Попов определяет, что «принципиальность российской социально-экономической ситуации и всей интеллектуальной культуры, ментальных установок, средств самоорганизации заключается в возможности освоения деятельности в комплексной субъективации агентов того или иного управленческого действия. Это означает, что человек выращивает на себе весь “организм/ансамбль” института управленческой практики, достраивая до полноты объективно отсутствующие институциональные элементы» [16].

Исследуя содержание субъектности горожанина, Д. М. Логунцова подчеркивает двойственный характер данного явления, с одной стороны, «качественная характеристика активности, действенности субъекта в его целенаправленной, целеполагающей деятельности», а с другой — «изменяемое качество, уровень которого определяется степенью развития самосо-

знания, самоопределения, структурой потребностей, характером возможностей», что, в свою очередь, определяет взаимовлияние горожанина и города в формировании свойства субъектности, а самоуправление — основой ее развития, в ходе которого формируется общественно значимая и ответственная деятельность горожанина и, как следствие, более развитый уровень субъектности [10].

Развивая позицию об ответственности как основании субъектности горожанина, Е. С. Качухова определяет, что «человек, не проявляющий активной вовлеченности в городские преобразования, неразличим как горожанин», а сама « субъектность горожанина возникает в момент осознания своей активности как способности формировать городские порядки. Тревога, порождаемая не участием в жизни города, стремление (часто бескорыстное) способствовать позитивным городским изменениям — маркеры, которые позволяют отличить потенциального горожанина от не-горожанина» [9].

Новой характеристикой субъектности городского жителя выступает фланерство как процесс слияния горожанина с городом, в котором для жителя «важен город как таковой, город как данность, его отношение к городу предполагает заинтересованность и бескорыстность» [13].

Соответственно, полагаем, что «умность» горожанина определяется степенью его субъектности в городе. Речь идет об изменении позиции горожанина в отношении того, что происходит в городе, его роли и места в этих городских процессах, о степени его вовлечения и участия в управлении развитием города.

«С одной стороны, горожанин является потребителем благ, производимых городам, а с другой — их создателем. Это константы, сохраняющиеся при смене эпох. Кроме того, в идеале горожанин должен быть не только объектом, но и субъектом управления городам. Но, как показывает опыт, эта задача решается трудно и редко».

Василий Бабуров, архитектор-урбанист, ведущий сотрудник Лаборатории градостроительных исследований МАРХИ [2]

Субъектность, по сути, является неотъемлемой частью концепции «умный город», так как именно через нее определяется характер связей между властными структурами и населением [11, с. 99].

Коммуникационные процессы, которые заложены в содержание модели «умного» города способствуют развитию субъектности горожанина, его связям с субъектами города (представителями власти, бизнеса, гражданского общества) для определения своей позиции в системе координат города, других групп и сообществ [13, с. 97].

«Электронное правительство и прочие коммуникативные сервисы значительно упростили контакт горожан и городской администрации, снимая с последней часть управленческой ответственности за принимаемые решения. Именно активной части городского сообщества принадлежит привилегия формировать наиболее привлекательный образ жизни и перспективы будущего, увлекая за собой большинство».

Ольга Вендина, социолог, урбанист, ведущий научный сотрудник Института географии РАН [2]

Современные исследования по тематике определения сущности понятия «субъектности» выделяют три группы показателей ее оценки:

- оценка работы властных структур по решению значимых проблем [18];
- оценка возможности трансформации социальной группы, индивида в деятельностного актора (ресурсы, доверие к группе);
- оценка особенностей межсубъектного взаимодействия (коммуникация, совместное обсуждение, участие, активность, информированность) [12].

Таким образом, субъектность в системе управления городом определяется как способность горожанина не просто индивидуально участвовать в решении проблем развития города, сколько вступать, инициировать, формировать систему социальных отношений, ориентированных на выработку согласованных решений по вопросам развития города, тем самым формируя элементы его социального пространства.

Рис. 1. Параметры субъектности горожанина

Субъектность принимается в качестве синтетического показателя, характеризующего не просто активность, но созидательную активность, основанную на нормах доверия, солидарности, идентичности, ответственности и соотношения своих действий с целями других субъектов города (представителей власти, бизнеса, гражданского общества). В данной работе не рассматриваются иные виды активности, а также пассивная и асоциальная часть горожан. Рабочее определение легло в основание исследования для определения связности между параметрами субъектности горожанина на примере городов тюменского региона. Используется метод декомпозиции ввиду сложности и тех дискурсов, что ведутся относительно исследуемых понятий, отсюда каждое понятие обсуждается отдельно по аналитическим соображениям.

Анализ современных исследований и публикаций по вопросам управления современным городом, позволил выделить два блока значимых для данного контекста тем: участие, вовлеченность горожан в процессы городского развития; поиск новых

ресурсов и потенциалов развития [30]. Полагаем, что эти два направления требуют своего объединения в силу того, что широкое участие населения в управлении уже само по себе является социальным ресурсом развития. Задача состоит в том, чтобы найти адекватные параметры, которые бы демонстрировали характер и цели социального участия, активности горожан.

Для системы управления городом (даже в рамках уже действующих нормативных документов по реализации концепции «умный город») актуализируется вопрос о субъекте активности, основаниях, целях, характере (конструктивный, созидательный, деконструктивный), результативности его участия. Перед органами власти встает задача не просто создания условий для участия горожан в управлении, но необходимости социального конструирования субъектных, социальных оснований для участия. К таковым субъектным основаниям относится социальное пространство города, которое предлагается в качестве объекта социального проектирования. Связность пространства есть показатель успешности развития города. Показателями связности выступают отношения горожан, которые проявляются через их городскую идентичность, социальную активность, основанную на нормах доверия и солидарности, т. е. речь идет о содержательных параметрах субъектности горожан.

Социальная активность принимается в качестве основания для актуализации человеческого/интеллектуального капитала индивида и развития городского сообщества. Высокий уровень социальной активности граждан имеет значение не только в политике как показатель развитости демократии, но и во всех других областях жизнедеятельности. Социальная активность идентифицирует субъектность горожанина, т. е. его способность к целеориентированной, осознанной и ответственной деятельности, характер его участия в управлении города и его развитии, в том числе в реализации концепции «умный город».

Результативность социальной активности соизмеряется с городской идентичностью горожан. Можно предположить, что социальная активность городских субъектов, основанная

на нормах доверия и солидарности, высоком уровне городской идентичности горожан, свидетельствует о тесноте связи между горожанами и городом, связности социального пространства города. Данный подход согласуется с пониманием умного города как пространства, места, обогащенного присвоением смыслов [32, с. 137], и дополняется тезисом о социальном пространстве, генерирующем этот смысл.

При определении содержательных характеристик социальной активности необходимо указать на участие горожан в управлении, что имеет прямую связь с развитостью социального капитала, городской идентичностью горожан и нормами доверия [39, с. 565]. При анализе социальной активности участия горожан в развитии города важен не столько количественный показатель числа действующих, сколько их продуктивность и созидательность. За основу принята модель результативности участия, которая формирует характер и направления субъектности, когда горожане:

- могут делать (имеют достаточно знаний, навыков и ресурсов для участия);
- любят (действуют исходя из «чувства места» и веры в сообщество);
- имеют возможность (хорошо поддерживаются органами власти для участия);
- просят (активно обращаются заинтересованные стороны, чтобы присоединиться);
- реагируют (могут видеть, что их деятельность имеет значение) [34, с. 27].

В продолжение добавим:

- готовы к сотрудничеству с другими субъектами города;
- имеют высокую степень доверия (обобщенного, личного, институционального);
- проявляют высокую степень ответственности (синхронизация своих целей, потребностей, интересов с другими субъектами городского сообщества).

«И только в настоящее время возникло явление городского активизма (где предполагается обратное движение, снизу вверх), когда жители или приезжие, неудовлетворенные своей жизнью в городе, начинают сами, под свою собственную ответственность проявлять инициативы, реализовывать свои проекты городского развития. Активисты озеленяют город, создают городскую мебель и обсуждают и решают возникшие проблемы. В основе такой активности методы вовлечения местного сообщества, партисипативные практики преобразования городской среды».

Николай Прянишников, руководитель направления «Культурный менеджмент» факультета управления социокультурными проектами Московской высшей школы социально-экономических наук, научный сотрудник НИУ ВШЭ, член Союза московских архитекторов [2]

В рамках концепции «умный город» внимание акцентируется на участии населения в городском управлении на базе информационных муниципальных платформ. Вовлеченность и участие горожан в жизни города посредством этих платформ, рассматривается как положительный аргумент, тренажер для формирования субъектности горожан. Тем не менее стоит указать и на проблемы, а именно на возможность продуктивного и реального влияния людей на процессы принятия и реализации управленческих решений в отношении городского развития. Проблема видится в том, что участие горожан в управлении в большей части не затрагивает стратегические перспективы, видения развития города, ограничиваясь локальными вопросами решения тактических задач, проблем, личных потребностей людей, и здесь связность человека и города весьма тонкая и нечеткая.

Определяя содержание социальной активности как базовой составляющей субъектности горожанина, мы придерживаемся позиции различения понятий вовлеченности, участия, протеста [33, с. 32].

Понятия вовлеченности и участия не тождественны, они различаются степенью субъектности горожан. Вовлеченность и участие есть две формы конструктивного действия горожанина. Применительно к построению умного города полагаем, что вовлеченность горожан скорее относится к процессу использо-

вания цифровых сервисов как способу взаимодействия с органами власти, который сформирован организационно-властными структурами. Участие же предполагает формирование условий и механизмов для выстраивания и действенности отношений между представителями власти и горожанами, где та и другая сторона может выступать инициатором по определению форм/платформ взаимодействия для принятия решений по вопросам развития города.

Степень субъектности горожан/-ина определяется характером, направленностью, целеориентацией их/его деятельности по развитию города и городского сообщества. Ведущим элементом субъектности горожанина принята его деятельность, направленная на достижение целей развития, интересов и потребностей не только личностных, но и городского сообщества, региона, страны в целом. Для определения форм, уровня и структуры участия горожан в управлении приняты идеи, которые представлены в работах П. Кардулло, Р. Китчена [28].

Осознанное участие в конструировании городского пространства возможно лишь при развитии городской идентичности, которая наравне с социальной активностью выступает содержательным основанием субъектности горожанина.

Принимается тезис о том, что осознанность активности горожан напрямую связана с уровнем их городской идентичности в силу того, что последняя образует «когнитивную логику» для действия [41, с. 261]. Данный подход согласуется с идеями деятельностного подхода Р. Дженкинса [35, с. 5] и М. Кастельса о том, что именно идентичности организуют смысл цели деятельности [29, с. 7]. Дополнительным аргументом в пользу выбранного для исследования подхода считаем вывод Л. М. Дробижевой о наличии в структуре идентичности когнитивной и эмоциональной компоненты, которые вместе определяют регулятивную компоненту [6, с. 12]. Соответственно, все это определя-

ет «действенную» позицию горожан, их включенность в управление развитием города.

Анализу условий развития субъектности горожан, форм ее проявления через соотношение с такими параметрами, как идентичность, солидарность и доверие, была также посвящена часть проведенного комплексного исследования методом опроса жителей шести городов Тюменской области (Тюмень, Тобольск, Ханты-Мансийск, Сургут, Салехард, Новый Уренгой).

Анализ результатов показывает, что социальная активность как параметр современного горожанина присуща не всем жителям. Около половины респондентов в разных городах отражают пассивную позицию — неучастия. Активность проявляется в большей степени в локальном масштабе: горожане участвуют в решении вопросов, связанных с работой, учебой или местом жительства. Участие в принятии важных для города решений принимают от 5% до 11% горожан (рис. 2).

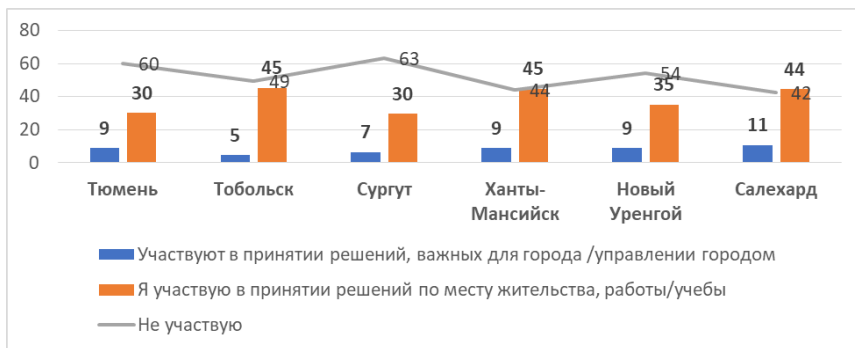

Рис. 2. Самооценка участия респондентов в жизни города, %

Возможно, это обусловлено тем фактором, что современный горожанин идентифицирует себя и свою жизнь с городом, но не верит, что его активность востребована и может реально повлиять на процессы городского развития (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Как бы Вы охарактеризовали свое место в городе?», %**

	Тю- мень	То- больск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
Я значим и востре- бован в городе	8	1	6	7	8	8
Я обладаю высоким статусом в городе	3	1	3	5	3	3
Я реализовался в этом городе как человек и как про- фессионал	28	39	33	38	31	39
Я — часть этого горо- да, но обычный горо- жанин, мало на что вливаю в нем	46	46	45	43	45	41
Я ответственный го- рожанин	36	30	31	35	41	30
Не могу назвать себя частью города, он скорее чужой для меня	5	5	10	5	8	7
Я не смог реали- зовать себя в этом городе	3	4	5	3	3	3
Я незначительная пылинка в городе, от которой ничего не зависит	11	7	5	7	8	8
нет ответа	1	0	1	2	1	1

Примечание: можно было выбрать несколько вариантов.

Немаловажным условием проявления субъектной позиции горожан является наличие механизмов, способствующих проявлению активности в решении городских вопросов. Ответы респондентов свидетельствуют о том, что проявление активности носит стихийный, бессистемный и даже иногда разовый характер (рис. 3). Только 21% респондентов пытались сформировать сообщество для решения проблем территории. Следовательно, для трансформации активности в субъектность необходимо выстраивать систему взаимодействия субъектов городского пространства на постоянной основе, в том числе с использованием информационно-коммуникационных платформ, в рамках которой горожане, обладающие свойством субъектности, могли объединять жителей для конструктивного взаимодействия. Результаты отражают минимальное наличие протестной активности (3%), большинство горожан настроены на конструктивный диалог в рамках решения вопросов развития территории.

Большого разрыва в позициях респондентов в разрезе городов не наблюдается (табл. 2). Помимо предложенных форм проявления активности респонденты часто делились своим опытом участия в решении городских вопросов:

— благотворительная деятельность («жертвовал деньги в фонд помощи бездомным животным» «помощь детям на лечение»);

— экологическая деятельность («проводила открытые уроки по проблемам экологии и загрязнения», «создавала баннер, посвященный экологическим проблемам нашего города вместе с учениками»);

— работа с молодежью («занимаюсь активной молодежной деятельностью», «работал в молодежной политике»);

— благоустройство территории («регулярно проводим субботники во дворе», «уборка придомовой территории, посадка деревьев и цветов возле дома»);

— территориальное развитие города («участвовал в выборе архитектурных решений города»);

- политическая активность («участвовал в выборах», «принимала участие в агитгруппах выборной компании»);
- работа в общественной организации.

Рис 3. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных действий Вы совершали хотя бы один раз», в целом по выборке, %

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Какие из перечисленных действий
Вы совершали хотя бы один раз», %**

	Тю- мень	То- больск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Участвовал в город- ских слушаниях	19	21	14	26	19	22
Участвовал в терри- ториальных собрани- ях граждан	23	41	12	18	20	14
Участвовал в работе ТОСа	4	2	10	5	3	3
Участвовал в со- циальных проектах по развитию города	13	15	14	20	17	24
Участвовал в акциях по решению проблем города	12	9	12	17	16	20
Публиковал пост от- носительно социаль- ной проблемы города	12	15	13	11	13	19
Подписывал пети- цию (письменное обращение в органы власти)	36	35	32	34	26	27
Сам писал обраще- ния, жалобы в орга- ны власти	19	13	14	18	19	20
Участвовал в эколо- гических мероприя- тиях	16	21	24	34	32	38

1	2	3	4	5	6	7
Пытался мобилизовать своих соседей, коллег, знакомых на какое-то действие, мероприятие, направленное на исправление/улучшение в своем дворе, городе	18	17	19	23	22	28
Участвовал в акции протеста	4	2	4	4	1	4
Жертвовал деньги общественной организации, занимающейся проблемами города	15	14	18	19	21	18
Другое	4	2	6	3	2	3
Нет ответа	8	6	15	5	8	5

Заявленный ранее тезис о том, что субъектная позиция горожанина активнее проявляется при наличии каналов конструктивного взаимодействия, подтверждают результаты исследования. Так, дополнительную содержательную характеристику участия респондентов в жизни города демонстрировали вопросы о готовности участвовать в разработке стратегии развития города (оценка готовности респондентов взять на себя ответственность за городские процессы, за будущее города) (табл. 3) и готовности сотрудничать с местными органами власти для решения городских проблем (табл. 4).

Более половины респондентов отмечают, что хотели бы принимать участие в разработке стратегии развития города и готовы сотрудничать с городскими властями в процессе управления городским пространством.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы участвовать в разработке стратегии развития своего города?», %

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
Да	53	64	56	64	58	67
Нет	47	36	44	35	42	32
Нет ответа	1	0	0	0	0	1
	100	100	100	100	100	100

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Готовность сотрудничать с городскими властями», %

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
Готовы	50	60	52	64	53	65
Не готовы	23	16	27	13	19	15
Затруднились с ответом	27	24	21	23	28	20
	100	100	100	100	100	100

Желание и готовность как условия субъектности не всегда совпадают, однако в отношении вопросов городского развития респонденты проявляют практически однозначные позиции (рис. 4).

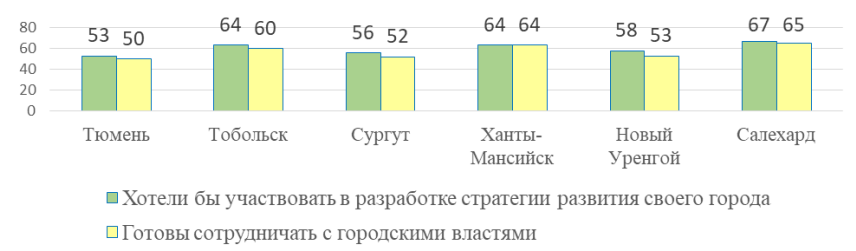

Рис. 4. Доля респондентов, которые хотели бы участвовать в разработке стратегии развития своего города и готовы к сотрудничеству с городскими властями, % от выборки в каждом городе

Таким образом, результаты исследования показали, что сами жители не осознают своей субъектности в системе управления развитием города, лишь незначительная доля респондентов (8% в целом по выборке) считают, что в той или иной форме они участвуют в принятии решений, важных для города. Более активно субъектная роль горожанина проявляется на уровне организации или соседства — более трети респондентов оценили свою активную роль в принятии решений (37%). Большая же часть горожан не принимают участия в жизни города (53% в целом по выборке), более того 10% из них не видят в этом необходимости. Тем не менее более половины респондентов выразили готовность участвовать в формировании городского порядка и способствовать развитию своего города (рис. 7). Безусловно есть зависимость между существующим опытом участия в управлении и стремлением к таковому. Корреляция между оценкой участия в жизни города и готовностью к сотрудничеству с властями, стремлением участвовать в разработке стратегии города значима (коэффициенты по Спирмену 0,326 и 0,276 соответственно, ошибка менее 0,0001). Однако среди тех, кто в настоящее время нигде не участвует (выбран вариант «я не участвую в жизни города»), 46% готовы или скорее готовы сотрудничать с местными органами власти по решению городских проблем и 49% хотели бы участвовать в разработке стратегии развития своего города.

Определенный опыт участия и вовлеченность в решение отдельных городских задач есть у большинства респондентов — табл. 2, рис. 3. В основном это пассивные практики гражданского участия — 32% респондентов в целом по выборке «жертвовали деньги общественной организации, занимающейся проблемами города», 17% — «подписывали петицию (письменное обращение в органы власти)». Однако каждый пятый горожанин имеет опыт участия в конструктивных практиках, подразумевающих активные действия. 17% в целом по выборке — принимали участие в социальных проектах; 26% — в экологических акциях; 21% — пытались мобилизовать своих соседей, коллег, знакомых на действие, мероприя-

тие, направленное на исправление/улучшение в своем дворе, городе; 14% — участвовали в акциях по решению проблем города.

Мотивация участия в жизни города может иметь самый разных характер (рис. 5). Помимо своекорыстных и потребительских мотивов — «познакомиться с полезными людьми, сделать карьеру» (17%), «быть информированным о том, что происходит в городе» (51%), «общение с новыми людьми» (28%), к участию в развитии города респондентов побуждают просоциальные мотивы — «хочу улучшить жизнь в своем городе» (42%), «своим участием хочу улучшить формы и методы управления городом» (13%), и мотивы самореализации — «для передачи своих идей и предложений по улучшению города» (11%), «хочу участвовать в разработке управленческих решений, которые касаются развития города» (16%).

Рис. 5. Мотивы участия в жизни города, % в целом по выборке.

*Можно было выбрать несколько вариантов

Среди причин «неучастия» помимо «традиционного» ответа для объяснения своей пассивности — «нет времени», наиболее популярный ответ — «отсутствие информации о способах участия в городских проектах» — 22%. 16% респондентов причинами неучастия называют «отсутствие каналов (способов) взаимодействия с органами городского управления», 12% — «отсутствие современных информационных платформ взаимодействия власти и населения». То есть те проблемы, на решение которых могут быть направлены технологии «умного города». Кроме того, причинами неучастия являются стереотипы о системе управления в нашем обществе и оценка позиции властей — 17% считают, что «никто не заинтересован в моем участии», 11% не видят реакции на инициативы граждан и общественных организаций (рис. 6).

Рис. 6. Причины, которые, не позволяют респондентам принять активное участие в развитии города, % в целом по выборке.

*Можно было выбрать несколько вариантов

В целом в результате анализа ответов респондентов относительно проявления активности и участия в процессах городского

го развития было определено, что не все горожане готовы проявлять активность, участвовать в различных организационных механизмах, формирующих возможность влиять на решение проблем города. Соотношение активных и неактивных жителей примерно одинаково, но реально систематически проявляющих активность и выступающих в роли субъекта изменений городского пространства гораздо меньше. Одним из условий повышения доли таких горожан является ограниченность механизмов взаимодействия с органами власти, отсутствие ощущения востребованности у горожан выступать в качестве субъекта управления, опыта консолидации усилий сообщества для решения проблем, информационно-коммуникационных платформ для конструктивного диалога власти и населения.

Немаловажным фактором формирования субъектности является городская идентичность и идентичность горожан. Результаты исследования подтверждают тезис о том, что городская идентичность и социальная активность горожан взаимосвязаны: чем выше уровень городской идентичности, тем активнее горожане принимают участие в управлении как на уровне города, так по месту жительства и/или занятости (рис. 7).

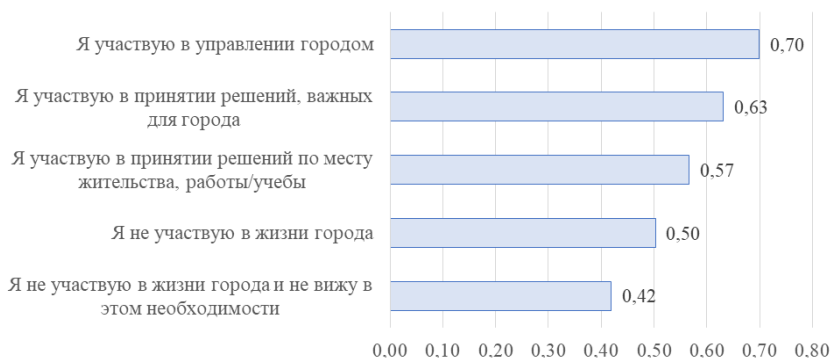

Рис. 7. Соотношение социальной активности жителей с уровнем городской идентичности, индекс

В группе с высоким уровнем городской идентичности доля участвующих в решении городских проблем — 11%, в принятии решений по месту жительства/работы/учебы — 46%; в группе с низким уровнем — 3% и 29% соответственно (рис. 8). Следовательно, субъектность горожанина проявляется активнее, если присутствует высокий уровень идентичности.

Рис. 8. Социальная активность населения в группах респондентов с разным уровнем идентичности, %

Связь между уровнем городской идентичности и участием в деятельности организации проявляется только тогда, когда цели самой организации основаны на социальном интересе и стремлении к решению общих проблем, а участие подразумевает построение тесных взаимоотношений и взаимодействия (рис. 8).

Зависимость участия горожан в различных формах организованной активности от уровня идентичности также отражается в результатах исследования. Уровень городской идентичности коррелирует с участием в следующих организациях и социальных практиках: профсоюз; экологическая организация; профессиональная ассоциация; группы взаимопомощи; совет при органах государственной власти, местного самоуправления; организация по самоуправлению по месту жительства; город-

ские публичные слушания (рис. 9). В подгруппе *активно участвующий* в данных организациях и движениях уровень городской идентичности выше по меньшей мере на пункт по сравнению с теми, кто не участвует в них.

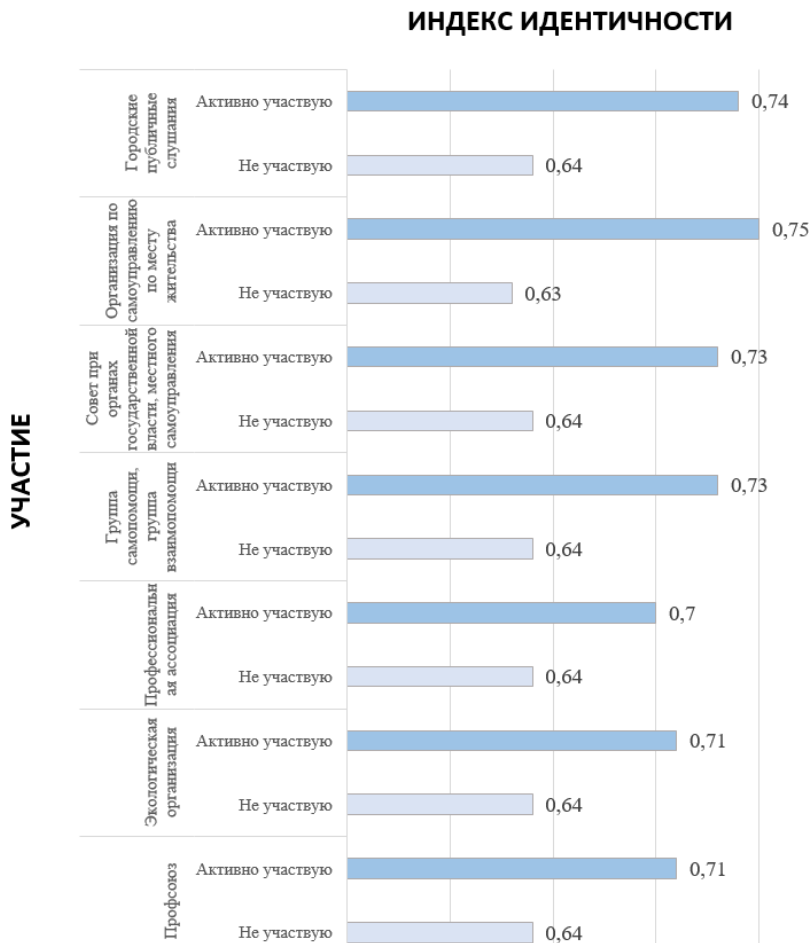

Рис. 9. Соотношение участия горожан в организованных формах активности с уровнем городской идентичности, индекс

Уровень городской идентичности оказывает влияние и на то, в каких гражданских практиках участвуют горожане (рис. 10). Как показывают результаты исследования, чем выше уровень идентичности, тем чаще горожане принимают участие в:

1. Практиках «коллективного управления»:
 - «участвовал в городских слушаниях»;
 - «в территориальных собраниях граждан»;
 - «участвовал в работе ТОСа».
2. Практиках, которые затрагивают общественные интересы.
3. Конструктивной созидательной деятельности по решению общих проблем:
 - «участвовал в акциях по решению проблем города»;
 - «пытался мобилизовать своих соседей, коллег, знакомых на действие, мероприятие, направленное на исправление/улучшение в своем дворе, городе»;
 - «участвовал в экологических мероприятиях».

Рис. 10. Виды проявления социальной активности с повышением уровня идентичности, индекс

Рейтинг мотивов участия респондентов в решении городских задач и различных социальных городских практиках мало различается в группах с разным уровнем городской идентично-

сти горожан (рис. 11). Три первых позиции занимают одинаковые мотивы, но с разной долей приверженцев им. Однако четвертая позиция принципиально отличается: если в группе с высоким уровнем идентичности это желание участвовать в принятии совместных управленческих решений, касающихся развития города, то в группах с низким и средним уровнем городской идентичности — мотив своекорыстный, «сделать карьеру, познакомиться с нужными людьми» (рис. 11).

Рис. 11. Мотивы участия в жизни города в группах с разным уровнем городской идентичности, % от подвыборок

Таким образом, проведенное исследование показывает, что субъектность горожанина напрямую зависит от уровня идентичности: чем выше идентичность горожанина, тем активнее его позиция и выше степень участия в различных социальных

практиках. Кроме того, желание участвовать именно в управлении городом, выступать в качестве субъекта управления, проявлять интерес к процессам развития городского пространства и стремление к улучшениям наблюдается у жителей с самым высоким уровнем идентичности.

Среди условий, которые будут способствовать участию горожан в совместном решении городских проблем, наиболее важными являются ключевые характеристики социального пространства — солидарность и доверие. И это вполне осознают горожане: 53% респондентов считают, что таким условием является «наличие общих взглядов и ответственности за наш город и наше будущее», и 40% — «если организатором будет выступать человек, которому я доверяю». Это самые популярные ответы на вопрос «При каких условиях Вы готовы совместно с другими людьми Вашего города участвовать в общих городских мероприятиях?» (рис. 12).

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос «При каких условиях Вы готовы совместно с другими людьми Вашего города участвовать в общих городских мероприятиях?», % от выборки в целом

Солидарность как способность к объединению для решения проблем развития города является значимым параметром для развития субъектности жителей. Результаты ответов респондентов на вопрос «Есть люди, готовые объединяться для совместных действий, если их интересы и действия совпадают. И есть люди, не готовые объединяться для совместных действий, даже если их интересы и действия совпадают. К кому бы Вы отнесли себя — к первым или ко вторым?» показывают, что, в отличие от доверия, процент готовых к объединению несколько ниже и варьируется в разных городах в диапазоне 18–26%. Примерно треть респондентов не определились с позицией (табл. 5).

Таблица 5

Готовность к объединению для совместных действий

	Тю- мень	То- больск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
Не готов объеди- няться для совме- стных действий	10	13	7	6	8	8
Скорее не готов	11	8	16	9	9	10
Затруднились с от- ветом	34	37	32	30	34	32
Скорее готов	22	20	24	30	28	23
Готов объединять- ся для совместных действий	20	20	18	24	20	26
Нет ответа	2	1	2	1	1	1
	100	100	100	100	100	100

Как было отмечено ранее, доверие и солидарность являются основанием проявления позитивной созидательной активности и деятельности горожан. Поскольку именно эти показатели определяют характер связей и отношений между жителями, организациями, функционирующими в городе, органами публич-

ной власти и являются условиями формирования субъектности современного горожанина.

В исследовании были выделены такие виды доверия, как:

— «институциональное» — доверие к организациям и структурам, обеспечивающим надежность стабильность социальных связей и отношений городского сообщества;

— «обобщенное доверие» — как отношение к лично незнакомым людям, в нашем случае доверие к жителям города;

— доверие «к ближнему кругу» — коллегам, руководителям, соседям, тем людям, с которыми непосредственно коммуницирует респондент.

Также была проведена оценка доверия к инструментам участия в управлении городом (рис. 13).

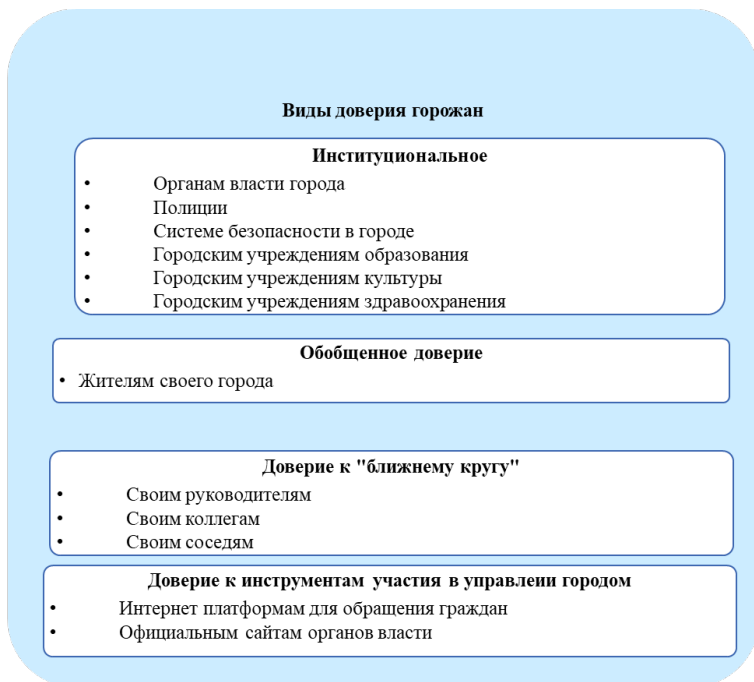

Рис. 13. Виды доверия в городском пространстве

В ходе исследования уровень доверия оценивался по 5-балльной шкале, где 1 — это число максимально отрицательного значения, соответствующее утверждению «совершенно не доверяю», 5 — максимально положительное значение, которому соответствовал шкальный вариант ответа — «полностью доверяю». Индекс доверия вычислялся как средневзвешенное, где 1 соответствовала — «все полностью доверяют», 0 — соответствовал «все полностью не доверяют». Оценка проводилась по формуле $(1 \times \text{«Полностью доверяю»} + 0,75 \times \text{«Пожалуй, доверяю»} + 0,5 \times \text{«Трудно сказать точно»} + 0,25 \times \text{«Не очень доверяю»}) / (100 - \text{«Не знаю, отказ»})$. Сумма всех индексов категорий, деленная на их количество, позволила получить сводные индексы (табл. 6).

Таблица 6

**Индексы доверия по видовому
и территориальному распределению**

	Тю- мень	То- больск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
1	2	3	4	5	6	7
<i>Институциональное доверие</i>						
Органам власти го- рода	0,54	0,50	0,50	0,51	0,52	0,52
Полиции	0,53	0,45	0,50	0,55	0,55	0,56
Системе безопасно- сти в городе	0,56	0,45	0,55	0,58	0,55	0,57
Городским учрежде- ниям образования	0,62	0,64	0,63	0,65	0,63	0,63
Городским учрежде- ниям культуры	0,67	0,65	0,66	0,71	0,67	0,65
Городским учреж- дениям здравоохра- нения	0,59	0,51	0,61	0,66	0,55	0,56

1	2	3	4	5	6	7
Институциональное доверие — индекс сводный	0,58	0,53	0,57	0,61	0,58	0,58
<i>Обобщенное доверие</i>						
Жителям своего города	0,58	0,55	0,59	0,62	0,62	0,62
<i>Доверие к «ближнему кругу»</i>						
Своим руководителям	0,61	0,58	0,63	0,64	0,64	0,60
Своим коллегам	0,66	0,67	0,68	0,70	0,68	0,67
Своим соседям	0,60	0,61	0,59	0,64	0,62	0,63
Доверие к ближнему кругу — индекс сводный	0,62	0,62	0,63	0,66	0,64	0,63
<i>Доверие к инструментам участия в управлении городом</i>						
Интернет платформам для обращения граждан	0,57	0,46	0,55	0,60	0,55	0,56
Официальным сайтам органов власти	0,58	0,49	0,54	0,60	0,54	0,53
Доверие к инструментам участия в управлении городом — индекс сводный	0,58	0,48	0,55	0,60	0,54	0,54

Уровень доверия, как и показанный ранее уровень идентичности у респондентов, которые считают, что они в той или иной форме принимают участие в управлении городом, проявляя свою субъектную позицию, на 1 пункт выше, чем у тех, кто не согласен с этими утверждениями (табл. 7).

Таблица 7

**Индексы городской идентичности и доверия
в группах респондентов, по-разному оценивающих свое участие
в управлении городом, индексы**

		Индексы				
		Уровень городской идентичности	Институциональное доверие	Доверие к инструментам участия	Доверие к «ближнему кругу»	Доверие к жителям своего города
Я информирован о том, что происходит в городе	Не согласен	0,57	0,48	0,45	0,56	0,54
	Согласен	0,68	0,62	0,59	0,66	0,61
Мое мнение, позиция, пожелания учитываются при решении городского проекта, проблемы, инициативы	Не согласен	0,63	0,55	0,52	0,62	0,58
	Согласен	0,71	0,68	0,67	0,70	0,66
Я участвую в разработке совместных проектов и решений по городскому управлению	Не согласен	0,64	0,56	0,54	0,62	0,58
	Согласен	0,73	0,68	0,67	0,71	0,66
На каждом этапе принятия решения по каким-то вопросам развития города я как активист участвую в этой работе	Не согласен	0,64	0,56	0,53	0,62	0,58
	Согласен	0,74	0,68	0,68	0,72	0,69
Я самостоятельно / с группой могу принимать решения по отдельным вопросам/проблемам города	Не согласен	0,63	0,56	0,53	0,62	0,58
	Согласен	0,71	0,64	0,64	0,69	0,65

Следовательно, полученные результаты подтверждают, что существует тесная связь между субъектностью горожанина с доверием, сформировавшимися в городском сообществе.

Таким образом, субъектность горожанина определяется его активностью, основанной на высоком уровне городской идентичности, подкрепленной доверием и солидарностью с членами городского сообщества. Именно данные параметры обеспечивают продуктивность и созидательную направленность социальной активности горожан и, как следствие, развитие субъектности жителей города.

Следуя традиции М. Вебера, мы попытались сформулировать прогностические характеристики «умного горожанина». Субъектность горожанина принята в качестве параметра «умности» горожанина. Субъектность горожанина включает в себя целенаправленную действенность, осознанность, ответственность при реализации своей социальной активности. Заинтересованность и участие горожан в управлении развитием города, созидательность социальной активности соизмеримы с высоким уровнем идентичности горожан с городом, институциональным и межличностным доверием и солидарностью с членами городского сообщества.

Проведенное исследование показывает, что в современной городской действительности реализация концепции «умный город» как стратегического приоритета опирается на горожанина как главного субъекта данного процесса. В структуре характеристик «умного горожанина» ведущую позицию занимает субъектность, которая с позиции деятельностного и системного подходов, как показывает исследование, определяется взаимовлиянием активности участия в управлении развитием города и уровня городской идентичности горожан.

Результаты эмпирического исследования подтверждают тезис о связности городской идентичности горожан и их социальной активности на основе и в зависимости от доверия горожан к различным городским структурам, что одновременно обеспечивает целеориентированный и осознанный характер субъектности.

Подтвержденная в ходе исследования взаимосвязь доверия, идентичности, социальной активности горожанина подводит к тезису о необходимости учета в управленческой практике данных параметров в рамках реализации концепции «умный город».

В концепции «умный город» особое внимание уделено «умному горожанину». «Умный горожанин» — это человек, который обладает высоким человеческим капиталом, который способствует освоению и применению профессионально и в повседневной практике ИКТ, умных технологий в сочетании с проявлением социальной активности, социального участия в жизни города и его управлении.

В дополнение к данным характеристикам мы предлагаем рассматривать горожанина как умного через призму характеристик его субъектности, что детализирует участие горожанина через его осознанность действий, мотивацию и т. д. При этом приходится признать, что подобными характеристиками обладают не все горожане. Дискуссионным остается вопрос о желании и готовности горожан проявлять свою субъектность. Наконец, насколько система управления городом готова к участию горожан в управлении, к возможности создания условий для формирования субъектности горожан, имеются ли инструменты и технологии для решения данных задач? То есть спектр вопросов, которые возникают вокруг понятия «умный горожанин», только расширяется.

Свою задачу мы видим не только в том, чтобы обозначить характеристики субъектности горожанина как умного, но и показать, что они могут быть использованы при формировании как модели реализации концепции «умный город», так и управленческих действий, направленных на создание условий и мер по формированию субъектности горожан.

Принятие тезиса о субъектности горожанина как активного элемента не просто городской жизни, но и участника системы управления городом требует соблюдения определенных условий для решения данной задачи. Внимание обращено на опре-

деление содержания и сущности субъектности горожанина, способности к созиданию, солидарности, доверию и общности в решении коллективных целей и задач.

Речь идет о способности горожан к управлению развитием городского сообщества, о наличии свойств, обеспечивающих взаимодействие между городом и горожанами. Синхронизация производства целей, ценностей, смысловых образов и перспектив между активными субъектами городских отношений выступает показателем, который характеризует качество социального пространства города, приобретая черты ресурса развития. Инструментально эта задача решается посредством городской политики, политики конструирования социального пространства города.

Значимой исследовательской проблемой является вопрос о механизмах реализации социальной активности горожан. К таковым отнесены институциональные условия, социальные технологии участия и вовлеченности населения в процессы управления развитием города.

На данных социологических исследованиях в шести городах тюменского региона показано, как измеряется субъектность горожанина через призму городской идентичности и социальной активности, где высокий уровень идентичности, подкрепленный доверием и солидарностью с членами городского сообщества и субъектами управления городом, обеспечивает продуктивность и созидательную направленность социальной активности горожан.

Список литературы

1. Веселова, А. О. Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения / А. О. Веселова, А. Н. Хацкелевич, Л. С. Ежова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. — 2018. — Т. 13, № 1. — С. 75–89. DOI: 10.17072/1994-9960-2018-1-75-89

2. Виноградова О. Настоящее и будущее города / О. Виноградова. URL: <https://snob.ru/selected/entry/104070>. — Текст : электронный.
3. Горнова, Г. В. Структура городской идентичности / Г. В. Горнова. — Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. — 2018. — № 3 (20). — С. 14–16.
4. Горшков, М. К. Модернизационный потенциал идентичности / М. К. Горшков. — Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Москва : Новый хронограф, 2013.
5. Донати, П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма / П. Донати ; сост. Е. А. Кострова. Москва, 2019. — Текст : непосредственный.
6. Дробижева, Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества / Л. М. Дробижева. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 4. — С. 7–22. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02.
7. Желнина, А. А. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России / А. А. Желнина, Е. В. Тыканова. — Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2019. — № 22(1). — С. 162–192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>
8. Индикаторы умных городов НИИТС-2017. — Текст : электронный // Официальный сайт АО «Национальный исследовательский институт технологий и связи». — URL: <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf> (дата обращения: 26.02.2022)
9. Кочухова, Е. С. Невозможно быть безответственным: формула горожанина по версии экспертов городских проектов / Е. С. Кочухова. — Текст : непосредственный // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего : сборник научных статей I международной научной конференции 22–23 сентября 2016. — Екатеринбург: Деловая книга, 2016. — С. 170–177.
10. Логунцова, Д. М. Проблемная ситуация самоопределения и самореализации субъекта в современном городском социуме / Д. М. Логунцова. — Текст : непосредственный // Мир психологии. — 2006. — №. 2. — С. 216–223.

11. Мерзляков, А. А. Проблема субъектности в социологии управления / А. А. Мерзляков. — Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. — 2018. — Т. 6, № 4. — С. 95–104. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6087>.
12. Мерзляков, А. А. К вопросу о показателях исследования субъектности в социологии управления / А. А. Мерзляков. — Текст : непосредственный // Образование и наука в современном мире. Инновации. — 2020. — № 5(30). — С. 75–89.
13. Новикова, О. В. «Дрейфуя по городу: к проблеме конструирования субъектности горожанина» / О. В. Новикова. — Текст : непосредственный // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2021. — С. 226–231
14. Нигоматуллина, Р. М. Субъектность в современном управлении / Р. М. Нигоматуллина. — Текст : непосредственный // Мanusкрипт. — 2020. — №12. — С. 209–213.
15. Перезолова, А. С. О проблеме публичного управления в концепции умных городов / А. С. Перезолова. — Текст : непосредственный // ПОЛИТЭКС Политическая экспертиза. — 2015. — Т. 11, № 2. — С. 131–143.
16. Попов, А. А. Русские компетенции / А. А. Попов. — URL: <http://оренсу.ru/uploads/files/rucomp.pdf>. — Текст : электронный.
17. Приказ Минстроя России от 25 декабря 2020 г. №866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город». — с. 40. — С. 31. — URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/81884>. — Текст : электронный.
18. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / под ред. А. В. Тихонова. — Москва, 2017. — Текст : непосредственный.
19. Роулз, Э. Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретных практик и представлений как оснований разума / Э. Роулз. — Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. — 2005. — Т. 4, № 1. — С. 3–30.
20. Тихонов, А. В. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей / А. В. Тихонов, В. С. Богданов. — Текст : непосредственный // Социо-

логические исследования. — 2020. — № 1. — С. 74–81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0

21. Тихонов, А. В. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов / А. В. Тихонов. — Москва : Институт социологии РАН, 2016. — 348 с. — Текст : непосредственный.

22. Чернявская, О. С. Осмысление понятия территориальная идентичность / О. С. Чернявская. — Текст : непосредственный // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. — 2011. — №4. — С. 70–76.

23. Allam, Z. Data as the New Driving Gears of Urbanization / Z. Allam. — Text : direct // Cities and the Digital Revolution, Aligning technology and humanity. — 2020.

24. Borén, T. Young C. Intra-urban connectedness, policy mobilities and creative city-making: national conservatism vs. urban (neo)liberalism / T. Borén, P. Grzyś. — Text : direct // European Urban and Regional Studies. — 2020. — Vol. 27 (3). — P. 246–258.

25. Bozkurt, Y. Smart cities in research: status-quo and future research directions / Y. Bozkurt, R. Braun, A. Rossmann, D. Hertweck. — Text : direct // IADIS International Journal on WWW/Internet. — 2020. — Vol. 18, No. 1. — P. 121–138. https://www.researchgate.net/publication/344431219_Smart_cities_in_research_status-quo_and_future_research_directions

26. Brenner, N. What is critical urban theory? / N. Brenner. — Text : direct // CITY. — 2009. — Vol. 13, No. 2–3, June–September. — P. 198–207. DOI: 10.1080/13604810902996466

27. Brenner, N. Towards a new epistemology of the urban? / N. Brenner, C. Schmid. — Text : direct // CITY. — 2015. — Vol. 19. — P. 151–182.

28. Cardullo, P. Being a “citizen” in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland / P. Cardullo, R. Kitchin. — Text : direct // GeoJournal. — 2018. — Vol. 84 (1). — P. 1–13. DOI.10.1007/s10708-018-9845-8.

29. Castells, M. The Power of Identity, second edition, with a new preface / M. Castells. — 2010. — Text : direct.

30. Cruz, N. F. New urban governance: A review of current themes and future priorities / N. F. Cruz, P. Philipp Rode, M. McQuarrie. — Text : direct // Journal of Urban Affairs. — 2019. — Vol. 41, No. 1. — P. 1–19. DOI: 10.1080/07352166.2018.1499416

31. Deakin, M. Smart cities: the state-of-the-art and governance challenge / M. Deakin. — Text : direct // Triple Helix. — 2014. — 1(7). — P. 1-16. DOI:10.1186/s40604-014-0007-9

32. Deakin, M. From intelligent to smart cities / M. Deakin, H. Al Waer. — Text : direct // Intelligent Buildings International. — 2011. — No. (3):3. — P. 133-139. DOI: 10.1080/17508975.2011.586673.

33. Haas, A. Protest, Participation, Empowerment Civic Engagement in Shrinking Cities in Europe: The Example of Housing and Neighbourhood Development / A. Haas, D. Rink. — Text : direct // Front-runners in Innovative Citizen Participation. European Urban Knowledge Network (EUKN). — 2012. — P. 29-39.

34. Hospers, G. J. Urban Shrinkage and the Need for Civic Engagement / G. J. Hospers. — Text : direct // Front-runners in Innovative Citizen Participation. European Urban Knowledge Network (EUKN). — 2012. — P. 1-28.

35. Jenkins, R. Social Identity: Third Edition / R. Jenkins. — London ; New York, 2008. — 246 p. — Text : direct.

36. Joss, S. The Smart City as Global Discourse: Storylines and Critical Junctures across 27 Cities / S. Joss, F. Sengers, D. Schraven, F. Caprotti, Y. Dayot. — Text : direct // Journal of urban technology. — 2019. — Vol. 26, No. 1. — P. 3-34. DOI: 10.1080/10630732.2018.1558387.

37. Joss, S. Bibliometric dataset (1990-2019) concerning 35 city labels dealing with sustainable urbanism / S. Joss, D. Schraven, M. de Jong. — Text : direct // Data in Brief. — 2022. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2022.107966>

38. Kitchin, R. The real-time city? Big data and smart urbanism / R. Kitchin. — Text : direct // GeoJournal. — 2014. — No. 79. — P. 1-14. DOI: 10.1007/s10708-013-9516-8

39. Long, A. Community social and place predictors of sense of community: a multilevel and longitudinal analysis / A. Long, D. Perkins. — Text : direct // Journal of community psychology. — 2007. — Vol. 35, no. 5. — P. 563-581.

40. Myeong, S. Smart City Strategies—Technology Push or Culture Pull? A Case Study Exploration of Gimpo and Namyangju, South Korea / S. Myeong, Y. Kim, M. J. Ahn. — Text : direct // Smart Cities. — 2021. — No. 4. — P. 41-53. DOI: 10.3390/smartcities4010003

41. Raven, R. Urban experimentation and institutional arrangements / R. Raven, F. Sengers, P. Spaeth, L. Xie, A. Cheshmehzangi, M. Jong. — Text :

direct // *European Planning Studies*. — 2019. — Vol. 27, No. 2. — P. 258–281. DOI: 10.1080/09654313.2017.1393047

42. Scott, A. J. *Urbanization, Work and Community: The Logic of City Life in the Contemporary World* / A. J. Scott. — Text : direct // *Quality Innovation Prosperity*. — 2017. — No. 21(1). — P. 9–30. DOI: 10.1080/13604813.2015.1014712.

43. Sheltona, T. The ‘actually existing smart city’ / T. Sheltona, M. Zook, A. Wiig. — Text : direct // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. — 2015. — No. 8 (1). — P. 13–25. DOI: 10.1093/cjres/rsu026

44. Turner, J. H. *Theoretical Principles of Sociology. Volume 2. Microdynamics* / J. H. Turner. — New York : Springer New York, 2010. DOI 10.1007/978-1-4419-6225-6. — Text : direct.

ГЛАВА 3. ПРОГНОЗНО-НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «УМНЫЙ ГОРОД»

§ 1. Институциональный и субъективный параметры будущего городов

Параметры будущих российских городов закладываются в процессе стратегического планирования. На уровне муниципальных образований в Российской Федерации на 01.09.2023 г. принято 2139 стратегий социально-экономического развития, около 23% из них определяют направления развития российских городов (492 стратегии развития городских округов, городских поселений). Принятие стратегии как управленческого инструмента в практике развития города способствует системному и комплексному определению целей, ресурсных возможностей, направлений деятельности городских властей относительно перспектив развития городского пространства. Стратегическое управление городом не только ориентировано на формирование образа будущего, но и на преодоление возможных негативных тенденций городского развития в перспективе. При этом город как объект стратегического планирования имеет ряд специфических особенностей. С одной стороны, город встраивается в систему общефедеральных и региональных приоритетов, а с другой стороны, структурирует внутренние, часто уникальные параметры для активизации собственных ресурсов развития. Концепция «умный город» является одним из приоритетных направлений стратегического развития современных городов. Однако каждый город выбирает свои параметры концепции, исходя из целевых ориентиров и условий городского управления.

Следовательно, стратегии управления сложностью «городской системы» индивидуализируются [Papa, et al., 2021, p. 456], т. е. следуют принципу учета специфики города, особенностей, возможностей и перспектив развития. В этих условиях идентичность города и идентичность горожан как характеристики его специфичности должны стать базовыми параметрами при формировании стратегического образа будущего.

Для выявления приоритетных параметров концепции «умный город» в стратегиях социально-экономического развития российских городов было проведено исследование методом контент-анализа текстов стратегических документов. Из всего перечня российских городов была выбрана группа с численностью жителей от 500 тыс. до 1 млн. человек. Число таких городов в Российской Федерации на момент проведения исследования составляло 24, но в выборку вошли только те 20, в которых принята и реализуется стратегия социально-экономического развития. Исключение составили Тюмень и Балашиха, так как в этих городах отсутствует принятая стратегия развития, Махачкала — ее стратегическое развитие определяет статус территориальной зоны, ответственность за развитие которой входит в полномочия региональных органов власти, и город Севастополь, имеющий статус субъекта РФ. Таким образом, контент-анализ проводился по 20 стратегиям городов.

Целью проведения контент-анализа является определение включенности в стратегии социально-экономического развития крупных городов РФ параметров, характеризующих модели реализации концепции «умный город».

Интерпретация понятий строилась на содержательных характеристиках моделей концепции «умный город» (рис. 1).

Для анализа включенности в тексты стратегических документов характеристик моделей реализации концепции «умный город» были сформированы базовые единицы счета в качестве эмпирических индикаторов. Все они характеризуют различные содержательные интерпретации понятия «умный» и производных от него (рис. 2).

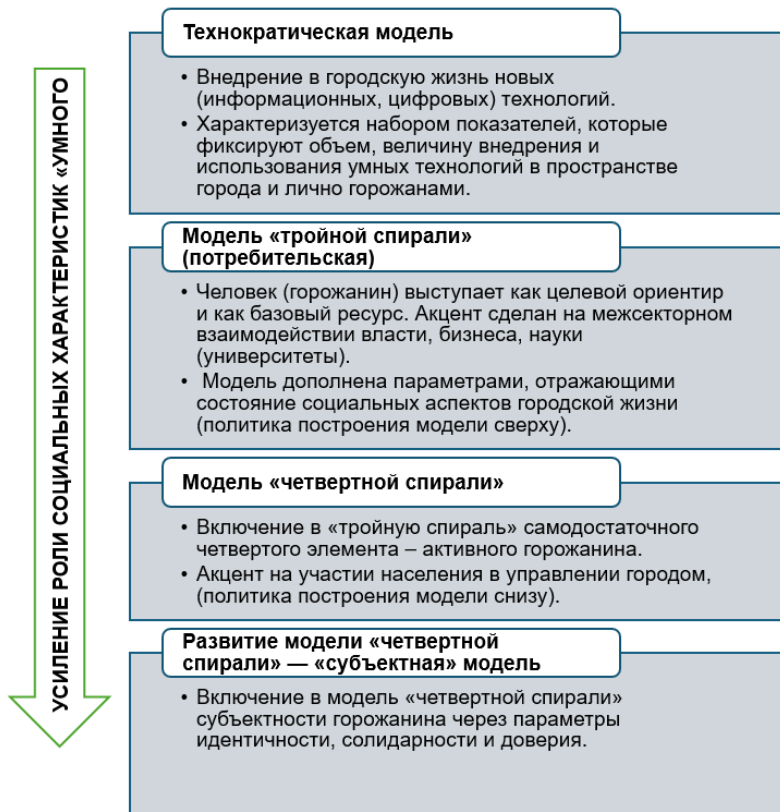

Рис. 1. Содержательные характеристики моделей реализации концепции «умный город»

В ходе работы над выделением категорий и кодов применялась стратегия открытого кодирования с целью систематизации параметров разных моделей рассматриваемой концепции. В результате исследования нескольких стратегий был составлен бланк контент-анализа, в котором в дальнейшем на этапе осевого кодирования был сужен список кодов в результате объединения перекрывающихся кодов и исключения ненужных.

При формировании системы кодов для анализа определяющей была позиция, что развитие одной модели и наращивание ее параметров приводит к трансформации ее в новую следующую модель развития концепции «умный город».

Категория
• Умный город
Единицы счета
• Умный*• Smart• Умный ЖКХ• Умный транспорт / транспортная система / дороги• Умная городская среда• Умная трансформация городских пространств• Умные остановки• Умные светофоры• Умный дом• Умные решения• Виртуальная(-ые)• Умный микрорайон• Умная инфраструктура• Умный мусор• Умные технологии• Технологии умного города• ГИС• Умная экономика• Цифровизация• Цифровой город• Цифровое управление городом / цифровизация управления• Цифровые технологии• Интернет• Электронный муниципалитет• Электронные услуги

Рис. 2. Категории и единицы счета контент-анализа

В исследовании применялось как манифестное кодирование для подсчета частоты встречаемости единиц счета, так и латентное кодирование, направленное на выявление имплицитных значений содержания текста.

Технократическая модель

- **Категория:** Технологии для экономики и управления городом (цифровые, технологические).
- **Коды:** умный, цифровой, смарт, ГИС, электронный.

Модель «тройной спирали»

- **Категория:** Технологии для комфортной жизни человека (удовлетворение потребностей горожан).
- **Коды:** качество жизни, социальные потребности, комфорт/комфортность, удовлетворение/удовлетворенность (потребностей горожан), университет/вуз (взаимодействие бизнеса, власти и университетов), услуги населению и бизнесу (цифровые).

Модель «четвертной спирали»

- **Категория:** Создание условий для участия человека в жизни города; технологии формирования сообществ, технологии объединения горожан.
- **Коды:** ТОС, соседские центры, НКО, общественные советы / общественная палата, публичность / прозрачное открытое управление, обратная связь (населения, элементов гражданского общества, бизнеса с органами власти), платформа/площадки/портал/сервис (условия для обсуждения городских проблем, голосования, сбора предложений и т.п.; электронный муниципалитет).

Развитие модели «четвертной спирали»

- **Категория:** Формирование социального пространства как условия развития субъектности горожанина.
- **Коды:** идентичность, инициативы, консолидация, солидарность, доверие.

Рис. 3. Соотношение кодов и категорий с моделями

К документам стратегического планирования федеральное законодательство не предъявляет требований относительно формы и их содержания. Поэтому предварительный анализ исследуемых стратегий показал, что данные документы отличаются по структуре и содержанию. Целевое назначение стратегий всё-таки позволило выделить функциональные блоки присутствующие в исследуемых документах: цель, миссия, задачи (направления), планируемые показатели (результаты) и механизмы реализации стратегии.

Периоды принятия стратегий в разных городах существенно отличаются. В трех городах (Астрахань, Хабаровск и Ярославль) решение об утверждении стратегий были приняты в 2010–2011 годах. Еще в шести городах стратегии социально-экономического развития приняты относительно недавно, в 2019–2021 гг. (Барнаул, Кемерово, Киров, Краснодар, Рязань, Тольятти).

Логика исследования стратегий социально-экономического развития городов была построена на трех возможных вариантах относительно присутствия в текстах концепции «умный город»:

1. В исследуемых текстах стратегий присутствует прямое указание на реализацию концепции «умный город» и возможно непосредственно выделены параметры, четко определяющие модель реализации данной концепции.

2. В текстах стратегических документов нет информации о реализации концепции «умный город», она не обозначена стратегическим приоритетом развития, но элементы концепции, возможно характерные для разных моделей ее реализации, выделяются и могут быть систематизированы, определяя приоритетную модель реализации концепции, присущей данному городу.

3. В текстах исследуемых документов выделено наличие отдельных элементов не столько самой концепции, сколько связанных с развитием информационно-коммуникационной среды города, но они представлены фрагментарно, встроены в общие приоритеты стратегического развития — повышение качества жизни населения и развитие экономической системы в городах. Эти направления являются основополагающими в городском развитии, но уже недостаточны без встраивания современных приоритетов и управленческих инструментов.

В результате исследования было выявлено, что только в 11 из исследуемых документов есть упоминание непосредственно концепции «умный город» или ее параметров, указывающих на ее учет при стратегическом планировании.

Перечень городов с указанием в качестве перспектив будущего развитие элементов умного города представлен на рис. 4.

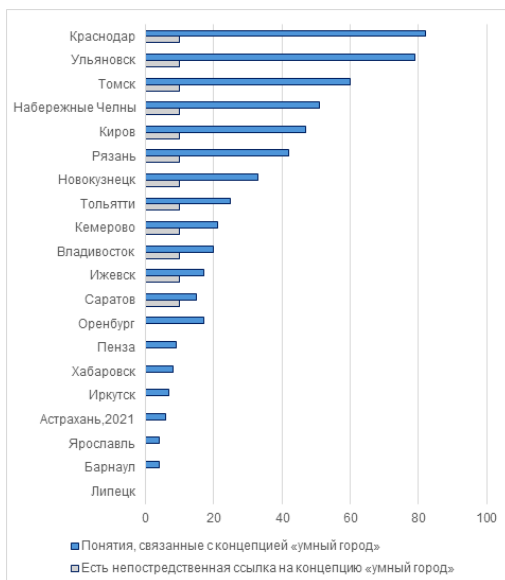

Рис. 4. Результаты анализа текстов стратегий на предмет присутствия упоминания в качестве приоритета концепции «умный город»

Результаты количественного контент-анализа дали возможность соотнести исследуемые города с вариантами, сформированными относительно присутствия параметров (кодов) концепции в стратегиях социально-экономического развития. При дальнейшем анализе были выделены маркеры моделей концепции «умный город» и проведена работа по их выявлению в текстах стратегий для соотнесения приоритетов городского развития с целевыми ориентирами концепции (табл. 1).

Перечень кодов для контент-анализа выявления параметров технократической модели был составлен из следующих единиц: «умный», «смарт (smart)», «ГИС», «электронный» и «цифровой». Данные параметры практически все выявлены в исследуемых

стратегических документах развития таких городов, как Краснодар, Ульяновск, Томск, Киров и Рязань. Более того, развитие технологических аспектов концепции «умный город» определено в качестве стратегического приоритета развития: «формирование институциональных основ “умного города” и создания его цифрового каркаса» (Рязань), «умный, устойчивый и человекоориентированный город с постиндустриальной экономикой» (Краснодар), «умный город, обеспечивающий современное качество жизни людей, экономичное, экологичное и безопасное использование городских систем жизнедеятельности с помощью передовых информационно-коммуникационных технологий» (Томск).

В то же время были выявлены некоторые города, в документах которых практически отсутствуют параметры развития, относящиеся к технологической модели, например стратегия социально-экономического развития города Липецка. В некоторых документах стратегического развития городов представлены данные параметры через призму развития информационно-коммуникационных технологий как инструмента управленческой деятельности в подведомственных муниципалитету учреждениях, «электронного бюджета» (Ярославль, Астрахань). Это свидетельствует о том, что на практике при определении приоритетов стратегического развития города отсутствует комплексный подход в реализации концепции «умный город».

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что параметры технологической модели концепции «умный город» в стратегических документах развития представлены фрагментарно, отсутствует системный подход в представлении реализации данной концепции. Это, в свою очередь, позволяет говорить о наличии проблемы взаимосвязи между применением информационно-коммуникационных технологий, технологиями умного города и социальными аспектами развития городского пространства. Следовательно, процесс взаимодействия технологий и жителей затруднен и не может определяться как потенциал развития городского пространства за счет вовлечения горожан в процесс управления территорией.

**Присутствие кодов моделей концепции «умный город»
в стратегиях социально-экономического развития городов РФ**

Коды	Технологическая модель																					
	Краснодар	Ульяновск	Томск	Набережные Челны	Киров	Рязань	Новокузнецк	Тольятти	Кемерово	Владивосток	Ижевск	Саратов	Оренбург	Пенза	Хабаровск	Иркутск	Астрахань, 2021	Астрахань, проект 2035	Барнаул	Ярославль	Липецк	
1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Умный	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Смарт (Smart)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ГИС	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Электронный	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Цифровой	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	Модель «тройной спирали»																					
Качество жизни	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Комфорт/комфортность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Удовлетворение потребностей горожан / удовлетворенность горожан	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Взаимодействие бизнеса, власти и университетов	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Услуги (цифровые) населению и бизнесу	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
	Модель «четверной спирали»																				
ТОС	+				+	+				+	+				+	+					+
Соседские центры																	+				
НКО	+	+			+	+	+	+			+			+	+						+
Общественные советы / общественная палата	+				+	+	+				+		+	+	+						+
Публичности / Прозрачное открытое управление	+		+		+	+	+	+			+		+	+	+						+
Обратная связь (населения, элементов гражданского общества, бизнеса с органами власти)	+				+	+	+	+			+						+				+
Платформа/площадки/портал/сервис (условия для обсуждения городских проблем, голосования, сбора предложений и т. п.; электронный муниципалитет)																					
Субъектная (социальная) модель																					
Идентичность	+	+	+	+	+	+	+	+			+		+		+	+					+
Инициативы	+	+		+	+	+	+	+			+		+	+	+						+
Консолидация	+	+				+					+		+	+	+						
Солидарность																					
Доверие	+	+			+								+		+	+					

Практически во всех анализируемых стратегических документах проявляются коды, относящиеся к модели «тройной спирали»: «качество жизни», «комфорт/комфортность», «удовлетворение потребностей горожан / удовлетворенность горожан», «взаимодействие бизнеса, власти и университетов», «услуги (цифровые) населению и бизнесу». Это обусловлено тем, что на первый план в параметрах этой модели выходит «качество жизни» и его составляющие характеристики, что является приоритетом управления развитием города. Отсюда «повышение качества жизни горожан, обеспечение комфорта проживания и удовлетворение потребностей является целью стратегического развития», в том числе за счет «развития информационно-коммуникационных технологий» становится определяющим в таких городах, как Иркутск и Набережные Челны. Также качество жизни как целевой ориентир присутствует в стратегических документах развития таких городов, как Краснодар, Кемерово, Киров, Томск, Ижевск, Ульяновск, Иркутск, Астрахань, Новокузнецк, так же как и комфорт/комфортность. Город Тольятти сформировал для себя позицию «Город жизни» и определил в приоритете необходимость градостроительного преобразования городского пространства, создание комфортной среды для всех горожан.

Межсекторное партнерство таких субъектов, как бизнес, власть и университеты определяется как ресурс, обеспечивающий стратегическое развитие города в целом и экономики, в том числе инновационной, в частности. Так, «реализация проекта «Большой Томский университет» определяет развитие интеграционных процессов академической науки, развивающейся в высшей школе с производственными отраслями экономики города (Томск), «разработка университетской “технологической долины”, т. е. развитие взаимодействия государства, промышленности, науки и ДВФУ в сфере НИОКТР, “коммерциализации и продвижения на рынки новых продуктов и бизнесов”» (Владивосток), «формирование инновационного центра миро-

вого уровня на основе интеграции и кооперации университетов, научных организаций и бизнеса на территории специализированной технологической долины» (Тольятти), «стимулирование развития связей между вузами, исследовательскими институтами и бизнесом, а также привлечение в центры знаний и предпринимательства отечественных и зарубежных предприятий» (Краснодар).

Технологии взаимодействия населения, их объединения в процессе управления городским развитием являются параметрами модели «четвертной спирали» концепции «умный город». В перечень кодов для контент-анализа были выделены следующие: «ТОС», «соседские центры», «НКО», «общественные советы / общественная палата», «публичность / прозрачное открытое управление», «обратная связь (населения, элементов гражданского общества, бизнеса с органами власти)», «платформа/площадки/портал/сервис (условия для обсуждения городских проблем, голосования, сбора предложений и т.п.; электронный муниципалитет)».

В результате проведенного анализа было определено, что параметры модели «четвертной спирали» проявляются фрагментарно. Чаще всего в стратегиях социально-экономического развития городов встречаются коды, относящиеся к характеристикам организационных форм активности населения, таким как территориальное общественное самоуправление и некоммерческие организации. Более того, ТОСы во многих стратегиях являются базовой оценкой условий стратегического развития города (Оренбург, Ярославль), приоритетным направлением для взаимодействия власти и органов территориального общественного самоуправления (Пенза, Хабаровск, Иркутск), инструментом достижения целей развития и повышения активности населения (Ижевск, Оренбург, Владивосток, Ульяновск, Киров).

НКО в анализируемых стратегических документах определяются как потенциальные партнеры в процессе решения проблем городского развития путем «организации эффективного

взаимодействия органов власти, работодателей, общественных объединений, некоммерческих организаций в целях улучшения социального положения семей с детьми» (Липецк), «взаимодействия с некоммерческими организациями (НКО) на предмет их включения в процессы стратегирования» (Иркутск), «создания правовых, экономических и организационных условий для участия некоммерческих организаций в политической жизни города» (Пенза). Немаловажную роль в активизации данных процессов играет система мер поддержки некоммерческих организаций муниципальными органами власти через субсидирование на основе конкурса, поддержки грантовыми средствами (Ижевск, Оренбург, Ярославль, Липецк, Кемерово, Киров). Также представители НКО-сектора в городах выступают стратегическим партнером в системе оказания социальных услуг для различных групп населения (Краснодар, Томск, Киров, Ульяновск, Кемерово).

Соседское взаимодействие в городах является значимым ресурсом развития, но на практике оно никак не учитывается в стратегиях. Соседство в современном городском пространстве не выступает целевым ориентиром стратегического планирования. Один город Астрахань определяет значение «организации общественных пространств внутри кварталов и на придомовых территориях» в качестве фактора, способствующего «развитию соседских и гражданских инициатив».

Такие параметры модели «четвертной спирали» концепции «умный город», как «публичность», «прозрачность» и «открытость» выделены в 17 из 20 стратегий. У городов Ульяновск, Рязань, Владивосток в стратегиях социально-экономического развития нет ориентира на развитие данных принципов в системе управления. При этом в данных городах сформированы прозрачные механизмы электронного взаимодействия муниципальной власти и жителей.

В целях «развития институтов гражданского общества, поиска конструктивных путей диалога органов местного самоуп-

правления города» развивается институт общественных палат и советов. Для «консолидации предпринимательского сообщества, некоммерческого сектора и активных горожан», в том числе для определения приоритетов стратегического развития городского пространства в 12 из 20 документах присутствует данная технология взаимодействия (Совет при Мэре города Хабаровска по содействию развитию институтов гражданского общества, Общественный Стратегический Совет г. Иркутска, Общественный совет по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений при главе администрации МО «Город Астрахань» и др.).

Выявление в анализируемых стратегиях таких параметров, как «развитие обратной связи», «платформы/сервисы электронного взаимодействия с населением», определяет наличие характеристик модели «четвертной спирали» концепции «умный город» в практически половине исследуемых городов (Краснодар, Ульяновск, Киров, Тольятти, Ижевск, Саратов и др.)

Исследование показало, что происходит усиление социального фактора в ориентирах стратегического развития городов и коды, выделенные для исследования модели «четвертной спирали», на практике проявляются в той или иной степени в стратегических документах всех городов. Соответственно действующая система управления городом ориентирована на активизацию использования технологий, способствующих объединению горожан и включенности их в управление городским пространством.

При этом контент-анализ различных структурных блоков стратегий показал, что и в целях, и в показателях данных документов присутствуют исследуемые коды, и это позволяет соотнести города с выделенными моделями концепции «умный город». Использование качественного контент-анализа позволило определить, что в стратегиях присутствуют коды предлагаемой субъектной модели. Это подтверждается такими параметрами, как «идентичность», «местные инициативы», «консолидация», «солидарность» и «доверие». Наличие в текстах документов данных кодов свидетельствует

о сформировавшемся управленческом ориентире на вовлечение в управление комплексным развитием городского пространства жителей как полноправного субъекта и развитие субъектной роли горожан как нового основания «умности» городов.

Более того, результаты исследования показали, что интуитивно города берут вектор на реализацию авторской субъектной модели концепции «умный город», так как в текстах стратегических документов некоторых территорий данная модель уже проявляется практически всей системой характеристик, в остальных же стратегиях параметры данной модели представлены фрагментарно, что определяет преобладание ситуационного подхода.

Такой параметр, как «идентичность» (городская идентичность горожан и идентичность города), и вектор на ее развитие в анализируемых документах есть, но говорить о том, что создаются условия для ее встраивания в качестве ключевого параметра развития городского пространства не приходится. Во многих исследуемых городах сделан акцент на развитие «культурной идентичности города» (Рязань, Томск, Краснодар, Набережные Челны, Киров) через формирование и продвижение бренда города, его привлекательности для туристов. Некоторые города в своей стратегии сконцентрированы на развитии пространственной идентичности: «идентичность отдельных частей города» (Ульяновск), «развитие идентичности за счет ... создания выразительной новой архитектуры и системы пространственных ориентиров» (Краснодар), а город Набережные Челны выделяет «отсутствие идентичности массовой застройки» в качестве проблемы развития городского пространства. Городская идентичность горожан мало выделяется в качестве приоритета или значительного фактора стратегического развития, этот параметр рассматривается больше с позиции проблемы, которую необходимо преодолеть. Например, в Саратове в качестве вызовов развития определяется «отсутствие устойчивой городской идентичности у значительной части саратовцев».

В документах стратегического планирования все чаще встречается такой параметр, как «местные инициативы». В 19 из 20 стратегий социально-экономического развития выделяется инициативный подход в решении вопросов местного значения. Он проявляется в «формировании и продвижении общественных инициатив» (Краснодар, Оренбург, Пенза), «добровольческих инициатив» (Набережные Челны), «молодежных инициатив» (Кемерово), «инициатив активных горожан» (Ульяновск), «социально-культурных инициатив» (Астрахань) и в создании условий для «возможности выдвижения инициатив по улучшению жизни в городе и осуществления голосования за них» (Киров), возникновения ресурсных центров поддержки общественных инициатив, добровольчества и благотворительности (Саратов). Местные инициативы, их формирование и проявление свидетельствует о конструктивном взаимодействии различных субъектов городского сообщества. Результаты исследования это подтверждают. Использование в стратегиях таких кодов, как «консолидация» и «солидарность», обнаруживается. Характеристика «консолидация», как параметр субъектной модели концепции «умный город», отмечена в документах в таком контексте, как «усиление консолидации горожан в решении вопросов улучшения городской среды» (Рязань), «максимальное вовлечение и консолидация общества для решения вопросов местного значения» (Краснодар). В городах Иркутск и Саратов стратегия определяется как механизм «консолидации городского сообщества вокруг решения главных городских проблем, а недостаточный уровень консолидации городского сообщества заявляется в качестве одной из проблем, требующих решения». Такой же параметр субъектной модели, как «солидарность», слабо рассматривается как фактор стратегического развития и выделяется только в стратегических документах таких городов, как Пенза, Рязань, Саратов, и то через призму развития «единого социокультурного пространства, солидарности, единства и взаимной ответственности

представителей гражданского общества, деятелей искусств, органов власти».

Немаловажным параметром субъектной модели является такой параметр, как «доверие». Исследуемый код присутствует в стратегических документах 9 городов. Контекст его использования различный. В качестве угрозы стратегическому развитию города «потерю доверия» рассматривают в городах Астрахань, Пенза, Саратов. «Повысить уровень доверия» к городским властям в качестве стратегического приоритета ставят в Краснодаре, Оренбурге, Томске. Рассматривают «доверие» как ресурс развития городского пространства в городах Иркутск и Набережные Челны.

Таким образом, в современной практике стратегического развития присутствуют различные модели концепции «умный город». Определяя образ будущего, российские города исходят из своей специфики, условий, ресурсов, потенциалов и стратегических целей развития. На фоне этого четко выделяется тренд на повышение значения социального аспекта. Через призму исследуемых кодов субъектной модели значимым становятся элементы структуры, природа, характер социальных аспектов концепции «умный город». Четко определяется стремление органов городского управления найти показатели и индикаторы, способные сообщить не просто о социальности, а о конструктивной, действенной социальности горожан в стратегических документах.

Существенное значение имеет тот факт, что в моделях концепции не представляются взаимоисключаемые характеристики. Напротив, каждая последующая модель дополняет параметры и расширяет характеристики концепции «умный город» в пользу повышения роли горожанина в ее реализации и достижения его полноправной субъектной позиции в управлении развитием городского пространства. Именно этот факт не ставит проблему выбора модели и акцентирует внимание на том, что в современной практике определения образа города в стратегической перспективе выделяется не поступательное приме-

нение моделей концепции от технократической к субъектной, а наличие разных сценариев реализации исследуемых моделей. Полагаем, что в современной реальности города в образе будущего могут и должны ориентироваться уже на развитие социального фактора, в первую очередь, а материально-техническое обеспечение этого процесса — не приоритет, а закономерное условие функционирования городского пространства.

В целом можно отметить, что исследование стратегий социально-экономического развития крупных городов РФ показало доминирование в образе будущего параметров модели «тройной спирали». Преимуществом является то, что наличие технократических параметров не является стратегическим приоритетом и реализуется в комплексе целей и задач, решение которых связано с усилением включенности городского жителя в процессы управления территорией города и развития городского пространства. Недостатком остается на фоне этих процессов отсутствие четкости целей и индикаторов оценки результативности действий по реализации данной модели концепции «умный город» в стратегиях городского развития. На фоне усиления социального аспекта главенствующая роль в формировании образа будущего города принадлежит населению, но инструменты его вовлечения тактические, ситуационные, спровоцированные удовлетворением увеличивающихся потребностей горожан с применением информационно-коммуникационных технологий, а не стратегические, способствующие доверию, солидарности и инициативности жителей как ключевого параметра качества городской среды и развития субъектности населения в управлении городом. Данный факт нельзя не учитывать при проецировании образа будущего, так как предпосылки трансформации стратегических ориентиров развития города в сторону новой модели умного города, предполагающей формирование возможности включения индивида в качестве инициативного субъекта стратегического развития территории в практике развития российских городов, активно формируются.

Список литературы

1. Амин, Э. Города: переосмысляя городское / Э. Амин, Н. Трифт. — Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017. — Текст : непосредственный.
2. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек. — Текст : непосредственный // THESIS. — 1994. — Вып. 5. — С. 161-168.
3. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс. — Текст : непосредственный // THESIS. — 1994. — Вып. 5. — С. 107-134.
4. Донати, П. Реляционная теория общества : Социальная жизнь с точки зрения критического реализма / П. Донати. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2019. — Текст : непосредственный.
5. Жихаревич, Б. С. Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. / Б. С. Жихаревич, Т. К. Прибышин. — Текст : непосредственный // Пространственная экономика. — 2019. — № 4, т. 15. — С. 184-204.
6. Князева, Е. Системный подход как основа стратегического управления / Е. Князева. — Текст : непосредственный // Форсайт. — 2020. — № 4, т. 14. — С. 6-8.
7. Костко, Н. А. Модели реализации концепции «Умный город» в стратегиях социально-экономического развития крупных городов Российской Федерации / Н. А. Костко, И. Ф. Печеркина, А. А. Попкова. — Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — № 4. — С. 197-223.
8. Костко, Н. А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города / Н. А. Костко. — Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2022. — №1, т. 25. — С. 190-216.
9. Луман, Н. Теория общества / Н. Луман. — Текст : непосредственный // Теория общества. — Москва : «КАНАО-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999.
10. Маццукато, М. Всеобщая ценность. Создание и изъятие в глобальной экономике / М. Маццукато. — Текст : непосредственный // Экономическая социология. — 2020. — № 5, т. 21. — С. 39-57.
11. Мунен, Т. Глобальные города и национальные государства : новый курс на партнерство в 21 веке / Т. Мунен, Г. Кларк. — Мо-

сква : АНО «Московский урбанистический форум», 2014. 106 с. URL: mosurbanforum.ru/book/mezhdunarodnoe_issledovanie_global_nye_goroda_i_nacional_nye_gosudarstva_novyj_kurs_na_partnerstvo_v_21_veke (дата обращения:). — Текст : электронный.

12. Новая программа развития городов. 20 октября 2016 г. // Конференция Организации Объединенных Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), г. Кито, 2016. — Нью-Йорк, 2017. — 74 с. — Текст : непосредственный.

13. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техосоциальном пространстве. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020.

14. Обсерватория умного города // The World Competitiveness Center [сайт]. URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/Home/>

15. Плюснин, Ю. М. Муниципальные стратегии управления и факторы их формирования / Ю. М. Плюснин. — Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — № 1. — С. 101–123.

16. Пространственное развитие малых городов : социальные стратегии и практики. Москва : ФНИСЦ РАН, 2020.

17. Стратегия пространственного развития современного российского города. ООО Институт территориального планирования «Урбаника». — Санкт-Петербург, 2017.

18. Совершенствование стратегического планирования на муниципальном уровне. Аналитический отчёт. — URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/ocenka_strategiy_12.18.pdf (дата обращения: 06.03 2022). — Текст : электронный.

19. Тихонов, А. В. От «Умного регулирования» к «умному управлению: социальная проблема цифровизации обратных связей / А. В. Тихонов, В. С. Богданов // Социологические исследования. — 2020. — № 1. С. 74–81.

20. Устойчивое развитие городов. — Москва : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. — Текст : непосредственный.

21. Яницкий О. Н. Урбанизация XXI века: некоторые вопросы теории / О. Н. Яницкий. — Официальный портал ФНИСЦ РАН, 2020.

§ 2. Экспертное сообщество о городе, его развитии и концепции «умный город»

На сегодняшний день актуальность исследования концепции «умный город» приводит к научной полемике в академическом и политическом сообществе относительно приоритета содержательных характеристик реализации данной концепции в современных российских городах. Наиболее обсуждаемым и проблемным является вопрос определения модели реализации концепции, которая определяет стратегические приоритеты управления развитием городского пространства. Включенность в качестве приоритетов реализации концепции социальных аспектов обусловлено их значением для жизнедеятельности населения, способностью включаться в процесс управления городом. Однако, как показывает практика, реализация социальных аспектов концепции «умный город» носит бессистемный, ситуационный характер и в разной степени проявляется в различных городах, что обуславливает необходимость экспертной диагностики степени включенности горожанина в процессы управления территорией и проявления его субъектной позиции в отношении вопросов развития городского пространства.

Первоочередным параметром распространения концепции «умный город» стало внедрение информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизнедеятельности городского сообщества, что, в свою очередь, не привело к активной интеграции индивида в городскую среду, а вызвало развитие социальной изоляции, деформации социальных отношений в пользу отчуждения и большей дифференциации городских жителей [1; 2; 3; 4].

Следовательно, развитие и усиление роли социальных параметров при реализации концепции «умный город», является необходимым условием для предотвращения формирующихся

проблем деформации социального пространства города. Современные исследования аргументировали необходимость включения жителя в качестве активного субъекта, определяющего взаимодействие власти, бизнеса и других субъектов развития города [5; 6].

Систематизация выделенных параметров включенности горожанина в качестве субъекта управления развитием города возможна при определении прогнозно-нормативной модели реализации концепции «умный город». Именно такая модель позволит обозначить необходимые целевые ориентиры и параметры, так как существующая в настоящее время в Российской Федерации модель реализации концепции носит лишь нормативный характер.

В результате проведенного анализа именно прогнозно-нормативная модель реализации концепции «умный город» была определена в качестве объекта социологического исследования. Предметом исследования определена экспертная оценка возможности внедрения прогнозно-нормативной модели реализации концепции «умный город» в 6 городах Тюменской области. Цель исследования — диагностика прогнозно-нормативной модели экспертным городским сообществом на предмет ее внедрения в управленческую практику. Методология исследования построена на качественной стратегии, выделении дискурсов основных субъектов города (представителей власти, бизнеса, НКО) в отношении возможности реализации прогнозно-нормативной (субъектной) модели концепции «умный город», в качестве тактики выбран дискурсивный анализ [14].

Именно социологический дискурс является методологическим основанием определения дискурса [15, с. 50]. При определении содержания дискурса за основу была взята позиция М. Фуко, с точки зрения которой он понимается как «исторически сложившиеся “реальные” социальные практики, не пред-

ставляющие внешние объекты, а конституирующие их» [16, с. 46]. Конструктивно развивает данный подход Р. Водак, определяющий дискурс как социальную практику, которая «предполагает диалектическую взаимосвязь между определенными дискурсивным событием и ситуацией(-ями), институтом (-ами) и социальной структурой(-ами), которые задают его структуру — они формируют дискурсивное событие, но также дискурсивное событие формирует их. То есть дискурс социально конституирует, так же как и социально конституирован — он конституирует ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения. Он конституирует — в смысле помогает поддерживать и воспроизводить социальный статус-кво и, в то же время, способствует его трансформации» [17, с. 48]. Выбор дискурсивного анализа в качестве приоритетного метода для исследования экспертных оценок развития концепции «умный город» позволяет структурировано выделить в социальном контексте характеристики социальных практик, определяющих модели реализации исследуемой концепции.

В основе дискурса определена позиция «высказывание/рассуждение». М. Фуко определяет данную основу в качестве типизированного, базового элемента дискурсивных событий и конкретных суждений [16, с. 47]. К таковым, применительно к концепции «умный город», в исследовании были отнесены: институционально закрепленная в РФ модель реализации концепции «умный город», которая принимается в качестве дискурса №1; прогнозно-нормативная модель как перспектива реализации концепции по мнению экспертов — дискурс №2; субъектная модель как возможная прогнозно-нормативная определена в качестве дискурса №3.

Содержательные характеристики исследуемых дискурсов определены набором параметров/кодов. Параметры дискурса №1 систематизированы в правовых документах [18]: вовлече-

ние горожан в процесс реализации модели; технологизация и информатизация сектора городского хозяйства, развитие инфраструктуры; экономическая эффективность, в том числе сервисной составляющей городской среды.

Характеристики дискурса №2 определяются непосредственно экспертами в ходе интервью. Содержательные характеристики дискурса №3 выделяются в ходе исследования вследствие анализа имеющихся представлений о моделях реализации концепции от технократической к модели «четырёх спиралей» [8; 11; 19].

Исходя из содержания дискурса как социальной практики, определяем его в исследовании как мнение эксперта о сложившейся в городе модели концепции «умный город» и возможностях использования субъектной модели в практике развития города. Дискурс представляется в виде транскриптов экспертных суждений трех групп экспертов [20, с. 68–70].

В качестве способа анализа текстов интервью выбрана нисходящая стратегия [21], которая предусматривает систему кодов, выделенных на этапе предварительного анализа, и поиск их в полученных в ходе исследования материалах.

В основу исследования был заложен метод экспертного интервью. Период проведения исследования май–сентябрь 2022 года. Всего в исследовании приняло участие 65 экспертов из разных секторов (власть, бизнес, некоммерческий сектор) из 6 городов Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО).

Группы экспертов были представлены равнозначно относительно каждого сектора и города (см. рис. 1).

В результате исследовательской работы было собрано 65 интервью представителей трех секторов: 22 — с представителями органов местного самоуправления; 22 — с представителями бизнеса, 21 — с представителями НКО.

Транскрипты интервью экспертов представлены взаимосвязанными текстами, объединенными общей темой — позиция экспертов о моделях реализации концепции «умный город»

и экспертная оценка реализации субъектной модели концепции «умный город» в качестве прогнозно-нормативной в практике управления развитием города.

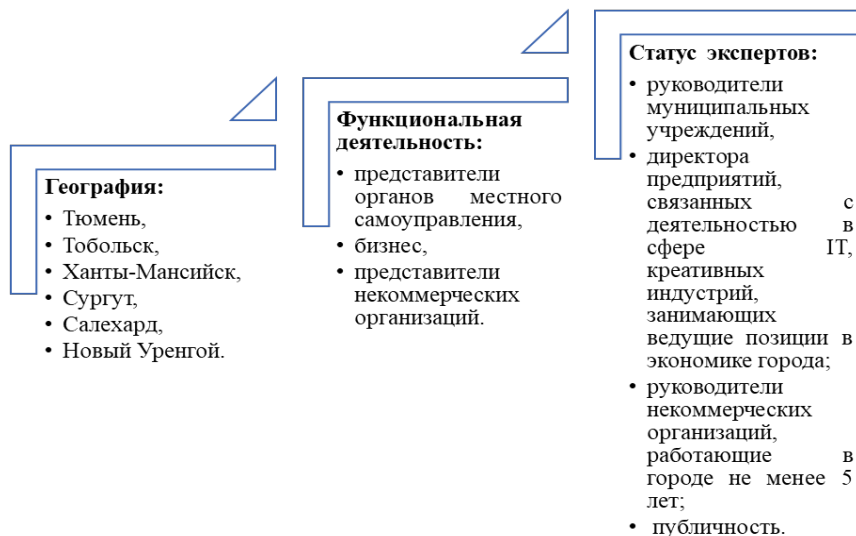

Рис. 1. Характеристики экспертов

Проведенный анализ показал, что в отношении институционального дискурса №1 экспертные суждения были однообразны, четко выделялся технологический приоритет при реализации модели концепции «умный город». Так, ключевыми параметрами модели реализации концепции «умный город» экспертами были определены система коммуникации, информационные платформы взаимодействия, технологии комфорта, безопасности, технологической инфраструктуры, логистики. Именно данные характеристики определяют содержание модели «тройной спирали», где для удовлетворения потребностей населения происходит активизация использования умных технологий. Наряду с этим позиции некоторых экспертов выражают опасения, связанные с превосходством технологических инструментов

реализации над социально ориентированными в концепции. Например, представитель НКО из г. Сургута в своем интервью указывает, что «мы исключаем человеческий фактор, автоматизируя нашу жизнь». Бизнес же, напротив, в своих суждениях отдает приоритет развития городов именно умным технологиям. Анализ оценок развития концепции «умный город» в исследуемых городах показывает дифференциалы в темпах реализации концепции даже в пределах одного региона: «реализуется семимильными шагами, по сравнению с другими муниципалитетами РФ» (Сургут, бизнес); «немножко со скрипом ..., но реализуется» (Ханты-Мансийск, бизнес). Что подчеркивает значение характеристик местного сообщества, городской идентичности, характеристик городского пространства в качестве базовых условий реализации концепции.

В подтверждение этого на правовом уровне ключевым условием реализации концепции определяется высокая активность горожан. И это подчеркивается в экспертных суждениях относительно роли жителей: «...без взаимодействия власти и жителей города невозможно решить оптимально ни одну проблему» (Сургут, бизнес) (см. рис. 2).

При этом все-таки в настоящее время преобладает пассивная позиция городских жителей, и даже если и проявляется активность, то в большей степени потребительского характера. Потребительство жителей заключается в том, что их участие и вовлеченность в управлении городом ограничивается доступом и получением информации о возможностях решения волнующих их проблем и получением сервисных услуг посредством информационных платформ и систем «...с горожанами... намного сложнее, не совсем активны жители, считают, что всё за них должны делать администрация и кто-то, поэтому активности мало...» (Тюмень, НКО). Данный тезис поддерживается не только представителями некоммерческих организаций, но и местного самоуправления, которые определяют малозначительную роль жителей в реализации исследуемой концепции (Тюмень,

власть), потому что развитие информационно-телекоммуникационных технологий позволяет решать актуальные потребности горожан, не вовлекая их непосредственно в этот процесс (Н. Уренгой, власть). Бизнесмены настроены не столь пессимистично о роли жителей в реализации концепции «умный город», утверждая, что все-таки существует «активное меньшинство», способное включаться в качестве субъектов развития города («Большая часть — потребители, но есть и активные, заинтересованные, на них нужно опираться» (Ханты-Мансийск, бизнес)), более того представители бизнес-сообщества заявляют о необходимости поддержки инициативных граждан, видя в них потенциал для развития технологий трансформации городского пространства («...у нас много активистов, ребят, которым интересны нововведения, которые сами придумывают что-то новое, его продвигают, и мы потом этим дружно пользуемся... нужно поощрять эти молодые умы, чтобы у них было желание заявить о себе, показать свою идею, отстоять ее и тем самым... мотивироваться, и других тоже сподвигнуть придумать что-то новое и показать нам» (Тюмень, бизнес)).

Причинами отсутствия активной субъектной позиции горожан экспертами называются:

- отсутствие мотивации;
- потребительское отношение к городу;
- слабая правовая культура, незнание своих прав и возможностей;
- отсутствие условий и четких алгоритмов действий для реализации инициативы, проектов;
- недоверие к власти.

«...у нас есть такие люди с активной позицией, которые проявляют инициативу, ... предлагают проекты. Они готовы многое делать бесплатно, ... только их никто не слышит. И поэтому руки опускаются...» (Салехард, бизнес).

Рис. 2. Мнения экспертов о социальных приоритетах концепции «умный город»

Эксперты предлагают различные подходы к вовлечению населения в процесс управления, выделяя ряд ключевых элементов (см. табл. 1). Многие эксперты поддерживают институциональные структуры и механизмы вовлечения граждан в процесс управления городским развитием. Представители органов местного самоуправления уделяют особое внимание этим механизмам, считая их ключевыми для эффективного управления. Для экспертов предпринимательского сообщества и НКО-сектора важно, чтобы органы власти были открытыми для диалога, привлекали граждан к обсуждению направлений развития города и оперативно реагировали на запросы и предложения жителей.

Таблица 1

**Элементы вовлечения населения в управление развитием города
(*В — Власть; *Б — Бизнес; *Н — НКО)**

Элементы вовлечения	Мнения экспертов			Примеры высказываний экспертов
	В*	Б*	Н*	
1	2	3	4	5
Институциональные формы вовлечения населения	+	+	+	«...Публичные слушания, общественные обсуждения управленческих решений, создание проектных команд, если бы жители на это шли...» (Тюмень, власть)
Просвещение	+		+	«Их надо просвещать чтобы это принималось и транслировалось, чтобы человек задумался о возможностях умного города» (Тобольск, власть);
Обратная связь	+	+	+	«...Обязательно обратная связь органов власти и органов местного самоуправления от населения по реализованным мероприятиям» (Сургут, власть)
Оперативность реагирования обратной связи		+	+	«Если горожане будут видеть изменения в лучшую сторону, ... что их услышали и отреагировали» (Ханты-Мансийск, бизнес)
Объединение граждан	+	+	+	«Это сложно. Не даром у нас называются микрорайоны спальными... соседские сообщества — есть первые ласточки...» (Тюмень, НКО)
Информирование: о возможностях, примерах участия		+	+	«...Горожане должны видеть, что инициативы, которые предлагаются их коллегами, соседями, воплощаются. Тогда появляется желание что-то делать» (Салехард, НКО)

1	2	3	4	5
Открытость власти		+	+	«Администрации быть готовыми к критике со стороны населения неправильных решений» (Тюмень, НКО)
Цифровые платформы	+		+	«Должна быть, такая платформа и вообще такой механизм, который будет в первую очередь удобен для горожан... это должна быть простая программа» (Н. Уренгой, власть);
Социальные сети	+	+	+	«Когда внедряем что-то, мы об этом говорим всем горожанам, некое тестирование происходит, в соцсетях получаем обратную связь (Н. Уренгой, власть)
Сервисы	+			«...Необходимо повышать эффективность сервисов по вовлечению граждан в управление» (Ханты-Мансийск, власть)
Электронная приемная	+			«...Мы всегда открыты для предложений. Если от горожан что-то поступает, то есть у нас система электронного взаимодействия с гражданами, ... электронная приёмная» (Салехард, власть)
Инициативное бюджетирование, гранты	+		+	«...Гранты для горожан... проект инициативного бюджетирования, люди могут придумать проект благоустройства своего двора, направить этот запрос в администрацию и получить денежные средства на реализацию своего проекта» (Ханты-Мансийск, НКО)
Дискурс площадки для обмена мнениями		+	+	«Главное — это коммуникации. С теми, кто предлагает проект и непосредственным пользователем» (Тобольск, бизнес)

Представление экспертов о приоритетах развития концепции «умный город», ее перспективных характеристиках определяет в исследовании содержание второго дискурса (дискурс №2).

Исследование показало, что эксперты от власти и бизнеса придерживаются технократического подхода к развитию концепции «умный город». Они подчеркивают важность развития технологий, которые повышают качество и безопасность жизни: «облегчают жизнь всем — населению, власти, бизнесу» (Тюмень, бизнес).

Эксперты некоммерческого сектора главную роль отводят местным сообществам (Тюмень, НКО), созданию комфортной городской среды путем привлечения жителей в процесс решения проблем территории города (инициативное бюджетирование). Последнее, согласно экспертному мнению, является ключевым приоритетом развития концепции «умный город».

«Из-за потребительства никаких инноваций быть не может, поэтому надо вовлекать» (Тобольск, власть).

В качестве условий преодоления потребительства жителей при реализации концепции «умный город» экспертами предлагается развивать практики вовлечения горожан в развитие города через воспитание, формирование активной позиции горожан. Однако некоторые эксперты убеждены, что набор условий от власти предсказуемо определен существующими законодательными нормами [22].

<i>«...Надо формировать активного гражданина с юных лет, начиная ещё с детства, надо воспитывать» (Сургут, власть).</i>	<i>«Мне кажется, уже все рычаги использованы» (Тюмень, власть).</i>

Рис. 3. Мнение экспертов относительно способов преодоления потребительского поведения жителей при реализации концепции «умный город»

Роль взаимодействия между органами власти и жителями города как элемент прогностической модели рассматривается, но конкретные цели такого взаимодействия не указываются. Исключение составляет один тезис: роль населения не должна сводиться только к указанию на городские проблемы, она должна быть конструктивной и результативной. Идеальный горожанин представляется как генератор идей и активный субъект формирования городского пространства.

«... роль гражданина и жителя города должна быть не только в том, что он проблему обозначает, а он может предложить какое-нибудь решение, участвовать в ее решении» (Ханты-Мансийск, власть).

Эксперты дают довольно расплывчатые оценки перспектив развития концепции и параметров модели ее реализации. По сути, эти оценки сводятся к двум вариантам: будущее концепции будет определяться исключительно федеральным центром, нормативными документами и указаниями профильного министерства; это будет просто продолжение текущего состояния в направлении усиления, увеличения и улучшения качества технологического развития городов в целях повышения комфорта и безопасности городского пространства для жителей.

С целью оценки возможности реализации субъектной модели (дискурс №3) была определена необходимость выявления мнения экспертов о значении и роли городской идентичности горожан, доверия в городском сообществе. Именно эти характеристики формируют содержание «субъектной модели», ее нормативно-прогностический характер. Оценка возможности учета городской идентичности горожан и городского сообщества в практике городского развития и в модели реализации концепции оказалась проблемной для экспертов сферы бизнеса. Однако представители власти и НКО продемонстрировали более конструктивную позицию. Они опираются на свой опыт работы с нормативными документами, которые подчеркивают необходимость уче-

та сохранения и развития этнокультурной идентичности в практике управления [23]. Проведенное исследование показывает, что идентичность города экспертами определяется как его «образ, формируемый историко-культурным наследием» (Тобольск, Ханты-Мансийск, власть), как «культурный код», имидж (Тюмень, власть), система отличительных свойств (Сургут, власть). При этом эксперты осознают значение городской идентичности и признают необходимость ее укрепления, однако они не демонстрируют четкого понимания ее содержания.

Вторая группа экспертов выделила идентичность как один из основных факторов городского развития (рис. 4).

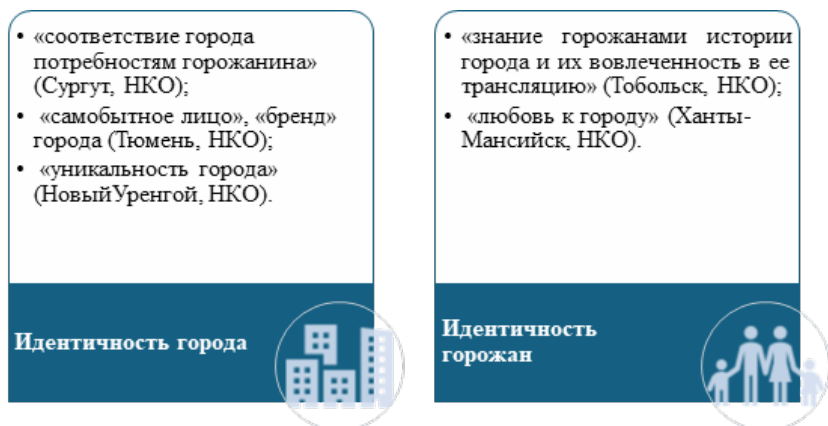

Рис. 4. Оценка экспертами содержательных характеристик идентичности города и горожан

При этом экспертная оценка содержания данного понятия дана интуитивно, что свидетельствует о недооцененности данного фактора в практике управления развитием городского пространства и реализации концепции «умный город». Однако формирование идентичности оценивается экспертами через призму активизации участия населения через инструменты развития информационно-коммуникационных технологий (рис. 5).

Рис. 5. Экспертная оценка роли горожанина в развитии городской идентичности и инструментов ее развития

Результаты исследования отражают интересную дискуссию экспертов о доверии как базовом параметре, способствующем развитию «субъектной модели» и отражающим характер взаимодействия различных субъектов городского пространства. «Открытость и прозрачность системы управления», наличие «реальной» обратной связи, «проведение совместных мероприятий, ориентированных на результаты» — условия, повышающие доверие между властью, бизнесом и населением.

При этом необходимо отметить, что существуют различия между позициями экспертов из разных секторов по поводу условий и механизмов развития доверия в городском пространстве (табл. 2). Органы местного самоуправления определяют свою роль в качестве «модератора диалога между субъектами городского пространства» (Сургут, власть), «ориентированного на запросы горожан» (Новый Уренгой, власть), а повышение доверия возможно при создании «вменяемой, прогнозируемой системы взаимоотношений власти и общества» (Ханты-Мансийск, власть). Для этого необходимо «перестраиваться ментально, инструменты нужно научиться использовать те, которые уже

есть у нас и законодательно закреплены, просто мы не в полной мере их используем» (Тобольск, власть). Эксперты определяют, что доверию присуще свойство управляемости, значение которого проявляется в широте, прозрачности взаимодействия с жителями, в оперативности решения проблем и результативности действий структур управления городом.

Таблица 2

Повышение доверия в системе развития городского пространства
(*В — Власть; *Б — Бизнес; *Н — НКО)

	Условия	Принципы	Механизмы	Проблема
1	2	3	4	5
*В	Возможность учета мнений различных групп Модерация диалога со стороны власти Совместные усилия Оперативное решение проблем Наличие обратной связи Удовлетворение запросов горожан	Открытость Результативность Мобильность	Законодательно закрепленные инструменты Встречи	Ментально не готовы Не используются все инструменты, закрепленные законодательно
*Б	Выполнение обязательств Совместная деятельность Грамотность в расходовании бюджетных средств Информирование Обратная связь Учет инициатив жителей Принятие решений, поддержанных большинством	Честность Открытость Ответственность Прозрачность Результативность	Вовлечение горожан в проекты Реализация полезных проектов Экспериментальные проекты с бизнесом Мероприятия с бизнесом	Невозможность отслеживания результатов управленческих решений

1	2	3	4	5
*Н	Совместная актив- ность Небезразличность к территории Взаимодействие «Привлекательность города для бизнеса и бизнеса для города» Участие Вариативность и иллюстрации решения проблем Повышение знаний Радость, гордость за достижения в совместных делах и благодарность Развивать свое собственное	Прозрач- ность Доступ- ность Откры- тость Понят- ность Ответ- ственность бизнеса	Встречи Благотво- ритель- ность Спонсор- ство Интернет- площадки Социаль- ные сети Демонстра- ция опыта участия	Общее по- нимание Админи- стратив- ные барье- ры Недоверие власти к гражда- нам Отсутствие понятного механизма отслежива- ния изме- нений

Эксперты из бизнес-сектора определяют, что на повышение доверия влияют такие факторы, как выполнение обязательств, разумное расходование ресурсов бюджета, активизация совместной деятельности, учет интересов и вовлечение горожан при принятии решений.

Представители некоммерческих организаций в качестве ключевого фактора, способствующего повышению доверия, выделяют совместную активность (т. е. всех субъектов города), направленную на решение вопросов городского развития. По их мнению, основанием для повышения доверия может быть «небезразличие к территории», «стремление развивать местное» (Ханты-Мансийск, НКО), «привлекательность города для бизнеса и бизнеса для города» (Сургут, НКО), «радость, гордость за достижения в совместных делах» (Тюмень, НКО). Данные характеристики полностью подтверждают положения «субъектной мо-

дели» о взаимосвязи идентичности, социальной активности, норм доверия в развитии городского пространства.

Эксперты в своих мнениях признают значение социального доверия для развития современного городского пространства, определяют, что возможность его повышения возможна через реализацию совместных практик, основанных на принципах открытости, результативности, прозрачности действий всех субъектов управления развитием города. Однако подходы к реализации подобных практик отличаются у представителей разных городов. Органы городского управления в рамках своих функциональных полномочий готовы выступить координаторами процесса городского развития. Представители предпринимательского сообщества готовы к активизации участия в развитии города только при условии понятных процедур и результатов деятельности. Эксперты из сектора НКО определяют, что доверие в городской среде возможно только при условии выстроенных каналов взаимодействия, организации совместных действий и обязательном учете особенностей развития города, интересов различных субъектов городского сообщества.

Таким образом, мнения экспертов сходятся на том, что социальный фактор становится определяющим в развитии концепции «умный город», а горожане должны стать реальным субъектом городского развития. Неопределенной остается позиция представителей разных секторов об их функциональной роли в развитии данных характеристик горожанина. На основе нормативно-правовых документов ключевая роль принадлежит местным органам власти, которые должны обеспечить активизацию жителей и их включенность в процессы управления территорией. Некоммерческий сектор, деятельность которого фактически построена на активности граждан в решении проблемных вопросов разных целевых групп городского сообщества, полностью ориентированы на реализацию субъектной модели концепции «умный город». Бизнес-сообщество в настоящее время слабо представляет свою роль в городском развитии и не может конкретизировать возмож-

ности реализации социальных параметров развития умного города. Несмотря на отсутствие на сегодняшний день целенаправленных системных механизмов реализации субъектности горожанина, все эксперты сходятся во мнении о необходимости вовлечения населения в управление городом.

Исследуемые дискурсы показали четкую взаимосвязь в рамках развития моделей концепции «умный город» таких характеристик, как «идентичность города», «городская идентичность горожан», «доверие», что свидетельствует об усилении роли горожанина в качестве субъекта управления развитием города, а также усилении межсекторального взаимодействия внутри городского пространства. Такие характеристики, как «идентичность города», «городская идентичность горожан», хоть и определяются в качестве значимых, однако эксперты пока до конца не представляют их встраивание в качестве ключевого фактора в систему управления развитием города. Более определенным с позиции развития механизмов реализации является доверие населения к органам городского управления, в котором значительную роль играет межличностное доверие. Именно его эксперты рассматривают как определяющее условие привлечения широких слоев населения к управлению городом.

Формирование диалоговой площадки власти и горожан, в рамках которой развиваются их конструктивное взаимодействие, расширение механизмов участия населения в управлении городом, является основой субъектной модели концепции «умный город». В ходе исследования была определена экспертная позиция относительно необходимости усиления коммуникаций внутри городского пространства, среди субъектов разных секторов города. Однако данная проблема не может быть решена только через развитие информационных платформ и сервисов, так как в условиях низкой социальной активности их эффективность снижается.

Проведенное исследование показало, что развитие концепции «умный город» стремится к субъектной модели. Ее реализа-

ция определяется в качестве приоритетной в экспертном сообществе. Кроме того, ее характеристики не противоречат современным трендам, а дополняют комплексность системы управления современными российскими городами.

Список литературы

1. Schindler, S. Florida in the Global South: How Eurocentrism Obscures Global Urban Challenges and What We Can Do about It / S. Schindler, J. Silver. — Text : direct // International Journal of Urban and Regional Research. — 2019. — Vol. 43 (4). — P. 794–805. DOI: 10.1111/1468-2427.12747

2. Vanolo, A. “Is there anybody out there? The place and role of citizens in tomorrow’s smart cities” / A. Vanolo. — Text : electronic // Futures. — 2016. — V. 82. — P. 26–36. — URL: <http://www.journals.elsevier.com/futures> doi:10.1016/j.futures.2016.05.010

3. Scott Allen, J. Urbanization, Work and Community: The Logic of City Life in the Contemporary World / J. Scott Allen. — Text : direct // Quality innovation prosperity/kvalita inovacia prosperita. — 2017. — 21/1. — P. 9–30.

4. Yigitcanlar, T. Understanding ‘smart cities’: Intertwining development drivers with desired outcomes in a multidimensional framework / T. Yigitcanlar. — Text : direct // Cities. — 2018. — P. 145–160. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2018.04.003>

5. Cugurullo, F. Exposing smart cities and eco-cities: Frankenstein urbanism and the sustainability challenges of the experimental city / F. Cugurullo. — Text : direct // Environment and Planning A: Economy and Space. — 2018. — Vol. 50 (1). — P. 73–92. DOI: 10.1177/0308518X17738535

6. Colin McFarlane, C. On alternative smart cities / C. Colin McFarlane, Ola Söderström. — Text : direct // City. — 2017. — Vol. 21 (3–4). — P. 312–328. DOI:10.1080/13604813.2017.1327166

7. Костко, Н. А. Городская идентичность и доверие как условие формирования субъектности горожан. Будущее территорий : новые вызовы и инструменты развития : монография / Н. А. Костко, И. Ф. Пе-

черкина, А. А. Попкова. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. — 332 с. — С. 227–250. — Текст : непосредственный.

8. Fernandez-Aneza, V. Smart City implementation and discourses: An integrated conceptual model. The case of Vienna / V. Fernandez-Aneza, J. M. Fernández-Güellb, R. Giffingerc. — Text : direct // *Cities*. — 2018. — 78. — P. 4–16. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.12.004>

9. Myeong S., Kim Y., Ahn M. J. Smart City Strategies—Technology Push or Culture Pull? A Case Study Exploration of Gimpo and Namyangju, South Korea / S. Myeong, Y. Kim, M. J. Ahn. — Text : direct // *Smart Cities*. — 2021. — 4. P. 41–53. <https://dx.doi.org/10.3390/smartcities4010003>

10. Deakin, M. Smart cities: the state-of-the-art and governance challenge / M. Deakin. — Text : direct// *Triple Helix*. — 2014. — Vol. 1 (7). — P. 1–16. <http://link.springer.com/article/10.1186/s40604-014-0007-9>

11. Moraа, L. Strategic principles for smart city development: A multiple case study analysis of European best practices / L. Moraа, M. Deakin, A. Reid. — Text : direct // *Technological Forecasting & Social Change*. — 2019. — Vol. 142. — P. 70–97. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.035>

12. Allam, Z. Cities and the Digital Revolution. Aligning technology and humanity. 2020. 148 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29800-5_1

13. Прогнозное социальное проектирование и город: сборник: в 4 кн. / РАН. Ин-т социологии ; отв. ред. Т. М. Дридзе. — Москва : Ин-т социол. РАН, 1994–1995. — Кн. 1. — 133 с. Кн. 2. — С. 134–276. Кн. 3. — С. 277–429. Кн. 4. — С. 430–616. — Текст : непосредственный.

14. Страусс, А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин ; пер. с англ. Т. С. Васильевой. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с. — Текст : непосредственный.

15. Качанов, Ю. Л. Автономия и структуры социологического дискурса / Ю. Л. Качанов, Ю. В. Маркова. — Москва : Университетская книга, 2010. — 320 с. — Текст : непосредственный.

16. Keller R. The Sociology of Knowledge Approach to Discourse (SKAD) / R. Keller. — Text : electronic // *Human Studies*. — 2011. — Vol. 34. — P. 43–65. DOI: 10.1007/s10746-011-9175-z

17. Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, Р. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. — Харьков : Гуманитарный Центр, 2009. — 356 с. — Текст : непосредственный.

18. Приказ Минстроя России от 25 декабря 2020 г. №866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город». URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/81884>

19. Joss, S. Smart Cities: Towards a New Citizenship Regime? A Analysis of the British Smart City Standard / S. Joss, M. Cook, Y. Dayot. Text : direct // Journal of Urban Technology. — 2017. — Vol. 24 (4). — P. 29–49. DOI: 10.1080/10630732.2017.1336027

20. Yin, Robert K. Qualitative research from start to finish / Robert K. Yin. The Guilford Press; Second edition. 2015. — 386 p.

21. Троцук, И. В. Варианты реализации дискурсивного анализа в социологических (и не только) исследованиях / И. В. Троцук. — Текст : электронный // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) : Материалы V Всероссийского социологического конгресса. — Москва : Российское общество социологов, 2016. — 10696 с. — С. 7978–7992. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/31709/>

22. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

23. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р (с изменениями на 30 сентября 2022 года) раздел VI. Основные направления пространственного развития Российской Федерации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Методика социологического исследования и описание выборки

В рамках научного проекта «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования» в 2020 и 2021 гг. был проведен опрос жителей шести городов «большой» Тюменской области — Тюмени, Тобольска, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда и Нового Уренгоя.

Тюмень — административный центр Тюменской области, крупный многофункциональный город с населением 828,6 тыс. человек (на 1 января 2022 г.). Ханты-Мансийск и Салехард — административные центры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и ЯНАО, с населением 107,9 и 47,9 тыс. человек. В последние двадцать лет Ханты-Мансийск имеет один из самых высоких в стране темпов роста населения: число жителей с 2000 г. увеличилось более чем в 2 раза.

Тобольск — город с преимущественно традиционным укладом жизни, город известен как исторический центр и место локации крупнейшего в мире нефтехимического комплекса. Население на 1 января 2020 г. составляет 98,9 тыс. человек.

Сургут и Новый Уренгой — самые большие по численности населения города ХМАО и ЯНАО (на 1 января 2022 г. у Сургута — 395,9 тыс. человек, у Нового Уренгоя — 107,3 тыс. человек), ключевые по экономическому значению региональные города.

В 2022 г. в рейтинге цифровизации городского хозяйства (согласно данным Минстроя РФ) Тюмень и Сургут находятся в тройке лучших городов с населением от 250 тыс. до 1 млн человек¹.

¹ Минстрой России опубликовал индекс IQ городов // Официальный сайт Министерства строительства Российской Федерации. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-opublikoval-indeks-iq-gorodov/>

В рейтинге городов России по качеству жизни Тюмень, Ханты-Мансийск и Сургут на протяжении нескольких лет входят в двадцатку лучших. Это центры притяжения трудовой миграции.

Опрос проходил по репрезентативной для каждого города выборке. В нем приняли участие жители городов от 18 до 70 лет. Всего было опрошено 3178 человек, отобрано для анализа 2860 анкет. Выборка репрезентирует население городов по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 5% по одному признаку.

Теоретические основания исследования изложены в параграфах § 1 и § 2 главы 1 данной монографии и статье Костко Н. А. «Теоретические основания исследования социального пространства города»¹.

Краткая характеристика инструментария исследования

Логика анкеты социологического исследования социального пространства города строилась на основе выделенных в ходе проекта индикаторов.

Первый блок анкеты включает в себя индикаторы, которые характеризуют идентичность города, его образ. Деятельностное отношение горожанина к идентичности города рассматривается в качестве показателя городской идентичности горожанина. В зависимости от того, насколько положительно индивид оценивает образ города, принимает его, определяется уровень городской идентичности горожанина.

1. Образ города: известный, разделяемый, принимаемый, отторгаемый; история города, его символический капитал; лично определяемые границы города; освоенность территории; присвоенность (количество, разнообразие и характер используемых мест); оценка комфортности территории; воспринимаемое функциональное разнообразие территории, практики общения (чувствования города); степень свободы человека в городе; определение общего и частного пространства (их совпадение/разделение); представления об идеальном городе в сопоставлении с характеристиками своего города.

2. Самоидентичность оценивается через определение своего личного места в системе координат города: потенциальная готовность в определении своего места; четкая определенность своего места; неопределенность места.

¹ Костко Н. А. Теоретические основания исследования социального пространства города // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 2 (26). С. 65–88. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-65-88

3. Новым является акцент на городскую идентичность горожанина, ее типовые различия на традиционную и современную, которые операционализированы вопросами о целях развития российского общества и личностном отношении к идентичности города, к его образу.

Анализ отношения горожан к идентичности города, к его образу, позволяет зафиксировать городскую идентичность горожан. Характер отношений и связи с городом позволяет судить о типе городской идентичности горожан. Исследование городской идентичности горожан ведется через призму деятельностного, активного отношения горожан к своему городу. Это подтверждает нашу гипотезу о взаимообусловленности городской идентичности и социальной активности горожан.

Второй блок вопросов анкеты направлен на исследование социальной активности горожан, их взаимоотношение с городской общностью:

1. Участие в территориальных сообществах; участие в организованных сообществах; характер заинтересованности в решении проблем (интерес, желание участвовать, готовность участия, участие в роли исполнителя, участие в роли инициатора).

2. Вклад горожан в развитие города: видение своего вклада (в чем видят свое участие); формы участия в развитии города и предложения со стороны горожан; оценка своего вклада и участия в развитии города; проблемы участия в развитии города.

3. Отношение к системе местного самоуправления, особенности восприятия власти, уровень активности в решении городских проблем: активность в делах муниципального образования через формы, установленные в том числе в ФЗ № 131: выборы, референдум, сходы, собрания и конференции граждан, правотворческая инициатива, ТОСы, публичные слушания, обращения граждан.

Третий блок вопросов анкеты включает в себя исследование доверия, солидарности как социальных норм. Институционального доверия; обобщенного доверия; доверия к ближнему кругу; доверия к инструментам участия в управлении городом. Готовности объединяться с другими людьми для совместных действий.

Четвертый блок вопросов направлен на исследование адаптивности горожан к изменениям в цифровом обществе и умном городе. Вопросы данного блока анкеты позволяют отследить уровень распространенности знаний об умных городских технологиях и их наличии в городе; применение умных технологий горожанами в различных сферах жизнедеятельности; значение для горожан использования умных технологий; проблемы, с которыми сталкиваются люди при распространении цифровых технологий. Этот блок анкеты нацелен на получение массива данных, который по-

зволяет охарактеризовать «умность» города через установление связей с показателями других блоков анкеты. Рабочей гипотезой является тезис о том, что «умность» города определяется развитостью структуры и условий для адаптивности горожан к современным процессам цифровизации общества, разнообразием сфер применения технологий умного города в повседневной жизнедеятельности горожан, в том числе для партисипативного участия в управлении с учетом особенностей символического, когнитивно-смыслового и культурного контекста города. Представление об «умности» города принимается в качестве дополнительного параметра в достижении целей социального конструирования пространства города.

Логика полевого этапа исследования и принципы формирования выборки

В рамках научного проекта был проведен опрос жителей шести городов Тюменской области — Тюмени, Тобольска, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда и Нового Уренгоя.

В качестве генеральной совокупности выступили жители названных городов с 18 до 70 лет. Выборки строились отдельно для каждого города на основании данных государственной статистики как репрезентативные по признакам пола и возраста (см. табл. 2).

Всего было опрошено 3178 человек, отобрано для анализа 2860 человек.

Таблица 1

Объемы выборок в каждом городе, кол. человек

Город	Тю- мень	То- больск	Сур- гут	Ханты- Мансийск	Новый Уренгой	Сале- хард
Число опрошенных	907	443	467	498	451	412
Отобрано для анализа	769	400	429	427	435	400

Выборка репрезентирует население каждого города по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 5% по одному признаку.

Сбор первичной социологической информации проводился комбинированным способом. Во-первых, были использованы технологии онлайн-опроса на базе сервиса SurveyMonkey. Рекрутинг респондентов проводился следующими методами:

- размещение ссылки на опрос на городских сайтах;
- адресная e-mail рассылка приглашений заполнить анкету;
- рассылка приглашений в ВКонтакте, в Viber и WhatsApp;
- онлайн-выборка, направляемая респондентом (разновидность сетевой выборки, в которой исследователь определяет только первичную

группу респондентов, а остальной объем выборочной совокупности формируется самими участниками опроса по заданным правилам¹). Чтобы избежать повторного участия в опросе одними и теми же людьми, применялась идентификация IP-адреса устройства, с которого заходит респондент.

Кроме того, использовалась технология традиционного анкетного опроса респондентов по месту жительства (техника маршрутного опроса с фиксацией базовых квартир в соответствии с шагом отбора).

В г. Тюмени опрос проводился в апреле – июне 2020 г., в Тобольске, Ханты-Мансийске, Сургуте в ноябре – декабре 2020 г., в Ханты-Мансийске и Новом Уренгое в декабре 2020 г. – январе 2021 г.

В онлайн-опросах трудно обеспечить репрезентативность данных без последующего «ремонта» выборочной совокупности. В данном исследовании была проведена процедура взвешивания для выборок городов Тюмени, Нового Уренгоя и Салехарда. Структура генеральной совокупности, выборочной совокупности и взвешенная структура выборки приведена в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Структура генеральной совокупности в разрезе пола и возраста

ГС		Возраст, лет				Всего
		18-29	30-44	45-59	60 и старше	
1	2	3	4	5	6	7
г. Тюмень	Мужчины	66 200	109 871	62 183	47 930	286 184
	Женщины	60 564	109 623	71 790	87 986	329 963
<i>Всего</i>		<i>126 764</i>	<i>219 494</i>	<i>133 973</i>	<i>135 916</i>	<i>616 147</i>
г. Тобольск	Мужчины	6087	11 514	8523	6948	33 072
	Женщины	7282	12 584	11 095	12 182	43 143
<i>Всего</i>		<i>13 369</i>	<i>24 098</i>	<i>19 618</i>	<i>19 130</i>	<i>76 215</i>
г. Ханты-Мансийск	Мужчины	8828	13 984	8299	4053	35 164
	Женщины	9825	15 055	8751	6417	40 048
<i>Всего</i>		<i>18 653</i>	<i>29 039</i>	<i>17 050</i>	<i>10 470</i>	<i>75 212</i>
г. Сургут	Мужчины	25 357	53 032	33 929	16 426	128 744
	Женщины	27 580	55 863	39 309	25 908	148 660
<i>Всего</i>		<i>52 937</i>	<i>108 895</i>	<i>73 238</i>	<i>42 334</i>	<i>277 404</i>

¹ Девятко И. Ф. Инструментарий онлайн-исследований: попытка каталогизации // Онлайн-исследования в России 3.0 / под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М. : Типография КЕМ, 2012.

1	2	3	4	5	6	7
г. Салехард	Мужчины	3529	7423	4375	1688	17 015
	Женщины	3925	7932	4793	2967	19 617
<i>Всего</i>		<i>7454</i>	<i>15 355</i>	<i>9168</i>	<i>4655</i>	<i>36 632</i>
г. Новый Уренгой	Мужчины	7764	18 068	13 594	3433	42 859
	Женщины	7599	18 335	14 083	3966	43 983
<i>Всего</i>		<i>15 363</i>	<i>36 403</i>	<i>27 677</i>	<i>7399</i>	<i>86 842</i>

Источник: Демографический ежегодник (2015–2019): Стат. сб. в 4-х частях. Ч. 4 / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. — Т, 2019.

Таблица 3

Распределение респондентов по полу и возрасту в городах опроса

Тюмень	Модель ГС, %			Выборочная совокупность					
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
18–29	10,7	9,8	20,6	82	78	161	10,7	10,2	20,9
30–44	17,8	17,8	35,6	134	128	262	17,4	16,6	34,1
45–59	10,1	11,7	21,7	85	101	186	11,1	13,1	24,2
60 и старше	7,8	14,3	22,1	59	102	161	7,7	13,2	20,9
<i>Всего</i>	<i>46,4</i>	<i>53,6</i>	<i>100,0</i>	<i>361</i>	<i>408</i>	<i>769</i>	<i>46,9</i>	<i>53,1</i>	<i>100,0</i>
Тобольск	Модель ГС, %			Выборочная совокупность					
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
18–29	8,0	9,6	17,5	28	49	77	7,0	12,3	19,2
30–44	15,1	16,5	31,6	62	64	127	15,6	16,1	31,7
45–59	11,2	14,6	25,7	46	56	102	11,5	14,1	25,6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
60 и старше	9,1	16,0	25,1	33	61	94	8,2	15,3	23,5
<i>Всего</i>	<i>43,4</i>	<i>56,6</i>	<i>100,0</i>	<i>168</i>	<i>232</i>	<i>400</i>	<i>41,9</i>	<i>58,1</i>	<i>100,0</i>
Ханты-Мансийск	Модель ГС, %			Выборочная совокупность					
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
				человек			%		
18-29	11,7	13,1	24,8	56	58	114	13,1	13,6	26,7
30-44	18,6	20,0	38,6	64	100	164	15,0	23,4	38,4
45-59	11,0	11,6	22,7	41	58	99	9,6	13,6	23,2
60 и старше	5,4	8,5	13,9	22	28	50	5,2	6,6	11,7
<i>Всего</i>	<i>46,8</i>	<i>53,2</i>	<i>100,0</i>	<i>183</i>	<i>244</i>	<i>427</i>	<i>42,9</i>	<i>57,1</i>	<i>100,0</i>
Сургут	Модель ГС, %			Выборочная совокупность					
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
				человек			%		
18-29	9,1	9,9	19,1	43	47	90	10,0	11,0	21,0
30-44	19,1	20,1	39,3	79	85	164	18,4	19,8	38,2
45-59	12,2	14,2	26,4	46	62	108	10,7	14,5	25,2
60 и старше	5,9	9,3	15,3	26	41	67	6,1	9,6	15,6
<i>Всего</i>	<i>46,4</i>	<i>53,6</i>	<i>100,0</i>	<i>194</i>	<i>235</i>	<i>429</i>	<i>45,2</i>	<i>54,8</i>	<i>100,0</i>
Салехард	Модель ГС, %			Выборочная совокупность					
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
				человек			%		
18-29	9,6	10,7	20,3	41	46	87	10,2	11,5	21,7
30-44	20,3	21,7	41,9	80	85	165	20,1	21,1	41,3
45-59	11,9	13,1	25,0	49	54	103	12,3	13,6	25,8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
60 и старше	4,6	8,1	12,7	13	32	45	3,1	8,1	11,2
<i>Всего</i>	<i>46,4</i>	<i>53,6</i>	<i>100,0</i>	<i>183</i>	<i>217</i>	<i>400</i>	<i>45,7</i>	<i>54,3</i>	<i>100,0</i>
Новый Уренгой	Модель ГС, %			Выборочная совокупность					
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
	человек						%		
18–29	8,9	8,8	17,7	47	37	84	10,9	8,4	19,3
30–44	20,8	21,1	41,9	87	93	180	20,0	21,4	41,4
45–59	15,7	16,2	31,9	68	67	135	15,7	15,5	31,1
60 и старше	4,0	4,6	8,5	16	20	36	3,6	4,5	8,2
<i>Всего</i>	<i>49,4</i>	<i>50,6</i>	<i>100,0</i>	<i>218</i>	<i>217</i>	<i>435</i>	<i>50,2</i>	<i>49,8</i>	<i>100,0</i>

При доверительной вероятности 95% ошибка выборки по одному признаку составляет $\Delta < 5\%$ ¹, что обеспечивает необходимую репрезентативность исследования. Отклонения от планируемых частот в разрезе пол/возраст/тип поселения не превышают 3,9%, что ниже ошибки выборки по одному признаку, т. е. обеспечивается надежность выборочного исследования.

Таким образом, структура выборки по полу и возрасту соответствует структуре населения рассматриваемых городов.

Характеристика выборочной совокупности

Большинство респондентов проживают в городах опроса более 5 лет — от 95% в г. Тобольске и 78% респондентов в г. Ханты-Мансийске (табл. 4). Продолжительность проживания в городе варьируется в зависимости от типа города.

¹ Расчет ошибки выборки осуществлялся по формуле Паниотто:

$$\Delta \approx \sqrt{\frac{1}{n} - \frac{1}{N}}$$

Таблица 4

Число лет проживания в городе, % от числа опрошенных

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
меньше 5 лет	14	5	13	22	9	10
6–15 лет	16	9	20	26	19	21
16–29 лет	23	24	26	30	40	32
Более 30 лет	47	62	41	22	31	37
Нет ответа	0,4	0,3	0,5		0,2	
Среднее число лет проживания						
	28,3	32,9	25,8	19,1	22,9	24,7

Уровень образования респондентов в табл. 5.

Таблица 5

Уровень образования респондентов в городах опроса, % от числа опрошенных

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
Без образования, начальное общее образование	2	2	1	1	0	1
Незаконченное среднее (9 классов)	3	3	1	1	2	3
Среднее общее (11 классов)	13	15	19	16	9	11
Начальное специальное (профессиональное)	8	14	11	9	22	13
Среднее специальное (профессиональное)	26	29	29	24	25	27
Высшее, послевузовское	46	37	39	48	40	43
Нет ответа	2	0	0	1	2	2
	100	100	100	100	100	100

Большинство респондентов работают (табл. 6).

**Структура занятости респондентов,
% от числа опрошенных в каждом городе**

	Тю- мень	Тобольск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
Работаете (в том числе работающий пенсионер, работающий инвалид)	63	68	67	68	76	77
Временно не работаете (в декретном отпуске, в отпуске без сохранения ЗП)	4	1	3	5	6	4
Не работающий пенсионер, инвалид	15	17	10	7	6	8
Не работаете (занимаетесь домашним, подсобным хозяйством, воспитываете детей)	4	3	3	3	2	2
Не работаете, безработный, но ищите работу	4	2	3	4	4	3
Учитесь на очном отделении в учебном заведении	10	9	11	12	6	7
Нет ответа	0	0	3	1	0	0
	100	100	100	100	100	100

Тобольск — город с высокой долей уроженцев данного города среди всех его жителей. Для современного Тобольска характерна тенденция уменьшения численности населения, миграционные процессы отличаются неустойчивостью, а в последние годы наблюдается отрицательное сальдо миграции. Среди респондентов г. Тобольска 62% проживают в нем более 30 лет, а среднее число лет проживания — почти 33 года.

В остальных городах опроса рост численности населения происходит в основном за счет миграции. Поэтому в выборке этих городов значительная доля респондентов проживает меньше 15 лет. А средняя продолжительность проживания в городе составляет от 28 лет в г. Тюмени до 19 лет в Ханты-Мансийске.

В Ханты-Мансийске 48% респондентов проживают в городе меньше 15 лет, что отражает ситуацию в городе, численность которого выросла за последние 20 лет более чем в 2 раза.

Семейное положение респондентов представлено в табл. 7 и 8. Большинство респондентов состоят в браке (табл. 7). Совместно с детьми проживают — от 46% респондентов в Тобольске до 57% в Новом Уренгое (табл. 8).

Таблица 7

**Семейное положение респондентов,
% от числа опрошенных в каждом городе**

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
Женат/замужем	59	65	57	53	60	56
Живете вместе, но не зарегистрированы	12	8	9	10	9	12
Разведен/разведена	7	6	7	10	9	9
Холост/не замужем	18	13	24	23	20	19
Вдовец/вдова	5	8	3	4	2	3
Нет ответа	0	1	0	1	0	0
	100	100	100	100	100	100

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос «Сколько у Вас детей на иждивении?»,
% от числа опрошенных в городах**

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
Один ребенок	22	23	20	22	22	23
Два ребенка	24	18	19	22	26	19
Трое и больше детей	7	5	6	8	9	10
Нет детей на иждивении	47	52	55	47	43	46
Нет ответа	0	2	0	0	0	2
	100	100	100	100	100	100

Респонденты проживают в разных районах города — табл. 9.

Таблица 9

Район проживания в городе, % от числа опрошенных в городах

	Тю- мень	Тобольск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
В центре	27	36	39	31	49	55
Между центром и окра- иной	41	39	39	39	34	28
На окраине	23	17	14	21	9	15
За городской чертой (близлежащий поселок)	5	4	4	3	3	1
Нет ответа	4	3	4	5	5	2
	100	100	100	100	100	100

В целом, можно утверждать, что социальный срез горожан, участвовавших в опросе, достаточно полно отражает структуру населения каждого города.

Приложение к § 3 главы 1

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных в таблице технологий “умного города” есть в Вашем городе? Какие из них Вы используете и замечаете ли от этого пользу?», % от выборки в каждом городе

	Тю- мень	Тобольск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
1	2	3	4	5	6	7
Мобильные городские приложения о парковке						
Этого нет в городе	12	59	24	42	50	52
Это есть в городе, но я не пользуюсь	30	5	14	7	12	8
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	3	1	3	3	5	4
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	14	1	10	3	6	4
Не знаю	41	35	49	44	26	32
	100	100	100	100	100	100
Интеллектуальные светофоры						
Этого нет в городе	19	61	21	31	37	30
Это есть в городе, но я не пользуюсь	10	3	10	7	8	8
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	6	1	4	3	5	9
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	24	2	19	22	21	23
Не знаю	41	33	46	37	28	29
	100	100	100	100	100	100
Автоматизированные системы электроснабжения и отопления зданий						
Этого нет в городе	7	40	6	9	15	17
Это есть в городе, но я не пользуюсь	14	4	11	8	6	9

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	5	2	5	5	7	6
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	28	6	26	24	27	20
Не знаю	45	48	52	53	44	48
	100	100	100	100	100	100
Мобильные приложения о движении общественного транспорта						
Этого нет в городе	4	50	4	26	20	16
Это есть в городе, но я не пользуюсь	30	12	21	19	26	28
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	5	2	5	3	7	7
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	50	10	55	9	26	27
Не знаю	12	26	14	42	21	23
	100	100	100	100	100	100
Информационные табло или киоски на остановках городского транспорта						
Этого нет в городе	12	34	5	31	30	15
Это есть в городе, но я не пользуюсь	33	35	24	27	22	36
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	8	6	8	5	9	10
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	27	14	52	15	21	23
Не знаю	19	11	10	23	18	16
	100	100	100	100	100	100
Электронный проездной билет						
Этого нет в городе	9	8	14	34	28	23
Это есть в городе, но я не пользуюсь	28	44	24	12	14	23
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	4	3	4	2	6	4
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	33	27	25	5	19	13
Не знаю	26	18	33	47	33	37

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
	100	100	100	100	100	100
Электронный дневник						
Этого нет в городе	5	4	5	9	11	10
Это есть в городе, но я не пользуюсь	34	30	30	28	26	23
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	6	6	7	6	7	11
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	23	37	25	32	26	26
Не знаю	32	23	33	25	30	30
	100	100	100	100	100	100
Электронная запись в образовательные учреждения						
Этого нет в городе	2	8	3	3	4	3
Это есть в городе, но я не пользуюсь	35	26	26	30	23	30
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	6	5	9	6	9	10
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	32	39	33	42	37	34
Не знаю	25	22	29	19	26	23
	100	100	100	100	100	100
Единая медицинская карта пациента						
Этого нет в городе	5	11	6	13	13	13
Это есть в городе, но я не пользуюсь	16	13	15	7	10	15
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	9	10	4	9	8	7
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	37	41	43	31	30	29
Не знаю	33	25	32	40	39	36
	100	100	100	100	100	100
Городские сайты и мобильные приложения для записи к врачу						
Этого нет в городе	1	11	3	5	5	6

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Это есть в городе, но я не пользуюсь	24	14	15	13	18	15
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	9	13	8	12	12	15
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	55	53	56	59	53	51
Не знаю	11	9	18	11	12	13
	100	100	100	100	100	100
Умное уличное освещение						
Этого нет в городе	13	41	11	18	28	25
Это есть в городе, но я не пользуюсь	11	4	7	6	4	8
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	6	2	4	4	6	8
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	33	8	31	31	30	28
Не знаю	37	45	47	41	32	31
	100	100	100	100	100	100
Инструменты экологического мониторинга						
Этого нет в городе	13	30	15	19	25	24
Это есть в городе, но я не пользуюсь	13	4	7	5	7	7
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	3	3	3	2	4	4
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	7	2	9	4	8	6
Не знаю	64	61	66	70	56	59
	100	100	100	100	100	100
Оптимизация сбора бытовых отходов (раздельный сбор мусора)						
Этого нет в городе	25	49	21	17	41	46
Это есть в городе, но я не пользуюсь	16	6	10	13	7	10
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	9	13	7	14	9	6

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	21	11	20	37	15	11
Не знаю	29	21	42	19	28	27
	100	100	100	100	100	100
Дистанционное управление качеством воды						
Этого нет в городе	25	51	20	26	38	39
Это есть в городе, но я не пользуюсь	7	1	5	3	4	4
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	3	0	4	3	4	3
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	7	1	6	5	6	5
Не знаю	58	47	65	63	48	49
	100	100	100	100	100	100
Карты криминогенной обстановки в режиме реального времени						
Этого нет в городе	24	45	21	28	37	37
Это есть в городе, но я не пользуюсь	7	1	8	3	4	8
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	5	1	1	2	3	4
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	4	1	5	1	6	4
Не знаю	60	52	65	66	50	47
	100	100	100	100	100	100
Интеллектуальные средства наблюдения и биометрические платформы						
Этого нет в городе	18	32	17	19	30	30
Это есть в городе, но я не пользуюсь	11	3	8	9	6	9
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	4	1	3	3	5	4
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	5	1	7	5	6	5
Не знаю	62	63	65	64	53	52
	100	100	100	100	100	100

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Онлайн-платформы для проведения голосования жильцов дома						
Этого нет в городе	23	37	18	27	31	33
Это есть в городе, но я не пользуюсь	15	6	12	6	7	9
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	4	2	3	3	6	6
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	9	3	12	6	13	12
Не знаю	49	52	55	58	43	40
	100	100	100	100	100	100
Официальные сайты и странички города в социальных сетях						
Этого нет в городе	2	6	3	3	4	3
Это есть в городе, но я не пользуюсь	31	18	23	24	19	25
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	9	21	10	12	13	17
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	41	45	37	45	45	39
Не знаю	17	10	27	16	19	16
	100	100	100	100	100	100
Электронное правительство (подача жалоб, писем, обращений и т. д.)						
Этого нет в городе	3	13	5	4	7	4
Это есть в городе, но я не пользуюсь	37	19	26	29	23	33
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	8	7	8	9	11	13
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	25	13	21	28	27	25
Не знаю	27	48	40	30	32	25
	100	100	100	100	100	100
Электронные государственные услуги						
Этого нет в городе	1	2	2	1	3	2
Это есть в городе, но я не пользуюсь	16	7	13	10	10	14

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	8	9	5	9	9	11
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	64	74	62	70	66	63
Не знаю	11	8	18	10	11	10
	100	100	100	100	100	100
Возможность безналичного расчета в городском транспорте						
Этого нет в городе	1	4	3	10	5	7
Это есть в городе, но я не пользуюсь	19	23	13	14	15	17
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	5	4	4	4	7	4
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	67	59	62	42	56	40
Не знаю	8	10	18	30	17	32
	100	100	100	100	100	100
Городские интернет-магазины и пункты их доставки						
Этого нет в городе	1	13	3	7	5	10
Это есть в городе, но я не пользуюсь	21	18	14	16	14	17
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	4	1	4	5	8	3
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	60	45	55	52	60	50
Не знаю	14	23	24	20	13	20
	100	100	100	100	100	100
Единая платформа для оплаты государственных и муниципальных услуг						
Этого нет в городе	2	13	5	6	4	8
Это есть в городе, но я не пользуюсь	15	8	11	9	7	10
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	5	3	3	4	8	6
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	54	32	51	51	55	49
Не знаю	24	44	30	29	26	27

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
	100	100	100	100	100	100
Платформы для проведения торгов или подбора поставщиков						
Этого нет в городе	4	15	6	6	9	8
Это есть в городе, но я не пользуюсь	20	5	14	16	14	15
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	4	2	4	3	6	4
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	12	6	10	9	12	11
Не знаю	60	72	66	66	59	62
	100	100	100	100	100	100
Городской бесплатный Wi-Fi						
Этого нет в городе	8	43	22	41	36	36
Это есть в городе, но я не пользуюсь	37	9	15	11	10	10
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	6	2	5	3	5	3
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	26	3	14	8	15	13
Не знаю	23	43	44	37	34	38
	100	100	100	100	100	100
Беспроводной доступ в общественном транспорте						
Этого нет в городе	15	37	18	39	35	32
Это есть в городе, но я не пользуюсь	17	4	14	4	7	4
Есть, и я этим пользуюсь, хотя пользы не вижу	4	1	3	0	4	3
Пользуюсь, и это облегчает жизнь	13	2	13	6	9	6
Не знаю	51	56	52	51	45	55
	100	100	100	100	100	100

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие из нижеперечисленных технологий, по Вашему мнению, позволят улучшить жизнь в городе?», % от выборки в каждом городе

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард
Технологии, связанные с обеспечением безопасности граждан	51	40	50	36	49	46
Технологии, связанные с улучшением экологической ситуации в городе	40	59	42	34	35	33
Технологии, связанные с улучшением функционирования городского транспорта	29	15	34	31	27	28
Технологии, связанные с улучшением социального обслуживания населения	57	64	54	59	52	52
Технологии включения граждан в процессы управления городом	20	15	24	29	25	25
Технологии, связанные с повышением эффективности использования городской инфраструктуры и ресурсов	37	48	36	40	42	47
Технологии, связанные с предоставлением государственных услуг	30	30	31	33	34	35

Примечание: можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос «Как Вы бы охарактеризовали роль
Вашего города в развитии региона, страны в целом. Мой город:»,
% от выборки в каждом городе**

	Тю- мень	Тобольск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
Стратегически важный	39	18	37	34	49	32
Технологически передо- вой	17	10	15	11	12	5
Генератор идей	15	2	9	11	6	7
Культурный, историче- ский центр	30	67	21	41	9	32
Образовательный центр	32	6	17	21	7	10
Туристический центр	12	53	5	26	5	16
Центр развития техноло- гий, инноваций и пред- принимательства	22	2	14	11	12	8
Экономический центр	22	3	30	13	20	12
Умный город	15	2	14	11	9	7
Перевалочная база для освоения Севера	24	8	21	19	34	36
Центр притяжения для мигрантов низкого про- фессионального уровня	14	15	22	22	20	21
Кузница кадров	14	3	10	6	10	8
Провинция во всех отно- шениях	9	24	7	14	10	16
Экспортер ресурсов, в том числе трудовых	15	2	22	13	22	9
Не знаю	10	2	12	9	8	9

Примечание: можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Приложение к § 2 главы 2

Таблица 1

Доля респондентов, согласных с утверждениями,
% от выборки в каждом городе

	Тю- мень	Тобольск	Сур- гут	Ханты- Ман- сийск	Новый Урен- гой	Сале- хард
Жителям других городов мой город кажется престижным	74	26	47	58	49	45
В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома	81	63	59	77	64	68
Многие вещи в городе напоминают мне о моем прошлом	57	61	46	46	55	55
Я знаю свой город так хорошо, что узнаю его на фотографии любой давности	47	63	43	41	62	56
Этот город по-настоящему близок мне	71	63	54	69	65	64
Мое будущее тесно связа- но с этим городом	68	56	39	53	52	43
Я хорошо знаю историю моего города	36	44	28	35	47	48
Мой город обладает исто- рико-культурным насле- дием и я горжусь им	66	88	43	63	48	65
В основном жители моего города отзывчивые и до- брожелательные	62	43	47	68	63	66
Я чувствую близость с жителями моего города	45	39	35	47	52	50
Большинству жителей моего города можно до- верять	39	33	31	47	44	47

Примечание: варианты «Полностью согласен» + «Скорее согласен».

Таблица 2

**Распределение респондентов по группам
в зависимости от уровня городской идентичности, %**

Группы с разным уровнем городской идентичности	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард	В целом по выборке
Низкий уровень ($\leq 0,5$)	17	21	38	27	29	28	26
Средний ($> 0,5$ и $\leq 0,8$)	49	47	45	48	44	43	46
Высокий ($> 0,8$)	33	32	16	24	27	29	27
Системные пропуски	0	1	1	1	0	0	1
	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 3

**Характеристики «идеального города»,
средние оценки по 5-балльной шкале**

	Тюмень	Тобольск	Сургут	Ханты-Мансийск	Новый Уренгой	Салехард	Среднее по всей выборке
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
Инновационная, конкурентоспособная экономика	4,12	4,34	4,05	4,15	4,23	4,11	4,16
Прозрачное, открытое городское управление	4,37	4,53	4,21	4,47	4,38	4,39	4,39
Применение цифровых («умных») технологий в управлении городом	4,09	4,05	4,06	4,04	3,96	4,06	4,05
Хорошие условия для развития бизнеса	4,43	4,50	4,26	4,48	4,36	4,33	4,40
Высокий уровень жизни населения	4,66	4,70	4,58	4,74	4,73	4,68	4,68

1	2	3	4	5	6	7	8
Комфортная среда проживания	4,72	4,70	4,65	4,80	4,72	4,70	4,72
Высокий уровень образованности населения	4,31	4,44	4,33	4,42	4,36	4,37	4,37
Туристическая привлекательность	3,57	4,25	3,45	3,63	3,27	3,72	3,64
Доброжелательные, приветливые жители (горожане)	4,26	4,29	4,26	4,48	4,40	4,40	4,34
Уникальная, качественная продукция местных производителей	4,17	4,17	4,05	4,15	3,97	4,20	4,13

Рис. 1. Средние оценки характеристик своего города (по 5-балльной шкале)

Рис. 2. Разница между представлениям об идеальном и своем городе в разрезе городов

Научное электронное издание

КОСТКО Наталья Анатольевна
ПЕЧЕРКИНА Ирина Федоровна
ПОПКОВА Алена Анатольевна

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УМНОГО ГОРОДА:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография

Редактор	<i>А. А. Горбунов</i>
Верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Обложка	<i>Е. Г. Шмакова</i>

Подготовлено к электронному изданию 21.11.2024.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 16,28. Заказ 267.

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
Тел.: (3452) 59-75-34, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru